

ISSN 2522-1787

*Донецкий национальный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка*

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ

Научный журнал

Выпуск 18

Донецк – 2022

Донецкий национальный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ

Научный журнал

Выпуск 18

Донецк – 2022

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор – д. филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Ответственный секретарь – к. филол. наук **Н.В. Гладкая**

Члены редколлегии: к. филол. наук, доц. **Н. А. Ярошенко** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **Н. П. Курмакаева** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); д-р филол. наук, проф. **А. А. Кораблёв** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **В.И. Мозговой** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **А.Н. Стебунова** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **М.Г. Евсева** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **М.Н. Панчехина** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **Л.Т. Сенчина** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); д-р филол. наук, проф. д-р филол. наук, проф. **В. М. Калинин** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького»); **Г.Г. Слышкин** (ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»); д-р филол. наук, проф. **В. И. Супрун** (ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет»).

Editorial Board:

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Executive Secretary – Candidate of Philology **N.V. Gladkaya**

Members of the Editorial Board: Candidate of Philology, Associate Prof. **N.A. Yaroshenko** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. P. Kurmakaeva** (Donetsk National University); Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **V.I. Mozgovoi** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **A.N. Stebunova** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **M.G. Jevseeva** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **M.N. Panchekhina** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **L.T. Senchina** (Donetsk National University); Doctor of Philology, Prof. **V.M. Kalinkin** (Donetsk National Medical University of Maxim Gorky); Doctor of Philology, Prof. **G.G. Slyshkin** (Russian University of Transport, Russian Federation); Doctor of Philology, Professor **V.I. Suprun** (Volgograd State Pedagogical University, Russian Federation)

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33

E-mail: donrus452@yandex.ru, terkulov@rambler.ru, Nata.gladkaya25@yandex.ru

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Протокол № 4 от 29.04.2022 г.

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2022

Словообразование и грамматика

УДК 81'42

М. Агаркова

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. д. филол.н., проф. В.И. Теркулов)*

СЛОЖНОПРОИЗВОДНЫЕ ОТАББРЕВИАТУРНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В СИНХРОННОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматриваются отаббревиатурные прилагательные, определяются особенности и типологии аббревиатурных и квазиаббревиатурных прилагательных, а также описываются особенности дешифровки аббревиатурных прилагательных.

Ключевые слова: *отаббревиатурные прилагательные, квазиаббревиатурные прилагательные, дешифровка, абброконструкт.*

Работа посвящена рассмотрению аббревиатур-прилагательных. По мнению большинства исследователей, аббревиатура – это «**существительное** (выделено нами – М.А.), состоящее из усечённых слов, входящих в исходное словосочетание» [Ярцев 1984, с. 121], а «процесс сложения усечённых основ или усечённых и полных основ, действующий только относительно словообразования **имён существительных** (выделено нами – М.А.)» [Возбранная 2008, с. 17]. Однако наше исследование показало, что все признаки аббревиатур и квазиаббревиатур есть и у прилагательных, содержащих абброконструкт.

Целью работы является определение особенностей и типологии аббревиатурных и квазиаббревиатурных прилагательных. Данная цель определила следующие **задачи**:

- дать определение аббревиатурному и квазиаббревиатурному прилагательному;
- определить типы аббревиатурных и квазиаббревиатурных прилагательных;
- описать особенности дешифровки аббревиатурных прилагательных.

Актуальность работы заключается в том, что сложносокращённые прилагательные ранее не рассматривались учёными как аббревиатуры. Выводы, сделанные в результате исследования, имеют как теоретическую, так и практическую актуальность. Наша работа предполагает обогащение научных представлений о словообразовательной базе языка, включая в её состав новый тип аббревиатур, расширяет уже существующие знания об аббревиации. Результаты исследования могут быть применены в работе над Толково-словообразовательным словарём сложносокращённых слов русского языка, осуществляемой Экспериментальной лабораторией исследования тенденций аббревиации: сложносокращённые прилагательные дополняют как словник данного словаря, так и блок сложноподобных слов, что делает актуальным необходимость разработки методик выделения и описания единиц данного типа.

Существует множество различных классификаций сложносокращённых слов (аббревиатур), основанных на выделении чисто формальных, внешнеструктурных разновидностей сложносокращённых образований. Называют такие разновидности «типами сложносокращённых слов» [Шанский, с. 275], «типами сложносокращённых

образований» [Грамматика, 1980, с. 139], «типами образования сложносокращенных слов» [Совр. рус. язык 1970, с. 130], «типами сложения сложносокращенных слов» [Шанский 1968, с. 279], «разновидностями аббревиации как особого способа словообразования» [Земская 1978, с. 272] и т.д. Мы же под **сложносокращенным словом** (далее—ССС) понимаем, «с точки зрения диахронии, единицы, возникшие в результате универбализации и противопоставляющиеся квазиаббревиатурам как единицам, возникшим в результате прямого аброморфемного словообразования, а с точки зрения синхронии – как единицы, имеющие актуальные текстовые эквиваленты». [Теркулов 2019, с.105].

Иначе говоря, на наш взгляд следует различать диахронный и синхронный подходы к выделению и описанию аббревиатур. При **диахронном анализе** «описывается класс сложносокращенных слов, реально возникших на базе словосочетаний», **синхронный подход** устанавливает и описывает отношения актуальной эквивалентности в пределах гнезд эквивалентности, входящих в аббревиатурную группу. Наше исследование построено на синхронном анализе, устанавливающем и описывающем отношения эквивалентности в пределах гнезд эквивалентности. Однако для составления более подробной типологии адекватным аббревиатур нами были использованы сведения, полученные при диахронном анализе.

В связи с вышесказанным термин «аббревиатура» имеет разное значение на разных срезах языка.

Так, под **диахронными аббревиатурами** понимаются «сложносокращенные слова, реально возникшие на базе словосочетаний и противопоставляющиеся квазиаббревиатурам» [Теркулов 2017, с. 86]. На диахронном срезе языка аббревиатура должна содержать абброконструкт и быть произведена от словосочетания в результате его компрессии, универбализации (*алкозависимость* > *алкогольная зависимость*, *борткомпьютер* > *бортовой компьютер*). Квазиаббревиатуры же характеризуются отсутствием словосочетания-источника и создаются в результате использования аброморфемы – абброконструкта, непосредственно присоединяющегося к производящему слову (*автодилерский*).

Синхронные аббревиатуры являются «единицами, связанными мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащие в своем составе эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания» [Теркулов 2016, с.74]. Исходя из этого, следует говорить о том, что СССР, которые на диахронном срезе языка являются квазиаббревиатурами, на синхронном срезе могут восприниматься как аббревиатуры, разворачивающиеся в (текстовые) эквиваленты в результате псевдоунивербализации. Так, если в диахронном аспекте СССР *алкозависимый*, образованное от *алкозависимость*, относится к квазиаббревиатурам за неимением словосочетания-источника, то в синхронном аспекте данное СССР будет входить в состав аббревиатур, так как обнаруживается дублетность слова и словосочетания: *алкозависимый* > *алкогольный зависимый* (*Необходимо понимать, что **алкогольный зависимый** не в состоянии справиться со своим заболеванием самостоятельно. Услуги наркологических клиник, где **алкозависимым** помогают вернуться к полноценной жизни, востребованы как никогда <https://narkolog-ufa.ru/lechenie-alkogolizma/>*). Это происходит благодаря **псевдоунивербализации**, которая представляет собой «развертывание на базе СССР вторичных словосочетаний, возникновение которых обусловлено действием сложившегося в сознании носителей языка стереотипа: если в состав слова входит абброконструкт, этому слову должно соответствовать словосочетание, в котором должен присутствовать словесный эквивалент этого абброконструкта» [Теркулов 2016, с.79]. Так же возникла аббревиатурная трактовка, например, СССР *авиаракетный—авиационный ракетный, авиационно-ракетный* (31

декабря 1983 года на вооружение принят **авиационный ракетный** комплекс, включающий самолет-носитель Ту-95МС. 25 декабря 1979 года решено принять КР на вооружение **авиаракетный** комплекс Х-55в качестве вооружения стратегических бомбардировщиков, хотя испытания «изделия» еще не закончились. Самолёт-носитель, ракета и наземное оборудование составляют **авиационно-ракетный комплекс**).

ССС-прилагательные могут выделяться как в диахронии, так и в синхронии. В диахронии мы понимаем под **прилагательными-аббревиатурами/адъективными аббревиатурами** СССР, обладающие формальными признаками имени прилагательного и возникшие на базе словосочетаний: *культмассовый* > *культурно-массовый* (*Структурное подразделение Студенческого совета, отвечающее за проведение культурно-массовых мероприятий. Культмассовый сектор играет особую роль в процессе досугово-рекреационной деятельности и предназначен для организации внеучебной жизни студентов*

<http://mpgu.su/ob-mpgu/struktura/faculties/fakultet-pedagogiki-i-psychologii/studencheskaja-zhizn/teatrnaya-studiya-mmh/>)

На **синхронном же срезе** СССР – это сложнопроизводные слова, обладающие формальными признаками прилагательного, включающие в свой состав аббревиатурный конструкт и получившие в результате псевдоунивербализации в текстах дескриптивные эквиваленты, а потому трактуемые на синхронном срезе языка как аббревиатуры (*виброшлифовальная* > *вибрационная шлифовальная*: *Что такое вибрационная шлифовальная машина: обзор и отзывы — гайд в 5 разделах. Виброшлифовальная машинка—это электрический инструмент, предназначенный для сухой шлифовки поверхностей. <https://www.moyo.ua/news/chto-takoe-vibratsionnaya-shlifovalnaya-mashina-obzor-i-otzyvy-gayd-v-5-razdelakh.html>*).

Диахронные прилагательные-аббревиатуры противопоставляются квазиаббревиатурам: *отаббревиатурным прилагательным (автомобильный)* и *аброморфемным прилагательным (бакисследовательский)*. К синхронным прилагательным-аббревиатурам относятся те, которые имеют текстовые эквиваленты. **Квазиаббревиатурные синхронные прилагательные** отличаются отсутствием в текстах дескриптивных эквивалентов и невозможностью разворачиваться в синтаксические эквиваленты. Например, слово *автозаводской (переулок)*, является квазиаббревиатурой, поскольку эквивалент *автомобильный заводской* не находит подтверждения в текстах).

Мы можем выделить следующие типы адъективных аббревиатур:

1. Являющиеся аббревиатурами и на диахронном, и на синхронном срезе: *автодорожный* > *автомобильный дорожный* (*В 1977 году окончил среднюю общеобразовательную школу, в этом же году поступил в Таджикский политехнический институт на **автодорожный факультет**. В 1989 году был направлен на курсы повышения квалификации в Московский **автомобильный дорожный** институт. <https://vecherka.tj/archives/48>), *электробытовой* > *электрический бытовой (Электробытовой прибор с упругим крепежным устройством. Быстродействующий водонагреватель и электрический бытовой прибор, содержащий такой водонагреватель. <https://edrid.ru/rid/217.015.7c4f.html>*).*

Здесь адъективные аббревиатуры образованы от словосочетаний и имеют синтаксические эквиваленты, подтверждаемые эквивалентными текстами, что даёт право говорить о том, что они являются аббревиатурами в синхронном и диахронном аспекте.

2. Являющиеся аббревиатурами на синхронном срезе, но квазиаббревиатурами— на диахронном: *автогоночный, нефтегазовый и др.* («Суперлига Формула (англ. *Superleague Formula*)—новый **автогоночный** чемпионат, основанный в 2008 году; **Нефтегазовый** сектор России является ключевым элементом экономики государства)

В данном случае мы отмечаем, что ССС имеют эквиваленты, однако они образованы на базе уже имеющихся сложносокращенных слов, а потому на диахронном срезе будут трактоваться как квазиаббревиатуры

3. Являющиеся квазиаббревиатурами и на синхронном, и на диахронном срезе: *бензонасосный, дымозащитный, мирозерцательный и др.*

В последнем типе представлены адъективные квазиаббревиатуры, не имеющие ни словосочетания-источника, ни возможности разворачиваться в эквиваленты.

Невозможность ССС-прилагательного разворачиваться в синтаксические эквиваленты объясняется следующими факторами: 1) ССС было образовано при помощи корневых компонентов типа аква-, мини-, квази-, ретро-, которые не разворачиваются в эквивалентное слово: *ретроспективный, видеомонтажный, квазиаббревиатурный*; 2) при разворачивании ССС меняется исходная семантика аббревиатуры: *бензонасосная (станция)* («станция, которая выкачивает бензин с помощью встроенного насоса», но при попытке развернуть ССС (*бензиновый насосный*) оно получает значение «насосная станция, работающая на бензине»).

Аббревиатуры, будучи результатом действия словообразовательных процессов, всё чаще сами становятся производящей базой для новых наименований. Появление у такой сокращённой единицы производных свидетельствует об активизации её словообразовательного потенциала. Так, например, от ССС *газозаправка* образованы прилагательное *газозаправочный*.

Большинство адъективных аббревиатур образуются на базе имён существительных суффиксальным способом: *автодилер > автодилер-[ск-ий], авиатурист > авиатурист-[ическ-ий], бандподполье > бандподполь[-н-ый], гидропосев > гидропосев[-оч-н-ый]* и др. и могут иметь до двух эквивалентов, что даёт нам возможность разделить их на следующие типы:

- Имеющие одну дешифровку: *авиадивизионный > авиационный дивизионный, авиаиндустриальный > авиационный индустриальный, профсоюзный > профессионально-союзный, телеаналитический > телевизионный аналитический, телекоммуникационный > телевизионный коммуникационный.*

- Имеющие несколько дешифровок: *авиаракетный > авиационный ракетный, авиационно-ракетный; авиадесантный > авиационный десантный, авиационно-десантный; авиаинженерный > авиационный инженерный, авиационно-инженерный; информполитический > информационный политический, информационно-политический; промстроительный > промышленный строительный, промышленно-строительный.*

Вывод: ССС-прилагательные могут выделяться как в диахронии, так и в синхронии. Если в диахронии под **прилагательными-аббревиатурами/адъективными аббревиатурами** понимаются ССС, обладающие формальными признаками имени прилагательного и возникшие на базе словосочетаний. То на **синхронном срезе** ССС – это сложнопроизводные слова, обладающие формальными признаками прилагательного, включающие в свой состав аббревиатурный конструкт и получившие в результате псевдоуниербализации в текстах дескриптивные эквиваленты, а потому трактуемые на синхронном срезе языка как

аббревиатуры так, адъективные аббревиатуры на разных срезах языка проявляются по-разному.

Были выделены типы адъективных аббревиатур: ССС, которые образованы от словосочетаний и имеют синтаксические эквиваленты, подтверждаемые текстами; ССС, имеющие эквиваленты, но образованные на базе уже имеющихся сложносокращенных слов, и адъективные квазиаббревиатуры, не имеющие ни словосочетания-истока, ни возможности разворачиваться в эквиваленты. А также проведено разделение адъективных аббревиатур, образованных на базе имён существительных суффиксальным способом: имеющие несколько и одну дешифровку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Возбранная Татьяна Викторовна. Сложносокращенные слова с иноязычным компонентом в современном русском языке: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Возбранная Татьяна Викторовна; [Место защиты: Дальневост. гос. ун-т].- Хабаровск, 2008.- 228 с.
2. Грамматика русского языка. М., 1980.
3. Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1970.
4. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. Учебное пособие. М., 1978.
5. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / глав. ред. В.И. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с. –Алексеев Д.И., Гозман И.Г., Сахаров Г.В. Словарь сокращений русского языка.4-е изд. / Под ред. Д.И.Алексеева. М., 1984.
6. Теркулов В.И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В.И. Теркулов // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. – Вып. 3(29). Языкознание. – Горловка: Изд-во ГИИЯ, 2016. – С. 13–24
7. Теркулов В. И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И Теркулов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2017. – № 6.
8. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968.
9. Теркулов В.И. Сложносокращенные апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур // Русистика. 2020. Т. 18. № 1. С. 97–112.

M. Agarkova

COMPOUND DERIVATIVE OTABBREVIATURAL ADJECTIVES IN THE SYNCHRONOUS ASPECT

The article discusses abbreviation cases, special features and typologies of abbreviation and quasi-abbreviation cases, as well as the features of deciphering abbreviation cases.

Key words: *abbreviated adjectives, quasi-abbreviated adjectives, decoding, abbroconstruct.*

ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ АББРЕВИАТУРНОГО ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ»

Работа посвящена описанию аббревиатурного ономаσιологического класса «географический объект». Автором уточнено понятие «ономаσιологический класс», определены границы ономаσιологического класса «географический объект», определены формальные модели эквивалентности аббревиатур ономаσιологического класса «географический объект».

Ключевые слова: ономаσιологический класс, географический объект, сложносокращенное слово, номинатема, дешифровальный стимул.

В последнее время ученые все чаще стали обращаться к исследованию больших тематических объединений номинативных единиц. Это не случайно, поскольку дескрипция семантически взаимосвязанных сущностей позволяет наиболее атомарно (а значит – подробно) осуществить описание языковой картины мира того или иного языкового коллектива, в нашем случае – русского.

Цель исследования состоит в описании формальных моделей эквивалентности аббревиатур ономаσιологического класса географических объектов. Для достижения указанной цели требуется решить ряд **задач**:

- 1) уточнить понятие «ономаσιологический класс»;
- 2) определить границы ономаσιологического класса «географический объект»;
- 3) определить формальные модели эквивалентности аббревиатур ономаσιологического класса «географический объект».

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что проблема описания ономаσιологического класса, объединяющего структурно и деривационно близкие единицы, обозначающие однотипные референты, не получила еще достаточного освещения в научной литературе. Одним из факторов актуальности работы является также необходимость создания методик формирования словарных статей «Толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых слов русского языка». Определение особенностей формирования ономаσιологических классов может быть использовано как основа для создания приёмов прогнозирования эквивалентностных отношений в гнездах эквивалентности сложных слов.

Объект исследования: аббревиатуры со значением географических объектов.

Предмет исследования: номинативный статус и механизмы формирования ономаσιологической структуры и формальной организации сложносокращенных слов, входящих в данный ономаσιологический класс.

В современном языкознании сложносокращенные слова (далее – ССС) являются предметом исследований многих ученых, которые преимущественно описывают структурные типы сложных слов и способы их образования, а также словообразовательный потенциал единиц композитопостроения и их взаимосвязь с исходной, производящей базой.

По мнению Е. С. Кубряковой, в компетенцию словообразования входит его участие в формировании языковой картины мира, в актах категоризации, в процессах когнитивной обработки поступающей к человеку информации [6, с. 393-394]. Суть же ономаσιологического подхода к анализу сложных наименований в том, чтобы

рассмотреть семантику производного в терминах ономаσιологических, понятийных категорий, т.е. изучить способы «отражения в структуре производного общекатегориальных значений, значений кардинальных (основных) частей речи и их разновидностей», а также «подход от значений частей речи и главных номинативных функций этих последних в составе высказывания» [6, с. 81]. В нашем исследовании мы придерживаемся концепции В. И. Теркулова и полагаем, что понятие *номинатема* является базовым для определения ономаσιологической природы любой языковой единицы. Номинатема трактуется как основная номинативная единица языка, которая обозначает любую языковую разновидность, объединяющую глоссы, которые связаны отношениями семантического тождества и формальной взаимообусловленности. Речевыми глоссами языковой номинативной единицы мы называем слово, словосочетание или сочетание служебного и знаменательного слов [10, с. 149].

Проблемы формирования внутренней, семантической структуры ССС, связанные с необходимостью определения границ ономаσιологических классов (далее – ОК), нашли свое отражение в работах ученого и его последователей. В. И. Теркулов разработал типологию композитов с точки зрения их ономаσιологического статуса. Композиты распределяют на универбализационные, являющиеся словесной интерпретацией коллокативных номинатем, деривационные, являющиеся базовыми реализациями самостоятельных словесных номинатем, и квазикомпозиты, т.е. сложные слова, возникшие не на основе словосочетаний, а в результате искусственного сочленения частей некоторых слов. Нами же рассматриваются ССС, т.е. «эквиваленты словосочетаний, включающие в свой состав неинициальный абброконструкт» [10]. Следует отметить, что мы используем синхронный подход, целью которого является установление и описание отношений синхронной эквивалентности в пределах гнезда эквивалентности аббревиатуры, под которым понимается «совокупность актуально сосуществующих словосочетаний, связанных отношениями мотивационной эквивалентности с аббревиатурой и употребляемых с нею в эквивалентных текстах» [10].

По мнению В.И. Теркулова, структура ОК универбализационных композитов является трехчленной. К верхнему ярусу ученый относит общекатегориальное грамматическое значение, при этом отмечаются только субстантивные и атрибутивные номинатемы. Второй ярус предполагает существование номинатемы в пределах определенной лексико-семантической группы (ЛСГ), которая в свою очередь является лексико-семантической группой одноструктурных единиц (ЛСГОЕ). Третий ярус предполагает распределение номинатем по ономаσιологическим моделям [9, с. 294].

Классификации композитных ОК уже известны науке. Например, Е.А. Смирнова и Н.В. Макарова предложили классификации ЛСГ коллоквиальных композитов [7], Е.Г. Васильева – посессивных бахуврихи – обозначений лица [2-3], О.В. Деменчук – колоративных композитов [5], Ситянина Н.В. – композитных наименований объектов и явлений природы [8] и т.д. Однако в указанных работах нет единства в понимании возможной модели описания. В них осуществляется классифицирование по тому принципу, который вытекает из цели исследователя. Например, для некоторых лингвистов важным является классификация компонентов класса по тому, как в них выражаются семы «единичного» и «особенного», в каких социально-коммуникативных разновидностях языка они реализуются и т.д.

Для нашей работы важны собственные базовые ономаσιологические характеристики компонентов класса. Мы предлагаем использовать для формирования классификации компонентов последнего представление об ономаσιологических

структурах, предложенное в работах М. Докулила, Е.С. Кубряковой, Е.А. Селивановой, В. И. Теркулова и др.

Общее определение географического объекта.

Географические объекты – это существующие или существовавшие относительно устойчивые, характеризующиеся определенным местоположением целостные образования Земли: материки, океаны, моря, заливы, проливы, острова, горы, реки, озера, ледники, пустыни и иные природные объекты; республики, края, области, города Федерального значения, автономные области, автономные округа; города и другие поселения, районы, волости, железнодорожные станции, морские порты, аэропорты и подобные им объекты.

Мы рассматриваем ССС, формирующие ОК композитов со значением географических объектов. Признаки, определяющие ОК:

- структурное тождество объединяемых единиц (в нашем случае все слова являются ССС);
- общекатегориальное грамматическое тождество объединяемых единиц (в нашем случае все ССС относятся к существительным);
- ономаσιологическое тождество объединяемых единиц (в нашем случае все композиты-существительные имеют значение географического объекта).

По картотеке первых двух томов «Толково-эквивалентного словаря сложносокращённых слов русского языка» нами обнаружено 35 ССС, образующих ОК со значением географических объектов.

Нами обнаружены следующие ономаσιологические базисы: **область:** *артобласть* – 1 пример, 2,86% от общего числа ССС (далее: 1; 2,86%); **гетто:** *афрогетто* (1; 2,86%); **квартал:** *афроквартал* (1; 2,86%); **комплекс:** *авиакомплекс* (1; 2,86%); **край:** *админкрай* (1; 2,86%); **округ:** *админокруг* (1; 2,86%); **порт:** *нефтепорт* (1; 2,86%); **пояс:** *агропояс* (1; 2,86%); **республика:** *Совреспублика* (1; 2,86%); **гавань:** *авиагавань, нефтегавань* (2; 5,71%); **зона:** *агрозона, курзона* (2; 5,71%); **посёлок:** *агропосёлок, админпосёлок* (2; 5,71%); **регион:** *еврорегион¹, еврорегион²* (2; 5,71%); **город:** *агrogород, академгород, инногород* (3; 8,57%); **центр:** *крайцентр, райцентр, курцентр* (3; 8,57%); **городок:** *авиагородок, автогородок, агrogородок, академгородок, кургородок* (5; 14,29%); **район:** *боерайон, агрорайон, моррайон, жилрайон, нацрайон, промрайон, укрепрайон* (7; 20%).

В предложенной В.И. Теркуловым концепции описание различных типов сложных слов закономерно включает:

- 1) определение процесса преобразования продуцирующей единицы в ССС;
- 2) описание модели продуцирующей единицы (конструкции);
- 3) описание модели образованного ССС.

При синхронном подходе, определяющем не процесс образования ССС, а отношения эквивалентности ССС – словосочетание, нами сохраняются следующие пункты предложенной модели:

- 1) описание модели эквивалентной единицы (конструкции);
- 2) описание модели ССС в соответствии с соотношением ее конструкторов с конструкторами эквивалентной единицы.

Модель эквивалентной единицы (конструкции) учитывает те параметры данной единицы, которые релевантны характеристикам ССС. В ней указывается на: количество компонентов продуцирующей единицы (конструкции); там, где их больше одного – на тип связи между ними, порядок их следования, грамматические характеристики.

В рассматриваемом нами ономаσιологическом классе географических объектов по количеству компонентов эквивалентные единицы (конструкции) подразделяются на:

- двухкомпонентные, например: *артезианская область – артобласть, район боя – боерайон* и т.д.;
- трехкомпонентные (со служебными словами), например: *район у моря – моррайон* и т.д.;
- трехкомпонентные (из знаменательных слов), например: *район боевых действий – боерайон* и т.д.;
- четырехкомпонентные (из знаменательных и служебных слов), например: *регионы в странах Европы – Еврорегион* и т.п.

Дешифровальный стимул. Дешифровальный стимул (далее – ДС) определяется как «стереотип расшифровки абброконструкта» [10, с. 19], т.е. как слово или сочетание слов, являющееся эквивалентом абброконструкта и используемое для его замены в эквивалентном словосочетании. Обычно абброконструкт имеет несколько ДС. Например, для абброконструкта *вело* нами отмечаются ДС *велосипедный, велосипедов, велосипеда, для велосипеда, на велосипед, велоспорта, для велоспорта, велосипедного спорта, к велосипеду, по изготовлению велосипедов, по продаже велосипедов* и т.д. Множественность ДС у одного абброконструкта обеспечивает возможность формирования множественной синхронной эквивалентности аббревиатуры. Конечно же, для отдельно взятого ССС используются не все ДС входящего в её состав абброконструкта, а только те, которые «прогнозируются» её значением [1].

Синхронное описание ДС, аббревиатур и эквивалентных словосочетаний включает две процедуры: формально-структурный и семантико-ономасиологический анализ.

Модель структуры ДС. На первом этапе устанавливается общая модель использования ДС в эквивалентном словосочетании [1]. Для моделирования применяются символы: у – базисный компонент, х – признаковый, т.е., собственно, ДС абброконструкта, адъект – адъектив (прилагательное, адъективированное причастие), сущ – существительное, предл – предлог, а – компонент сложного слова, дополняющий стимул х, но не имеющий эквивалента в аббревиатуре, z – слово, входящее в ДС – словосочетание, но не имеющее эквивалента в аббревиатуре.

В аббревиатурах, обозначающих географические объекты, выявлено 7 типов ДС (всего в данном подклассе 68 эквивалентов):

1. х – существительное (у-х: *регион Европы – еврорегион*);
2. х(адъект) – простой адъектив (у-х(адъект): *административный округ – админокруг*);
3. х-а – сложное существительное: (у-х-а(сущ): *регион еврозоны – еврорегион*);
4. х-а(адъект) – сложный адъектив (у-х-а(адъект): *афроамериканский квартал – афроквартал*);
5. (предл)х – существительное с предлогом: (у-(предл)х: *регион в Европе – еврорегион*);
6. х(адъект)-z – словосочетание с зависимым адъективом: (у-х(адъект)-z: *район боевых действий – боерайон*);
7. (предл)х-z(сущ) – предложное словосочетание с зависимым существительным: (у-(предл)х-z(сущ): *регион в странах Европы – еврорегион*).

Второй этап представляет собой установление определённой модели формальной разновидности эквивалентности для всех эквивалентных пар в пределах гнезда эквивалентности, которая изображает тип условного совпадения элементов словосочетания и конструкторов аббревиатуры и соединяет два блока: блок аббревиатуры и блок эквивалента. Общие операторы для этих блоков – грамматические операторы, которые показывают частеречную принадлежность элементов эквивалентного словосочетания (сущ – существительное, прил – прилагательное и т.д.), на номер

падежной формы (1 – именительный, 2 – родительный и т.д.), на числовую характеристику (ед – единственное, мн – множественное). Для указания сложных слов, входящих в словосочетание, применяется оператор «кп». В блоке аббревиатуры прибавляются операторы, которые устанавливают качество аббреквивалента (Осн – основа, Чосн – часть основы, Чосн1 – первая часть основы эквивалентного сложного слова, З1 – первый звук основы, Б1 – первая буква основы), ещё оператор «инт», применяющийся когда в аббревиатуре возникает интерфикс. В вариантах, когда при создании аббревиатуры «игнорируются» какие-либо элементы сочетаний слов, они приводятся в скобках после знака «-».

Формальные модели эквивалентности тоже включаются в схему дешифровальной матрицы.

Для класса «географические объекты» обнаружено 11 моделей формальной разновидности эквивалентности:

1. Прил1ед+Сущ1ед: *нефтяной порт*;
2. Сущ1ед+Прил2мн+Сущ2мн: *район национальных меньшинств*;
3. Сущ1ед+предл+Сущ2ед+Сущ2мн: *регион в странах Европы*;
4. Сущ1ед+Сущ2ед: *зона курорта*;
5. Сущ1ед+Сущ2мн: *центр районов*;
6. Прил1ед(кп)+Сущ1ед: *агроклиматическая зона*;
7. Сущ1ед+предл+Сущ2ед: *регион в Европе*;
8. Сущ1ед+предл+Сущ2ед: *район у моря*;
9. Сущ1ед+Сущ2мн(кп): *район нацменьшинств*;
10. Сущ1ед+Сущ2ед(кп): *регион еврозоны*;
11. Сущ1ед+Сущ1ед: *городок-курорт*.

Заключение. Были рассмотрены ССС, формирующие ОК композитов со значением географических объектов. В первых 2-х томах «Толково-эквивалентного словаря сложносокращённых слов русского языка» мы выявили 35 ССС, относящихся к ОК со значением географических объектов. Нами обнаружено 7 типов ДС в данном ономаσιологическом классе, самый распространённый из которых у-(предл)х. Выявлено 11 моделей формальной разновидности эквивалентности. Наиболее частотная из них – модель, реализующая схему Прил1ед+Сущ1ед. В последующих исследованиях мы предполагаем представить набор ономаσιологических моделей, формирующих гнезда эквивалентности ОК «географические объекты», установить ономаσιологические базисы и ономаσιологические признаки ССС, произвести ономаσιологический анализ географических объектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бровец А.И. Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложносокращённого слова // Наука и мир в языковом пространстве. Макеевка, 2016. – С.51-57.

2. Васильева О.Г. Концептуальна семантика субстантивних композитів-бахуврїхї (на матеріалї антропосемїчної лексики сучасної англїйської мови) : автореф. дис. на здоб. наук. ступеня кандидата філол. наук / спец. 10.02.04 «Германські мови» / О. Г. Васильева. – К., 2006. – 20 с.

3. Васильева О.Г. Функціонально-семантичні особливості посесивних найменувань особи (на прикладі субстантивних композитів-бахуврїхї) / О. Г. Васильева // Вісник Житомирського державного університету ім. І. Франка. – 2004. – № 17. – С. 104-107.

4. Географические Информационные Системы. Основы.: Пер. с англ. - М: Дата+, 1999. – 490с.

5. Деменчук О. В. Колоративна композита в англійській мові : когнітивно-ономасіологічний аспект : автореф. дис. на здоб наук. ступеня кандидата філол. наук / спец. 10.02.04 «Германські мови» / О. В. Деменчук. – К., 2003. – 19 с.

6. Кубрякова Е.С. Язык и знание : на пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения : роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

7. Макарова Н. В. Коллоквиальные субстантивные композиты в современном немецком языке : дисс. кандидата филол. наук : 10.02.04 / Макарова Наталья Владимировна. – М., 2004. – 281 с.

8. Ситянина Н. В. Структурно-семантическое исследование наименований объектов и явлений природы в современном английском языке : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ситянина Наталия Викторовна. – Санкт-Петербург, 2003. – 146 с.

9. Теркулов, В. И. Композиты русского языка в ономасіологічному аспекте : дис. д-ра филол. наук : 10.02.02 / Теркулов В. И. – Горловка, 2008. – 472 с.

10. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: Синхронный и диахронный аспекты описания / В.И.Теркулов // Рукопись. – 2017. – №6. – С. 73-97.

D.A. Bratcun

PRINCIPLES OF DESCRIPTION OF THE ABBREVIATE ONOMASYLOGICAL FIELD «GEOGRAPHICAL OBJECTS»

The work is devoted to the description of the abbreviated onomasiological class «geographical object». The author clarifies the concept of «onomasiological class», defines the boundaries of the onomasiological class «geographical object», defines formal models for the equivalence of abbreviations of the onomasiological class «geographical object».

Key words: *onomasiological class, geographical object, abbreviated word, nominateme, deciphering stimulus.*

УДК 81'23

С.А. Будник

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

КОГНИТИВНО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛА «ПОКОИТЬСЯ»

Статья посвящена когнитивно-ономасіологічному анализу одного из глаголов положения в пространстве – глаголу *покоиться*. Проведен анализ указанного глагола с точки зрения когнитивной лингвистики. Дана общая характеристика глаголов расположения в пространстве, установлено место глагола *покоиться* в тематическом поле положения в пространстве; определена методика описания глагола положения в пространстве, описан глагол *покоиться* по установленной методике.

Ключевые слова: *глаголы положения пространства, когнитивно-ономасіологіческий анализ, семантика глагола.*

Исследованием глаголов с семантикой размещения в пространстве занимались В.В. Лопатин, И.В. Каменская, О.П. Игнатенко (на материале русского языка), С.Ю. Дмитренко (на материале кхмерского языка), М.Д. Виларова-Ангелова (на материале болгарских глаголов), Ю.И. Ефремова, О.В. Петрянина (на материале немецкого языка), П.С.Федюк (на материалах русского, английского и французского языков).

Ученые, работающие с подобной тематикой, ставят перед собой задачу синтетического плана, а именно произвести анализ категории пространства, то есть изучить горизонтальную и вертикальную плоскости данной категории.

Основными проблемами при рассмотрении данной лексико-семантической группы являются проблемы определения и классификации.

Как определяет М. Д. Виларова-Ангелова, глаголы положения в пространстве характеризуют семантическое сходство “на основании общего значения ‘позиция’, т.е. пространственное расположение, объективно обусловленное законами физики (гравитация, форма предмета, контактная поверхность) и возможными ориентационными позициями (горизонтальной – *лежать* и вертикальной – *стоять, сидеть, висеть*)” [3].

В.Е.Всеволодова и М.Ю.Владимирский дают следующее определение местонахождению: ”Местонахождение представляет собой статический процесс нахождения в определенном месте, или движение, не выходящее за пределы определенного пространства, т.е. движение, не связанное с преодолением пределов некоторого пространства. В ситуациях местонахождения наиболее ярко выражается статичность, которая предполагает «неизменное пространственное расположение предмета по отношению к локуму» [4, с.264].

Мы соглашаемся с мнением Ю.Д. Апресяна о том, что глагол положения в пространстве – это глагол, у которого обнаруживается конфигурация “быть расположенным как-то” [1], т.е. глаголы, имеющие общий семантический признак локализации в пространстве.

Все номинатемы ономаσιологического класса (ономаσιологический класс – “совокупность номинатем, в которой единый тип представленности знаний реализован в одном грамматическом классе единиц одинаковым структурным способом” [2,с.55]) “глаголы положения в пространстве» можно условно разделить на две лексико-семантические группы (ЛСГ – «объединение слов, организованное на основе единого понятия, сходства функций, соположения, отражающее, прежде всего, естественное онтологическое расчленение реальной действительности, связь слов с конкретными предметами и их свойствами” [5, с. 90–91]:

1.ЛСГ «глаголы вертикального местоположения в пространстве»;

2.ЛСГ «глаголы горизонтального местоположения в пространстве».

К ЛСГ «глаголы горизонтального местоположения в пространстве» относим микрогруппу глагола «лежать», к которой и относится рассматриваемый нами глагол.

В словаре С.И. Ожегова под ред. Н.Ю.Шведовой встречаем следующее определение глагола *покоиться*: **1.** (1 л. и 2 л. не употр.). Находиться в состоянии покоя. **2.** (1 л. и 2 л. не употр.), *на чём*. Иметь основанием что-н., прочно основываться на чём-н. (книжн.). *Здание покоится на прочном фундаменте*. **3.** Неподвижно лежать (обычно об умерших) (устар.). *П. в могиле* (быть похороненным) [6].

Из указанных значений видим, что глагольная номинатема имеет стательное значение, или фреймовый гештальт, который представляет собой событие “как представление о статической ситуации” [7] и не имеет дополнительной архисемы.

Данный глагол обладает как гомическими, так и негомическими признаками, т.е. действие может быть присуще как человеку, так и неодушевленным предметам.

Глагол *покоиться* является стилистически маркированным, что нашло свое отражение в словаре в виде помет «устаревшее» и «книжное». Толковый словарь Д.Н.Ушакова отмечает глагол *покоиться* в значении «Быть похороненным где-нибудь» под пометой «ритор» [8].

Убедимся в верности своих суждений о наличии выше указанных признаков у глагола **покоиться** в контексте (все примеры взяты из Национального корпуса русского языка).

Значение «быть похороненным» актуализируется в таких примерах:

Окажите мне последнее почтение —
Приходите вы ко мне на погребение,
Буду я **покоиться** в гробу
С христианской грамоткой на лбу...»
[Ю. П. Одарченко. «Вечеров литературных завсегда!...» (1955)].

«Оставь меня в могиле темной
Покоиться до судных труб.
[Г. П. Струве. «Оставь меня в могиле темной...»] (1918-1936).

“Завещал быть похороненным в Мырятине, но дочери, узнав об этом, попросили папку не делать глупостей, ему полагается Новодевичье, и если ему все равно, где **покоиться**, то не все равно будет семье и потомкам”. [Г.Н. Владимов. Генерал и его армия (1994)].

В каждом контексте глагол **покоиться** наделен гомическим признаком.

Значение «находиться в состоянии покоя» можем наблюдать в следующих примерах:

Чтоб душу насытить всей прелестью дней
И без сожаленья **покоиться** в ней,
Уйти от нее!
[М. О. Цетлин (Амари). Перед отплытием (1920)] – гомический признак.

“Покончив с едой, она имела обыкновение покоиться в кресле с книгой”. [Борис Хазанов. Я воскресение и жизнь (1976)] – гомический признак.

“Художественному глазу хозяина не нравилась пустота, остававшаяся здесь между густою сенью берез и дубов; он и поставил тут бесполезное здание, на котором с удовольствием мог **покоиться** взор”. [Б. Н. Чичерин. Воспоминания (1894)]. Синтез гомического и негомического признака, т.к. слово «взор» является чем-то неодушевленным даже с точки зрения грамматики, однако взор принадлежит человеку, что позволяет наделить данную глагольную номинатему гомическим признаком.

Значение «неподвижно лежать» реализуется в следующих контекстах:

“В их теле не замечалось никакого пролетарского таланта труда, они более способны были лежать навзничь или **покоиться** как-либо иначе”. [А. П. Платонов. Котлован (1930)] – гомический признак.

“...потому что в городе прочие внедорожники и кроссоверы могут мирно **покоиться** на обочине”. [АРТУР САРУХАНОВ. Боевой скаут // РБК Daily, 2009.12.28] – признак.

“Ньютон вычислил, что броненосец должен **покоиться** примерно в 24 милях от мыса Гаттерас”. [И. Шухин. Когда урок не впрок // «Техника - молодежи», 1993] – негомический признак.

“И если завтра утром я обнаружу свои брюки действительно выглаженными, то какой же дьявол заставит меня сомневаться в явности всего происшедшего... ну а если они в прежнем состоянии будут **покоиться** на спинке моей кровати, то... ну конечно!” [Венедикт Ерофеев. Записки психопата (1956-1957)] – негомический признак.

Значение «иметь основанием что-нибудь, прочно основываться на чем-нибудь», по нашим наблюдениям, реализуется чаще остальных в речи наших современников (43 примера употребления из 115 на Корпусе русского языка). В данном значении глагол

покоиться имеет лишь негомический признак, т.к. человек не может быть «основан на чем-либо». Рассмотрим некоторые из примеров:

“...покрытие государственных расходов должно **покоиться** на непосредственном обращении части доходов от различных государственных монополий в доход государства”. [Гавриил Попов, Никита Аджубей. Пять выборов Никиты Хрущева (журнальный вариант) // «Наука и жизнь», 2008]

“Во-вторых, дружеские отношения не могут **покоиться** лишь на приверженности общим идеалам, но и на учете взаимных прагматических интересов”. [Георгий Бовт. Меж трех огней. Путин между Ираком, Старым Светом и Новым Светом (2003) // «Известия», 2003.02.10]

“А самоорганизация не может **покоиться** на лжи, пороке, грязи”. [Смиранный – не значит слабый (2003) // «Сельская новь», 2003.12.16]

“Полноправие всех наций должно **покоиться** на Законе, который в то же время призван создать простор для горизонтальных связей республик, краев, областей”. [Александр Яковлев. Омут памяти. Т.2 (2001)]

Обозначенное глаголом состояние связано с системой актантов ситуации. Данный термин был предложен Л.Теньером в 1959 г. Теме актантов посвятили свои труды В.С. Храковский, В.Г.Гак, Прохорова С.М., Ч. Филлмор, В.К. Гак, И.П. Сусов, Г.А. Золотова и др. Наиболее приемлемым нам кажется определение актантов В.И. Теркулова: «“места” или “гнезда”, заполняемые в предложении словами, категориальные признаки которых находятся в соответствии с категориальными признаками “гнезда” и которые входят в глагольную номинатему как в единую номинативную единицу» [7]. В своем исследовании мы пользуемся его классификацией актантных рамок, «которые подразделяются на комплиментарные (указывают на объекты, связанные с глаголом) и прозекутивные (указывают на обстоятельства, связанные с глаголом).

В предложениях гештальт *покоиться* может взаимодействовать с такими актантами:

Локатив: *покоиться* в могиле, *покоиться* далеко, *покоиться* рядом и т.д.

Темпоратив: он долго *покоился* в ящике, *покоился* после приема пищи и т.п.

Квалитатив: *покоиться* без дела, мирно *покоиться* и т.д.

Комитатив прозекутивный: *покоиться* вместе и т.п.

Комитатив комплиментарный: *покоиться* с другими костями, *покоиться* с мужем и др.

Каузатив прозекутивный: вера *покоится* на любви.

Коррелятив: порою он *покоится*, как шелк и золото, как прекрасная мечта.

Таким образом, можно сделать вывод, что актуализируемыми семами глагола *покоиться* являются ‘расположение, местонахождение, ориентир’.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря / Апресян Ю.Д., Богуславский И.М., Июмдин Л.Л., Санников В.З. – М.: Языки славянских культур, 2010

2.Блюмина О.В. Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке/ О.В.Блюмина – Горловка, 2010. – С. 55

3.Виларова-Ангелова М.Д. Специфические особенности функционирования болгарских глаголов положения на славянском фоне [Электронный ресурс] / М.Д.Виларова-Ангелова. – Режим доступа: <http://rusfil-mggu.at.ua/forum/11-12-1>.

4. Всеволодова М.В., Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке /М.В. Всеволодова, Е.Ю. Владимирский// Русский язык – М., – 1982. – С. 264.

5. Клименко Л. П. ЛСГ в структуре связного текста / Л. П. Клименко, В. А. Симхович // Коммуникативные аспекты значения: сб. научн. трудов. – Волгоград: Изд-во Волгоградского пед. ин-та, 1990. – С. 90–91.

6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/words/2663.shtml>

7. Теркулов В.И. К определению глагола: лингвально-когнитологический подход [Электронный ресурс] / В.И.Теркулов. – Донецк, 2013 – Режим доступа: <http://www.linguisticstudies.org/home/linguistics-studies/volume-26/current-problems-of-morphology/to-the-definition-of-the-verb-lingual-cognitological-approach>

8. Ушаков Д.Н. Толковый словарь [Электронный ресурс] / Д.Н.Ушаков. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/953406>

S. A. Budnyk

COGNITIVE-ONOMASIOLOGICAL ANALYSIS OF THE VERB TO REST

The article is devoted to the cognitive-onomasiological analysis of one of the verbs of position in space - the verb to rest. The specified verb was analyzed from the point of view of cognitive linguistics. The general characteristics of the verbs of location in space are given, the place of the verb to rest in the thematic field of position in space is established; the method of describing the verb of position in space is determined, the verb to rest is described according to the established method.

Key words: spatial position verbs, cognitive-onomasiological analysis, verb semantics.

УДК 81'42

М.В. Коновалова

*ГБОУ ВО «Брянский государственный университет
им.акад. И.Г. Петровского»*

(Научн. рук., д. филол.н., проф. С.Н. Стародубец)

АНАЛИЗ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ОМОНИМИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ОМОКОМПЛЕКСА «ХОРОШО»

В статье рассматриваются процессы изменения частеречного статуса слов в современном русском языке на основе анализа омокомплекса «хорошо». Актуальность исследования определяется динамичностью современного русского языка, в котором слово в зависимости от контекста употребления может изменять категориальное значение и грамматические признаки. В ходе исследования был проведен анализ омокомплекса «хорошо» в Национальном корпусе русского языка.

Ключевые слова: адъективация, адвербиализация, интеръективация, конъюнкционализация, модалация, субстантивация, партикуляция, прономинализация, омокомплекс.

В зависимости от семантики, области употребления, ряда морфологических признаков слова могут являться различными частями речи. Часто встречаются проблемы отнесения слова к конкретной части речи, так как сфера употребления и контекст придает одному и тому же слову различные признаки. Иными словами, одно слово может относиться к разным частям речи. Такие изменения в современном русском языке изучаются с точки зрения функциональной омонимии [1, с. 124].

Ряд исследователей проанализировали процессы перехода слов из одной части речи в другую. Данный переход исследователи обозначили как процесс трансформации.

Одна из классификаций представлена В.Н. Мигириным в работе «Очерки по теории процессов переходности в русском языке» [10, с. 150-167]. Автор говорит о возможностях обогащения частей речи через процессы перехода из одной части речи в другую, называя это процессом трансформации.

В.Н. Мигирин выделяет первичные и вторичные трансформативные функции. Первичные функции фиксируют совпадение категориального и синтаксического значения. Вторичные функции выражены несовпадением категориального и синтаксического значения.

В.В. Шигуров в статье «Семантико-грамматические аспекты модалитации местоимений в русском языке» [22, с. 59-65] представил комплексный анализ переходности местоимений. Особый акцент сделан на случаях сопоставления контекстов «чистой» модалитации местоимений и совмещенной с другими видами транспозиционных процессов в системе частей речи, субстантивацией, адвербиализацией, конъюнкционализацией, партикуляцией, интеръективацией.

Автор поставил проблему семантического динамизма грамматических форм слова. Разрешить её, пользуясь только такими понятиями, как грамматическая многозначность и омонимия, непросто, так как они не в состоянии отразить всего многообразия системных отношений в сфере грамматической семантики.

В.В. Бабайцева в работе «Развитие идей традиционного языкознания в структурно-семантическом синтаксисе» [3] изучает проблему синхронной переходности в грамматике. Автор вносит значительный вклад в теорию синхронной переходности в структурно-семантическом направлении. Работы В.В. Бабайцевой служат основой как для теоретических, так и для практических изысканий ученых и исследователей.

Вопрос функциональной омонимии частей речи изучается не только в теоретическом, но и в практическом аспекте. Так, в учебном пособии С.Н. Стародубец «Современный русский язык. Морфология» представлены для анализа студентами направления подготовки «Педагогическое образование» профиля «Русский язык и литература» омокомплексы «правда», «точно», «едва», «однако», «будто», «как» [20, с. 67].

О.Ю. Степанова под руководством В.В. Бабайцевой в работе «Функциональные омонимы, объединенные омокомплексом *что*» [21] анализирует омокомплекс *что* как явление переходности в грамматическом строе русского языка, объединенный рядом функциональных омонимов: *что* – местоимение, *что* – союз, *что* – частица.

Рассмотрим подробнее данные процессы на основе анализа омокомплекса «хорошо».

Данное слово является распространенной лексической единицей в современном русском языке. В «Русском ассоциативном словаре» встречается 665 совпадений с данным словом [16, 924-925]. В «Национальном корпусе русского языка» [12] слово *хорошо* встречается 22 622 раз, что составляет 21% совпадений по использованию данного омокомплекса.

Слово *хорошо* в исследовании В.В. Бабайцевой описано как звуковой и графический омокомплекс [5, с.194]. Данный омокомплекс состоит из разных частей речи.

1. *Субстантивация* представляет собой процесс перехода слов из различных частей речи в существительные. В процессе субстантивации исходные части речи могут изменяться в числе, падеже, что является признаками существительного как части речи.

Полисемант *хорошо* способен функционировать в роли неизменяемого существительного среднего рода со значением «положительная оценка успеваемости в пятибалльной системе, равная четырем баллам» [6, с. 1452; 8, с. 947; 14, с. 855; 16, с. 621; 18, с.498]:

1. *Сегодня спрашивали по географии – получил хорошо* [12].

2. *Помощь пошла впрок. Те, у кого были «плохо», получили «хорошо» и даже «отлично»* [12].

Хорошо в значении «школьная отметка» обладает главными признаками существительного как части речи: имеет категориальное значение предметности, выражает это значение в форме рода, выступает в функции подлежащего или дополнения.

2. *Функциональная омонимия с наречием.*

Как наречие *хорошо* выступает, реализуя значение признака действия и выполняя функцию обстоятельства образа действия. Синонимичным рядом для данного слова как наречия выступают слова *неплохо, нормально, ничего*.

Как наречие, *хорошо* стилистически употребляется в разных жанрах. Например, в разговорной речи данное наречие используется как вежливый ответ на вопросительные обращения: Как дела? Как поживаете? и т.п. [5, с. 499].

Наречие *хорошо* используется в речи как одобрение или похвала [4, с. 499; 6, с. 562], например:

1. *Молодец, хорошо держитесь* [12].

2. *Молодец, хорошо борешься* [12].

В Национальном корпусе русского языка часто встречается слово *хорошо* в сочетании с частицей *же*. Это обусловлено тем, что данная частица придает амбивалентный лексический оттенок, выступая как положительная оценочная характеристика и как выражение упрека, например: *Хорошо же ты обо мне думаешь!* [12] В данном предложении *хорошо же* имеет неодобрительную окраску.

Подчеркиваем, что прилагательное *хорошо* в наречие не переходит, в данном случае имеет место стандартный словообразовательный процесс.

3. *Функциональная омонимия с словом категории состояния.* Омонимия со словом категории состояния, как правило, отражается в контексте. Слово *хорошо* проявляет свойства слова категории состояния, если обозначает состояние и является сказуемым односоставного безличного предложения.

Как категория состояния *хорошо* употребляется в художественной литературе и разговорной речи в значении упрека. Стоит отметить, что данное значение не зафиксировано в словарях русского языка. Как категория состояния слово *хорошо* используется с местоимением в дательном падеже и инфинитивом несовершенного вида со значением мысли, речи, существования (говорить, рассуждать, толковать, жить). Например:

1. *Хорошо тебе рассуждать, ты человек с квартирой...* [12].

2. *Хорошо вам говорить. Вы богатый человек, знаменитый писатель, а у меня мать, две сестренки...* [12].

Данное сочетание может содержать совет, рекомендацию: *Ты эти красивые слова жене скажи – помотришь, какая она счастливая будет! ... Дома хорошо тебе будет! И ей хорошо будет!* [12].

Слово *хорошо* в сочетании с частицей *бы* употребляется для выражения желания [11, 366]:

1. *Эх, хорошо бы быть сегодня красивой; к сожалению, это уже невозможно* [12].

2. *И хорошо бы сегодня всем трем выбраться в горы* [12].

В сочетании *хорошо бы* чаще всего связующим элементом является инфинитив, который отражает желаемый объект.

В разговорной речи встречается употребление предикатива *хорошо* со значением «хватит, достаточно» в составе императивных речевых жанров. Чаще в усеченной (*хорош*) или редуцированной форме (*хорэ*), например: *Все, хорош. Срок настал – гони сумму* [12].

В данном случае имеет место переход наречия в слово категории состояния.

4. *Функциональная омонимия с модальным словом (модалияция)*. Широкая омонимия в сфере модальных слов обусловлена не только переходностью частей речи, но и лексикализованными словосочетаниями. Так, встречается трансформация из имен существительных, кратких форм имен прилагательных на –о, наречий, глагольных форм.

В модальные слова переходят некоторые лексикализованные словосочетания: *само собою разумеется, по всей видимости, в самом деле, должно быть, стало быть, и т.п.*

Функциональные омонимы модальных слов отличаются по семантике и грамматическим свойствам. Самая простая омонимия прослеживается между модальными словами, наречиями и категорией состояния. Данные части речи являются неизменяемыми, а, соответственно, не утрачивают своих морфологических свойств. Однако при данной омонимии прослеживаются изменения в категориальных значениях, синтаксических связях и функциях.

Полисемант *хорошо* употребляется в роли модального слова для выражения готовности говорящего сделать определенное допущение, предположение [2, с. 417; 9, с. 1452; 11, с. 366; 14, с. 855; 16, с. 621; 18, с. 498]. В этом значении *хорошо* чаще всего сочетается с междометием *ну*, выступает в роли вводного слова в предложении, носит разговорный характер и синонимично словам *допустим, положим*. В сочетании же с местоимением *мы* воплощается речевой жанр согласия:

«*Ну хорошо, мы подпишем, подпишем!*» [12].

Согласие в данном случае вынужденное, осложненное семантикой уступки, одолжения собеседнику.

Вводно-модальное слово *хорошо* и вводно-модальные сочетания с компонентом *хорошо* (*ну, хорошо; ну, хорошо, хорошо*) являются специализированными средствами выражения предположения. Они комментируют степень ответственности говорящего за достоверность сообщаемого. Слово *хорошо*, приравняемое к модальным *допустим, предположим, положим* и подобным, несет в себе значение гипотетической модальности.

В устной речи оно употребляется как одиночное вопросительное высказывание, синонимичное модально-волевым конструкциям типа *да?, правда?, не так ли?, не правда ли?*:

«*Не сердитесь. Вы позвоните все-таки. Хорошо? – Хорошо*» [12].

В ответ на вопросительное модальное слово *хорошо*, как правило, можно услышать утвердительную частицу *хорошо* в речевом жанре согласия.

В данном случае имеет место переход наречия *хорошо* в модальное слово.

5. *Функциональная омонимия с междометиями (интеръективация)* встречается реже, однако полисемант *хорошо* демонстрирует нам это явление.

В роли междометия слово *хорошо* выступает в составе формулы (*ну*) *хорошо же* для выражения угрозы. Современные толковые словари квалифицируют в данном употреблении слово *хорошо* как усилительную частицу [6, с. 1452; 8, с. 947; 17, с. 366; 14, с. 855; 18, с.621; 22, с.498].

Высказывания носят разговорный характер, входят на правах тактик в комплексный жанр ссоры: *Ах вот как, я, значит, провокатор, по-твоему, – ну хорошо же, я тебе припомню, милый друг!* [12].

На наш взгляд, в подобных контекстах слово *хорошо* выступает в роли эмоционального междометия, выражающего отрицательную оценку фактов действительности (неудовлетворение, сожаление, упрек, протест, досаду, гнев, иронию, сарказм и т. п.). Субъективная модальность при этом реализуется специальными интонационными средствами для акцентирования угрозы. Фиксируем переход наречия *хорошо* в междометие.

6. *Функциональная омонимия с частицей (партикуляция)*. В данном случае частицы выступают в качестве связующего звена на коммуникативном уровне.

Семантика частицы *хорошо*, как частицы в целом, связана с отношением говорящего к сообщаемой информации.

Частица *хорошо* употребляется в речевом жанре согласия, положительного ответа на просьбу, извинение, предложение, совет. Это употребление отмечается большинством словарей [2, с. 417; 4, с. 499; 5, с. 1452; 6, с. 562; 7, с. 947; 8, с. 683; 10, с. 366; 14, с. 855; 15, с. 621].

Хорошо как согласие употребляется в начале односложной или развернутой реплики-согласия:

1. *«Если что, сразу звоните»*. – *«Хорошо, Кира Петровна»* [12].

2. *Хорошо, только не крути головой*, – *сказал я ему, стараясь не выдавать своего тяжёлого дыхания, и ухватился за решетку помоста* [12].

Слово *хорошо* проявляет функциональную и семантическую гибкость, употребляется как универсальный показатель речевого жанра согласия, положительного ответа. В данном употреблении частица *хорошо* синонимична формам *ладно, пусть будет так*.

В контекстах слово *хорошо* выступает в функции частицы со значением одобрения, поддержки, оценки чьих-либо действий как заслуживающих похвалы. Частица *хорошо* употребляется в составе обращенного к собеседнику вопроса, во-первых, для выражения желания услышать ответ, а во-вторых, – желания, чтобы этот ответ был положительным [10, 366]. В подобного рода конструкциях слово *хорошо* употребляется в конце высказывания:

1. *Ты мне разрешаешь вернуться завтра? – Только не очень рано утром, хорошо?* [12]

2. *Только не опаздывай, хорошо?* – *сказал Митя* [12].

Выступая в роли частицы, слово *хорошо* превращается в семантически выхолощенное слово, используемое для заполнения паузы. Из рассмотренных значений частицы *хорошо* видно, насколько богат и разнообразен диапазон функций. Имеет место переход наречия *хорошо* в частицу.

На наш взгляд, парадигма анализируемого омокомплеса состоит из пяти членов – существительного, наречия, слова категории состояния, модального слова и междометия. Прилагательное *хорошо* – «нулевой» член парадигмы.

Слово *хорошо* активно употребляется в речи в жанрообразующей функции, способно выступать как строевой компонент этикетных, оценочных, императивных,

информативных речевых жанров, обладает высокой фразообразующей возможностью, экспрессивно-эмоциональной окраской, вступает в различные свободные и несвободные сочетания слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Формальная модель языка и представление лексикографических знаний // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 123-139.
2. Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка. – М.: Русский язык, 1976. – 448с.
3. Бабайцева В.В. Развитие идей традиционного языкознания в структурно-семантическом синтаксисе II Структурно-семантическое описание единиц языка и речи. - М., 2006. С. 20-38.
4. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. – М.: Дрофа, 2000. – 640 с.
5. Балакай А. Г. Толковый словарь русского речевого этикета. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2004. – 681 с.
6. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2008. – 1536 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Т. 4: Р-V. – М.: Русский язык, 1980.– 683 с.
8. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. – Т. 2: П-Я. – М.: Русский язык, 2001. – 1088 с.
9. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. – М.: Астрель: АСТ, 2004. – 814 с.
10. Мигирин, В. Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке / В. Н. Мигирин. - Бельцы, 1971.
11. Моргунова, А.Н. Бытование омокомплекса оно в русском дискурсе : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Моргунова Анна Николаевна; [Место защиты: Башкир. гос. ун-т]. - Самара, 2016. - 25 с.
12. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.01.2022).
13. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / под ред. В. В. Морковкина. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 421 с.
14. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / РАН; Российский фонд культуры. – М.: АЗЪ, 1994. – 928 с.
15. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 328 с.
16. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – Т. 2: От реакции к стимулу. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – 992 с.
17. Словарь Академии Российской: в 6 ч. – Ч. 6: от Т и до конца. – СПб.: Императорская академия наук, 1794.– 600 с.
18. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР; под ред. А. П. Евгеньевой. – Т. 4: С-Я. – М.: Русский язык, 1988. – 796 с.
19. Словарь современного русского города / Под ред. Б. И. Осипова. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2003. – 565 с.
20. Стародубец С.Н. Современный русский язык. Морфология: учебное пособие для студентов направления подготовки "Педагогическое образование" профиля

"Русский язык и литература (бакалавриат)" / С. Н. Стародубец. Брянский гос. ун-т им. И. Г. Петровского, Каф. гуманитарных дисциплин. - Брянск : Ладомир, 2012. - 93 с.

21. Степанова, О.Ю. Функциональные омонимы, объединенные омокомплексом *что*: автореф. Дис. канд. филол наук: 10.02.01 / Степанова Ольга Юрьевна. – Москва, 2009. – 19 с.

22. Шигуров В.В. Разновидности функциональной транспозиции словоформ в системе частей речи современного русского языка // Филологические науки. 2001. № 6. С. 59-65.

23. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / сост. А.К. Шапошников. – Т. 2: Н-Я. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 576 с.

M.V. Konovalova

ANALYSIS OF FUNCTIONAL HOMONYMY OF PARTS OF SPEECH IN THE RUSSIAN LANGUAGE ON THE EXAMPLE OF THE "GOOD" HOMOCOMPLEX

The article discusses the processes of changing parts of speech in modern Russian on the basis of the analysis of the homocomplex "good". The relevance of the research is determined by the dynamism of the modern Russian language, in which a word, depending on the categorical meaning and context of use in speech, can take the forms of various parts of speech. During the study, the analysis of the "good" homocomplex in the national corpus of the Russian language was carried out.

Keywords: *adjectivation, adverbialization, interjection, conjunctionalization, modalation, substantiation, particularization, pronominalization, homocomplex.*

УДК 81

Н.В. Кривошапова, Е.О. Данильчук

*ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»
(Научн. рук. канд. филол. н., доц. Н.В. Кривошапова)*

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье рассматриваются семантические особенности современной терминосистемы с учетом предлагаемых классификаций по разным определяющим признакам. Лингвистическим терминам, как и любым другим лексическим единицам, свойственны явления синонимии, антонимии и полисемии, присуща словообразовательная уникальность и коммуникативная активность.

Ключевые слова: *термин, терминосистема, классификация лингвистических терминов.*

Система лингвистических терминов многообразна, и её можно охарактеризовать с различных точек зрения. Рассмотрим лингвистическую терминосистему с точек зрения сферы употребления, грамматической структуры, мотивированности / немотивированности, ориентированности / неориентированности, словообразования, этимологии терминов

В зависимости от сферы употребления лингвистические термины могут быть:

• **универсальными**, т.е. обозначающими основные понятия лингвистики: *фонетика, морфемика, лексика*; в эту же группу входят и общенаучные термины: *метод, ядро, принцип, система*;

• **уникальными**, т.е. используемыми только в рамках определенного раздела языкознания; как правило, это термины, обозначающие явления, характерные только для одного языка или группы языков, например: *порода* (тип глагольной основы в семитских языках), *плюсквамперфект* (вид прошедшего времени во многих германских, романских и некоторых славянских языках);

• **концепциальными**, т.е. авторскими, индивидуальными; такие термины принадлежат к определённой авторской концепции, теории, учению; таковыми являются следующие термины: *полионим, идионим* в работах В.В. Кабакчи, *глоссематика* в книгах Л. Ельмслева и *кинема* в трудах И.А. Бодуэна дэ Куртенэ; такие термины нередко очень громоздкие и труднопроизносимые: *высокотерминизированный текст, антропосемиотический анализ, глобализация*.

Немного иную классификацию лингвистических терминов приводит Т.В. Жеребило в предисловии к четвертому изданию «Словаря лингвистических терминов». Лингвист делит их на следующие группы:

• традиционные лингвистические термины, обозначающие основные понятия лингвистики;

• термины из теории языкознания;

• термины философии, использующиеся в лингвистических исследованиях;

• термины, называющие методы исследования в лингвистике;

• термины лингвостилистики;

• термины литературоведения, используемые в процессе лингвистической интерпретации текста;

• термины риторики и культуры речи;

• психолингвистические термины;

• термины, отражающие когнитивно-прагматическую парадигму [2, с. 4].

Лингвистические термины имеют различную грамматическую структуру. Так, в зависимости от состава термины могут быть:

• **монологемными** (однословными, в том числе, пишущимися через дефис): *частица, словосложение, пиджин-язык*;

• **полилексемными** (термины-словосочетания): *однородные члены предложения, публицистический стиль*;

Объединив вышеперечисленные подходы к классификации лингвистических терминов, В.М. Лейчик предложил деление таких терминов на следующие группы:

• **основные термины**, которые представляют собой ядро терминосистемы: *морфемика*;

• **производные термины**: *полиморфизм*;

• **сложные термины**: *словообразующие морфемы*;

• **базовые термины**, обозначающие понятия из областей знаний, составляющих основу лингвистики: *морфема*;

• **привлеченные термины**, заимствованные из других областей знаний: *сокращение, звук*;

• **общенаучные и общетехнические термины**: *закон, система*;

• **термины широкой семантики**, которые меняют своё значение в зависимости от того, в какую терминосистему они входят: *компонент* 'индивидуальное химическое вещество, необходимое и достаточное для составления данной термодинамической

системы' (термодинамика) → компонент 'элемент сложных фонетических явлений/ (фонетика) [4, с. 40-41].

Теперь рассмотрим состав лингвистической терминосистемы с точки зрения способов образования лингвистических терминов. А.Н. Манцаева выделяет термины:

• **образованные морфологическим способом** (т.е. с помощью различных суффиксов и приставок): *диалект* → *диалектизм*, *ё* → *ёканье*, *этимологизация* → *деэтимологизация*;

• **образованные синтаксическим способом** (или аналитический; так образуются сложные термины и термины-словосочетания); данный способ подразделяется на два:

– **лексико-синтаксический способ**, когда термин образуется путём словосложения без использования морфологических средств: *модель-образец*, *косвенная речь*;

– **морфолого-синтаксический способ**, который представляет собой словосложение при помощи добавления различных аффиксов к одному из компонентов термина: *ударный гласный* (лексико-синтаксический способ) → *безударный гласный* (морфолого-синтаксический способ);

• **образованные лексико-семантическим способом**; суть данного способа заключается в том, что слова литературного языка, диалектов и говоров используются как термины и либо приобретают новое значение, либо меняют прежнее: *стиль* 'совокупность характерных черт эпохи, направления в искусстве или манеры художника', 'совокупность литературных приёмов, характерная для произведений какого-либо писателя' → 'функциональная разновидность языка', *корень* 'подземная часть растения' → 'основная часть слова';

• **образованные с помощью лексикализации**, т.е. превращения элемента языка (морфемы, слова, словосочетания) в другую словарную единицу (иначе – путем семантического переосмысления грамматической формы слова или словосочетания; как правило, данный процесс проходит с помощью различных видов конверсии: *подлежащий* (причастие) → *подлежащее* (имя существительное) [5, с. 108-112].

Если рассматривать лингвистические термины с точки зрения их частеречной принадлежности, то их можно разделить на следующие группы:

• **термины-существительные**;

• **термины-прилагательные**;

• **термины-глаголы**; стоит отметить, что глагольность таких терминов реализуется не в собственно глаголах, а в отглагольных существительных.

Лингвистическим терминам, как и любым другим лексическим единицам, свойственны явления синонимии, антонимии и полисемии. Приведем примеры антонимичных и многозначных терминов: *простое предложение* – *сложное предложение*, *гласный* – *согласный*; *вербализация* 'выражение мыслей при помощи слов' и 'переход части речи в разряд глаголов'. Что касается синонимичных лингвистических терминов, то они могут быть:

• **абсолютными (термины-дублеты)**: *категория предметности* – *категория существительности*; термины-дублеты могут быть индивидуально-авторскими – так, словообразование при помощи системы окончаний в работах разных ученых именуется по-разному (А.И. Смирницкий – *конверсия*, Г. Марчанд – *нулевая суффиксация*, Ш. Балли – *имплицитное словопроизводство*, В.В. Виноградов – *морфолого-синтаксический способ*, Н.Д. Арутюнова – *несобственная деривация*);

также они могут быть лексико-этимологическими: *индивидуально-авторские неологизмы, эгологизмы и окказионализмы*;

- **понятийными (сигнификативными)**, которые появляются в результате различного описания научного феномена: *жаргон, арго и сленг*;

- **культурно-историческими**, которые синонимичны только при их рассмотрении на определенном этапе развития лингвистики: термин *прикладная лингвистика*, использовавшийся в середине прошлого века в значении 'математическая лингвистика', является синонимом современного термина *компьютерная лингвистика*; однако в настоящее время термин *прикладная лингвистика* имеет другое значение – 'раздел языкознания, направленный на решение практических задач языка' (например, *прикладная социолингвистика*), [3, с. 200-202].

Лингвистические термины также классифицируются на несколько категорий в зависимости от их мотивированности. Прежде чем рассмотреть данную классификацию, дадим определение мотивированности. Под данным термином понимают «обусловленность лексического значения слова значением другого однокоренного слова или другим значением данного слова». Соответственно, лингвистические термины могут быть:

- **мотивированными**: *диалектология, языкознание*;

- **полумотивированными** (т.е. мотивированными на основе одного элемента): *деепричастие, ойконим*;

- **немотивированными**: *заяг, буква*.

Если мотивированность зависит только от лингвистических свойств термина, то ориентированность зависит от экстралингвистических факторов (социальных условий научного общения и психических особенностей его участников). Иными словами, «если анализ мотивации позволяет установить, как образован термин, какой признак положен в основу мотивации, то изучение ориентации – выявить, как этот признак связан с обозначаемым понятием и как эта связь обуславливает реализацию важной эвристической функции термина (когнитивной, или гносеологической) – выступать в качестве инструмента познания».

Соответственно, в зависимости от ориентированности термины могут быть:

- **правильно ориентирующими**:

- частично ориентирующими своими значениями в общепонятном языке;

- частично ориентирующими в результате переноса значения;

- частично ориентирующими вещественным значением одного из элементов: *семасиология*;

- частично ориентирующими словообразовательным значением одного из элементов;

- частично ориентирующие вещественным и словообразовательным значениями элементов: *семантика*;

- системно ориентирующими: *синкопа – апокопа*;

- потенциально ориентирующими: *синкопа* (по аналогии с музыкальным термином);

- взаимно ориентирующими;

- **ложно ориентирующими**: *семиология – семиотика*;

- **не ориентирующими**: *флексия*;

- переходные случаи.

Что касается происхождения лингвистических терминов, то принято выделять:

- исконные термины: *языковедение, окончание, слог, речь*;
- интернациональные термины: *лингвистика, акцент*;
- калькированные: *правописание*;
- иноязычные (заимствования):

– из греческого и латинского языков: *аллегория, грамматика, инверсия*;

– из западноевропейских языков: жаргон (фр.), бленд (англ.), абзац (нем.), парцелляция (ит.) [3, с. 116-117].

Рассматривая лингвистическую терминологию в рамках научной парадигмы, стоит отдельно рассматривать термины, появившиеся в рамках когнитивной, философской и прагматической парадигмы.

В русской лингвистической терминологии существует много терминов, появившихся в рамках когнитивной парадигмы. Эти термины можно разделить на следующие группы:

1) ключевые для когнитивной науки понятия (*когниция, интеллект, значение, концепт, ментальная репрезентация, когнитивизм, концептуализация, ментальный лексикон, модуль и т.п.*);

2) понятия, получившие в рамках когнитивизма новые объяснения (*инференция, пропозиция, активизация, ассоциация, внимание, восприятие, выдвижение, речь, релевантность, интерпретация, информация, категоризация, стиль (когнитивный), память*);

3) понятия, соответствующие новым школам, направлениям (*когнитивная лингвистика, когнитивная грамматика, когнитивная семантика, когнитивная психология, психолингвистика, искусственный интеллект, когнитивная метафора, антропология, теория информации, кибернетика, когнитивная обработка языковых данных, надежная грамматика, порождающая грамматика, универсальная грамматика, процедурная семантика, эпистемология*);

4) изучение когнитивных моделей (*скрипт, фрейм, архитектура когниции, когнитивная модель, когнитивная система, концептуальная структура, схема*).

Часть терминов пришло в лингвистику из философии, например: *объект, субъект, постулат* и др. Эти термины можно разделить на следующие группы:

1) термины, образованные от лексемы *логос*: *логика* (наука о законах и формах мышления), *логичность, логограмма* (знак обозначения слога в некоторых видах письма), *логоклогия* (неоднократное повторение последнего слога в слове), *логогриф* (стилистический прием, заключающийся в том, чтобы количество букв в слове или слов в строфе уменьшалось по мере развития фразы);

2) прочие термины и их производные: *аргумент, аргументация, аспект, объект, субъект, постулат, абстракция, перцепция, перцептивный, ассимиляция, форма*.

Прагматическая парадигма представлена целой группой терминов, характеризующих отношения между высказыванием, говорящим и контекстом:

1) *речевой акт* и его виды (*репрезентативы, директивы, интеррогативы, перформативы* и т.д.);

2) *иллокутивная функция высказывания*;

3) *клишированные формулы*;

4) *адресат, адресант*.

Как и у любой науки, у лингвистики есть свой набор методов исследования. Рассмотрим соответствующие термины.

Описательный (дескриптивный) метод определяется как процедура сбора, первичного анализа и изложения данных. Данный метод подразумевает использование следующих приемов:

- 1) прием лингвистической географии, суть которого заключается в изучении территориального распространения тех или иных слов;
- 2) прием внутренней реконструкции, заключающийся в восстановлении исходной формы слова;
- 3) прием оппозиции, компонентами которого являются компонентный и контекстный анализ.

Сравнительно-исторический метод представляет собой изучение развития языка в различные периоды его функционирования с помощью этимологического анализа.

Сопоставительный метод состоит в выявлении общего и особенного в языках путем их сравнения.

Сопоставительный метод состоит из следующих приемов:

- 1) установление основания сопоставления;
- 2) сопоставительная интерпретация;
- 3) типологическая характеристика.

Метод лингвостилистической абстракции, выдвинутый и обоснованный Т.В.Жеребило в своей монографии «Лингвостилистическая абстракция как метод исследования». Данный метод ориентирован на комплексное описание иерархии значений, форм, функций [2].

Выводы

Научный стиль начала XXI века характеризуется расширением социальной функции терминологической лексики, специализированностью знаний в результате обширного проникновения интернациональной, заимствованной лексики, расширением информативности лексики.

Интеграция научного знания приводит к переходу внутривидисциплинарных изысканий в междисциплинарные. В новых условиях лингвистика стала интердисциплинарной, расширив сферу применения. Как отмечалось выше, понятие *термин* в новом научном стиле выходит за пределы узкого лингвистического знания и становится интеркоммуникемой.

В современной науке происходит объединение разных подходов в исследовании того или иного явления, формируются новые направления исследований, появляются смежные науки. В этих условиях лингвистическая терминология пополняется терминами интегративного характера (*фрейм, когнитивная модель, когнитология, когнитивная психология, лингвопсихология, лингвогеография, модуль скрипт, фрейм* и т.п.).

Анализ функционирования терминов выявил явление дублетности и синонимии терминов. Чаще всего источником дублетных терминов является параллельное употребление исконного и заимствованного слова-термина. Например, *лингвист – языковед, лингвистика – языкознание, префикс – приставка, инфинитив – неопределенная форма глагола, номинатив – именительный падеж, функция – назначение, роль, фраза – оборот речи.*

По мнению О.С. Ахмановой, терминологические дублеты «ошибочно до сих пор нередко называются синонимами. Терминологические дублеты (триплеты и т.д.) – это слова, которые объединяются особой терминологической соотнесенностью с одним и тем же научным дублетом. При этом соотносятся они не как «слова», не как таковые, а

только вследствие невозможности обнаружить существенное различие в обозначаемых ими объектах.

Если данные дублиеты лишь по-разному называют один и тот же объект, то при нормализаторском подходе от них надо стараться как можно скорее освободиться. Если же они дают возможность или же имеют целью выявить, грубо говоря, в этом же объекте разные стороны или аспекты, то их возникновение и употребление становятся не только вполне оправданным, но и необходимым для развития научной мысли (например, «макрофонема» может быть принята как «полезный» дублет к «фонеме» вследствие ее соотнесенности с «микрофонемой»)» [1, с. 13-14].

В современной лингвистической терминологии частотны многие терминологические дублиеты и синонимы. При этом следует разграничивать эти два явления. Например, *стиль* и *слог* входят в отношения синонимии, а не дублетности: мы говорим и пишем *публицистический стиль*, но нельзя употребить в том же самом значении *публицистический слог*.

Термины *тезаурусный* и *когнитивный* при описании языковой личности применяются как дублетные, но при характеристике лингвистических направлений мы говорим *когнитивная лингвистика*. Выражение *тезаурусная лингвистика* пока не существует. Следовательно, в одном контексте термины выступают как дублиеты, в другом контексте как синонимы.

Семантика и *смысл* – синонимы, но не дублиеты. Семантикой может обладать отдельная языковая единица, а смысл появляется только в контексте, нет связного текста – нет смысла. В качестве примеров терминологических синонимов можно привести: *лингвофилософия* и *философия языка*, *когнитивный* – *познавательный* (*когнитивная лингвистика*, но нет словосочетания *познавательная лингвистика*). Таким образом, дублиеты полностью могут заменять друг друга, а синонимы различаются оттенками.

В современном научном стиле происходит переход терминов из одного поля в другое, т.е. транстерминологизация. В результате транстерминологизации образуются межотраслевые омонимы. Например, термин *изоморфизм* функционирует и в математике, и в лингвистике, *предикат*, *субъект*, *суждение*, *алфавит* – в лингвистике и в логике, *логос* – в лингвистике, в философии, в математике, в риторике и т.п.

Часть терминов выходит из употребления. Это термины-историзмы. В современном научном стиле не функционируют, например, термины: *историология*, *пасимология*, *сематология*, *ономатология*, *литеральный* и т.п.

Функционально-семантический анализ языкового материала выявил, что в свете новых достижений лингвистики трактовка некоторых уже существующих терминов изменилась. Например, термин *логос* приобрел значение ‘интеллектуальный аспект образа ратора’.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 3-е. М.; 2015.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, Изд-е 5-е, исправленное и дополненное, 2016.
3. Иванова Г.А. Русская лингвистическая терминология: проблема заимствования. *Studia Rossica Posnaniensia*, Том 33 (2006) s. 115-122.
4. Лейчик В.М. Интеграция наук и унификация научно-технических терминов // Вестник Академии наук СССР. 1980. №8. С.40-41
5. Манцаева А.Н. Внутренние ресурсы образования лингвистических терминов // Наука. Инновации. Технологии. 2008. №3.

FEATURES OF MODERN LINGUISTIC TERMINOLOGY

The article examines the semantic features of the modern terminological system, considering the proposed classifications according to various defining features. Linguistic terms, like any other lexical units, are characterized by the phenomena of synonymy, antonymy and polysemy, word-formation uniqueness and communicative activity are inherent.

Keywords: term, term system, classification of linguistic terms.

УДК 81'373.611

А.А. Лашко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Научн. рук. д. филол.н., проф. В.И. Теркулов)

МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ЗНАЧЕНИЙ АББРОКОНСТРУКТА

В статье рассматриваются основные принципы семантических трактовок абброконструктов, определяются закономерности реализаций презентативных дешифровальных стимулов как базовых дешифровок абброконструкта, а также релятивных дешифровальных стимулов, осуществляющих ономазиологическую интерпретацию абброконструкта. В ходе исследования раскрыто значение понятия «абброконструкт», представлены метод определения эквивалентов абброконструктов и классификация дешифровальных стимулов.

Ключевые слова: абброконструкт, дешифровальный стимул, презентатив, релятив.

Целью предлагаемой статьи является установление принципов трактовки абброконструктов и методы определения системы значений презентативов и релятивных дешифровальных стимулов. Для достижения заданной цели требуется решить ряд задач:

- 1) раскрыть понятие «дешифровальный стимул», которое является ключевым для данного исследования;
- 2) выделить базовый дешифровальный стимул (презентатив);
- 3) опираясь на ономазиологическую интерпретацию, определить релятивные дешифровальные стимулы;
- 4) описать методику определения системы значений абброконструктов.

В качестве объекта исследования выступают сложносокращённые слова, которые мы определяем как единицы, «связанные мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащие в своём составе эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания, как минимум один из которых является неинициальным (слоговым) аббревиационным конструктом (абброконструктом)» [6, с. 74]. Абброконструкт – конструкт аббревиатуры, сокращённый эквивалент какого-либо слова, коррелирующего с ней словосочетания [5, с. 16], например абброконструкт *броне-* эквивалентен словам *бронированный* (*бронеджип – бронированный джип*), *бронебойной* (*бронезащита – бронева защита*), *бронебойный* (*бронеснаряд – бронебойный снаряд*); для абброконструкта *бур* отмечаются эквиваленты *буровой* (*буроборудование – буровое оборудование*), *бурильный* (*бурильный инструмент – бурильный инструмент*) и т.д. В данном случае прилагательные *буровой*, *бурильный*, *бронированный* и *бронебойной*

являются эквивалентами соответствующих абброконструктов и могут быть использованы для их замещения в эквивалентном сочетании, т.е. являются дешифровальными стимулами (далее – ДС), которые определяются нами как «стереотип расшифровки абброконструкта» [6, с. 19].

Предметом исследования выступают презентативные и релятивные ДС, выделяемые в гнездах эквивалентности различных аббревиатур.

Под эквивалентом аббревиатуры мы понимаем словосочетание, совпадающее по значению и функциям с аббревиатурным словом и употребляющееся с ним в эквивалентном тексте. Это компонент словосочетания, деривационно и семантически соответствующий абброконструкту или композитному конструкту, а также абброконструкт или композитный конструкт по отношению к соответствующему ему компоненту словосочетания [5, с. 22]

Очень часто аббревиатуры эквивалентны не одному, а нескольким словосочетаниям: они формируют не словообразовательную (аббревиатурную) пару, как это представляется в большинстве исследований, а целое гнездо эквивалентности, которое определяется нами как совокупность актуально сосуществующих словосочетаний, связанных отношениями мотивационной (формально-семантической) эквивалентности с аббревиатурой и употребляемых с нею в эквивалентных текстах, например *авиасоглашение* – *соглашение с авиакомпанией, соглашение с авиакомпаниями, соглашение по гражданской авиации, соглашение о гражданской авиации, соглашение в гражданской авиации; соглашение по авиабезопасности, соглашение на авиаперевозки, авиационное соглашение, соглашение по авиации, соглашение в области авиации, соглашение по авиационной безопасности, соглашение авиакомпании, соглашение авиакомпаний, соглашение по продаже авиабилетов, авиатранспортное соглашение, соглашение по авиабилетам; соглашение с авиационной компанией.*

Базовой расшифровкой абброконструкта являются презентативные ДС.

Под презентативным дешифровальным стимулом понимается такой ДС, который выступает в качестве носителя обобщённого значения абброконструкта, что позволяет использовать его в любой ситуации именованного как абсолютный эквивалент сложносокращенного слова [3, с.47]:

ССС	Презентатив
<i>Кургородок</i>	<i>Курортный</i> городок
<i>Космостанция</i>	<i>Космическая</i> станция
<i>Кровоснабжение</i>	<i>Кровяное</i> снабжение
<i>Крупозавод</i>	<i>Крупяной</i> завод
<i>Кульцентр</i>	<i>Культурный</i> центр
<i>Госуправление</i>	<i>Государственное</i> управление
<i>Графдизайн</i>	<i>Графический</i> дизайн
<i>Мехзавод</i>	<i>Механический</i> завод
<i>Мехбат</i>	<i>Механизированный</i> батальон
<i>Военкор</i>	<i>Военный</i> корреспондент

Презентативный ДС – это простое прилагательное, которое может свободно взаимозаменяться в текстах как с абброконструктом, так и с другими ДС [2, с. 75,76]. Так, для трактовки абброконструкта *госбюджет* в словосочетании *государственный бюджет* используется прилагательное *государственный*, которое является средством расшифровки и в других эквивалентных парах, образованных сокращенным

абброконструктом *гос-*, например *госгарантия – государственная гарантия, госбюджет – государственный бюджет, госграница – государственная граница, госзакупка – государственная закупка*. Таким образом, аффикс *государственный* является регулярным презентативным эквивалентом [4, с. 83], частично совпадающим формально с абброконструктом *гос-* и тождественным с ним по значению. Прилагательное может реализоваться в различных грамматических разновидностях: мужского (*инфромлисток – информационный листок*), женского (*госакадемия – государственная академия*), среднего рода (*информписьмо – информационное письмо*), может быть представлено формой множественного числа (*канцножницы – канцелярские ножницы*).

Презентативные ДС можно разделить на собственно презентативные ДС (наиболее предсказуемые обобщенные стереотипы немаркированной дешифровки, например *гумконвой – гуманитарный конвой, дежчасть – дежурная часть, дезраствор – дезинфицирующий раствор*) и включенно-симультантные ДС. Под симультантами понимаются аббревиатуры, абброконструкт которых семантически или формально-семантически можно дешифровать двойко [1, с. 53], например *автоподъемник – автомобильный подъёмник, автоматический подъёмник*;

Презентативные ДС реализуются при помощи относительных прилагательных как производных от существительных, обозначающих признак объекта через отношение к другому объекту. Например, *дипакадемия – дипломатическая академия, академия дипломатии, загранотдых – заграничный отдых, отдых за границей, информпортал – информационный портал, портал информации и т.д.*

Словосочетания *портал информации, академия дипломатии, отдых за границей* представляют разновидность ДС, осуществляющих релятивную трактовку абброконструктов.

Под релятивным ДС мы понимаем регулярные стереотипные модели расшифровок, которые реализуются в актантной и актантно-числовой семантике эквивалентных словосочетаний [2, с.76]. К релятивам (интерпретативным дешифровальным стимулам) мы относим ДС, реализующие различную интерпретацию статуса выделяемого референта, который обозначен аббревиатурой, в пределах тождества определённой номинации. Актантную роль можно определить с помощью глубинных падежей. Приведём примеры:

ССС	Релятив	Глубинный падеж
нефтепоставки	поставки нефти	дистрибутив
авиаасоглашение	соглашение с авиакомпанией	комитатив комплементарный
авиаоператор	оператор авиации	квалификатив
автовладелец	владелец автомобиля	поссесив
диетотерапия	терапия диетой	собственно медиатив
доброотряд	отряд добровольцев	квалификатив
культработник	работник отдела культуры	квалификатив
нефтесмесь	смесь нефти	фабрикатив
автовидеорегистратор	видеорегистратор автомобиля	поссесив

нефтетерминал	терминал нефти	дестинатив
---------------	----------------	------------

Ономасиологический подход предполагает определение актантной роли слова, эквивалентного абброконструкту в пределах эквивалентного словосочетания. Такое слово в релятивном ДС может быть только существительным, поскольку именно существительное выполняет в предложении актантную роль, под которой понимается роль элемента событийной пропозиции [2, с.246]

Ономасиологический подход представляет собой прогнозирование релятивных ДС на основе анализа семантики базового конструкта аббревиатуры. Например, значение дестинатива может появляться у эквивалентов аббревиатур, имеющих в качестве базового конструкта компонент с архисемами «предмет/объект/помещение», например *нефтетерминал – терминал нефти*.

Разновидностью этого подхода является прогнозирование релятива с опорой на его семантику (толкование). Это связано с наличием референта в толковании сложносокращённого слова и его актантной реализации в эквивалентном словосочетании. [2, с.246] Например, в значении сложносокращенного слова *авиасоревнование* «деятельность, участники которой стремятся опередить, превзойти друг друга в области авиации или авиамоделирования» присутствуют два референта «авиации» и «авиамоделирования», которые могут быть реализованы в эквивалентных словосочетаниях следующим образом: *соревнования по авиамоделированию*, *соревнования по авиаспорту*. В значении сложносокращенного слова *автотовары* «Автомобили, комплектующие и аксессуары к ним как предмет торговли» присутствует референт «автомобили», который может быть реализован в эквивалентном словосочетании *товары для автомобиля*; в значении сложносокращенного слова *велозавод* «предприятие, занимающееся производством велосипедов и запчастей к ним» присутствует референт «велосипедов», который реализуется в таких эквивалентных сочетаниях как *завод по производству велосипедов*, *завод велосипедов*, *завод по изготовлению велосипедов*.

Ономасиологический анализ презентативных и релятивных ДС позволяет нам определить систему значений абброконструктов:

Абброконструкт	ССС	Презентатив	Релятив	Значение
Броне-	<i>бронегруппа</i>	Бронированная группа	<i>Группа бронетранспортёров</i>	Бронированная «состоящая из бронетранспортёров»
Вело-	<i>веловстреча</i>	Велосипедная встреча	<i>Встреча велосипедистов</i>	Велосипедная «состоящая из велосипедистов»
	<i>велогараж</i>	Велосипедный гараж	<i>Гараж для велосипеда</i>	Велосипедный «предназначенный для велосипеда»
	<i>велозабег</i>	Велосипедный забег	<i>Забег для велосипедистов</i>	Велосипедный «организованный для велосипедистов»

Воен-	<i>воен</i> академи <i>я</i>	Военная <i>академия</i>	<i>Академия</i> военных	Военная «обучающая военных»
	<i>воен</i> госпита <i>ль</i>	Военный <i>госпиталь</i>	<i>Госпиталь</i> военных	Военный «лечащий военных»
	<i>воен</i> городок	Военный <i>городок</i>	<i>Городок</i> для военнослужа щих	Военный «служащий жильём для военнослужащих»
Гос-	<i>гос</i> расценки	Государственны <i>е расценки</i>	<i>Расценки</i> в государстве	Государствен ный «устанавливае мые в государстве»
	<i>гос</i> регистра <i>ция</i>	Государственна <i>я регистрация</i>	<i>Регистрация</i> в государстве	Государствен ная «осуществляем ая в государстве»
	<i>гос</i> регистра <i>ция</i>	Государственна <i>я регистрация</i>	<i>Регистрация</i> в государстве	Государствен ная «осуществлённ ая в государстве»
Инвест-	<i>инф</i> естдог <i>вор</i>	Инвестиционны <i>й договор</i>	<i>Договор</i> инвесторов	Инвестицион ный «объединяющ ий инвесторов»
Нефте-	<i>нефт</i> епоста <i>вки</i>	Нефтяные <i>поставки</i>	<i>Поставки</i> нефти	Нефтяной «осуществляющий поставки нефти»
	<i>нефт</i> еимпор <i>т</i>	Нефтяной <i>импорт</i>	<i>Импорт</i> нефти	Нефтяной «реализующий ввоз нетфи»

Данная таблица позволяет определить семантическое соответствие презентативных и релятивных ДС, т.е. констатировать возможность использовать конструкцию с релятивом для интерпретации презентатива – адъектива и определить систему значений абброконструктов.

Опираясь на результаты проведённого исследования, можно сделать вывод, что формальное соответствие релятивных и презентативных ДС подтверждает их эквивалентность. При помощи ономаσιологического подхода возможно определить систему значений абброконструктов, которые требуют подробного анализа и тщательного описания, что и предполагается осуществить в последующих исследованиях по данной тематике.

ЛИТЕРАТУРА

1.Бровец, А. И. Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложносокращенного слова / А. И. Бровец // Наука и мир в языковом пространстве: сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции (23 ноября 2016 г., Макеевка) / редкол.: Е. В. Горохов, Н. М. Зайченко и др. – Макеевка: ДонНАСА, 2016. – С. 51–57

2. Михайлова Е. Н. Модель прогнозирования релятивных дешифровальных стимулов / Е. Н. Михайлова // Новые горизонты русистики. – 2018. – Вып. 6. – С. 74-80.

3. Михайлова Е. Н. Презентативный дешифровальный стимул как первичный источник расширения семантики / Е. Н. Михайлова // Развитие интеллектуально-творческого потенциала молодежи: из прошлого в современность. – 2018. – Ч. 2. – С. 47-48

4. Теркулов В. И. Отношения эквивалентности в синхронном гнезде эквивалентности аббревиатуры / В.И. Теркулов // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2017. – № 9. – С. 82–87

5. Теркулов В.И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В.И. Теркулов // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. – Вып. 3(29). Языкознание. – Горловка: Изд-во ГИИЯ, 2016. – С. 13–24.

6. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. – Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.

A.A. Lashko

METHOD FOR DETERMINING THE SYSTEM OF ABROCONSTRUCT VALUES

The article discusses the basic principles necessary for the implementation of the description of the semantic interpretations of abbroconstructs, highlights the pattern of implementation of representative deciphering stimuli as basic deciphering of the abbroconstruct, as well as relative deciphering stimuli that carry out the onomasiological interpretation of the abbroconstruct. In the course of the study, the meaning of the concept of abbroconstruct is revealed, a method for determining the equivalents of abbroconstructs with their features is presented, and a classification is presented.

Key words: *abbroconstruct, deciphering stimulus, presentative, relative.*

УДК 81'373.611

В.Р. Музалева

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. д.филол.н., проф. В.И. Теркулов)*

ФОРМАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В АББРЕВИАТУРНОЙ ГРУППЕ «ХИМ»

В работе описываются формальные модели эквивалентности, представленные в гнездах эквивалентности сложносокращённых апеллятивов с абброконструктом *хим*-. Автор разграничил синхронный и диахронный подходы к аббревиации, описал систему абброконструктов аббревиатурной группы «хим», определил модели использования дешифровального стимула и модели формальной разновидности эквивалентности в аббревиатурной группе «хим».

Ключевые слов: *аббревиатура, сложносокращённое слово, аббревиатурная группа, абброконструкт; эквивалентность.*

Целью работы является описание формальных моделей эквивалентности в аббревиатурной группе «хим». **Задачи исследования:** разграничение диахронного и синхронного подходов к аббревиации, описание системы абброконструктов группы,

определение моделей использования дешифровального стимула и моделей формальной разновидности эквивалентности в аббревиатурной группе «хим».

Актуальность работы обусловлена тем, что в ней на основе синхронного и диахронного подхода, формально-структурного анализа сложносокращённых слов системно показывается новая интерпретация характеристик формальной эквивалентности слова. Результаты такого анализа являются средством прогнозирования эквивалентностных отношений для смежных аббревиатурных групп, что немаловажно при формировании методик составления словарей нового типа – толковых словарей аббревиатур, отличительной чертой которых является представление в них всех обнаруженных в текстах эквивалентных словосочетаний.

Под аббревиатурной группой понимается «совокупность гнезд эквивалентности аббревиатур, имеющих одинаковый абброконструкт» [Аламайрех 2021, с. 74]. **Объект нашего исследования** – аббревиатурная группа «хим», в состав которой входят 117 аббревиатур, например *химанализ*, *химгравировка*, *химнабор*, *химотходы* и т. д. и *пять эквивалентов* – *химический*, *химически*, *химия*, *химикат*, *химик*.

Аббревиация чаще всего определяется как «способ диахронного словообразования, который представляет собой процесс сокращения одного или нескольких компонентов исходного словосочетания, приводящего к трансформации этих компонентов в конструкты новообразуемой лексемы» [Аламайрех 2020, с. 94]. Трактую аббревиатуры, мы разграничиваем два подхода: диахронный, который опирается на констатацию реальных отношений производности между аббревиатурой и эквивалентом, и синхронный, который устанавливает мотивационные отношения между ними.

Нами рассматриваются сложносокращённые апеллятивы, которые «составляют автономный ономазиологический тип аббревиатур, являясь результатом «стихийной» замещённой универбализации/мотивационной интерпретации, в отличие от инициальных аббревиатур, возникающих в результате реализации моделей реального коррелятивного сокращения эквивалентных слов, и сложносокращённых онимов, искусственно конструируемых по стереотипным коррелятивным моделям» [Теркулов 2020, с. 102].

Сложносокращённые апеллятивы противопоставляются, с точки зрения диахронии, единицам, которые возникли в результате прямого абброморфемного словообразования, а в синхронии рассматриваются как аббревиатуры, имеющие актуальные текстовые эквиваленты, единицы.

Именно поэтому мы определяем «сложносокращённое слово как единицу, связанную мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащую в своем составе эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания, как минимум один из которых является неинициальным (слоговым) аббревиационным конструктом (абброконструктом)» [Теркулов 2017, с. 74]. Под **абброконструктом** при этом понимается «часть аббревиатуры, представляющей собой сокращённый эквивалент (дублет) какого-либо слова» [Теркулов 2017, с. 74]. Например, слово *химзащита* является сложносокращённым, поскольку оно связано мотивационными отношениями со словосочетанием *химическая защита* и включает в свой состав два эквивалента компонентов этого словосочетания: эквивалент, равный слову *защита*, и абброконструкт *хим*, который выступает в качестве сокращённого дублета слова *химический*.

Абброконструкт *хим*, эквивалентен словам *химическая* (*химическая защита*–*химзащита*), *химически* (*защита химически синтезированными препаратами* – *химзащита*), *химией* (*защита химией* – *химзащита*), *химикатами* (*защита химикатами* – *химзащита*) и т. д. Данная аббревиатурная группа включает в себя как

безинтерфиксные: *хим* (*химгравировка* – *химическая гравировка*, *химзавод* – *химический завод*, *химзавивка* – *химическая завивка*), так и **интерфиксные:** *химио* (*химиопрепарат* – *химический препарат*, *химиотерапевт* – *химический терапевт*, *химиотерапия* – *химическая терапия*) сложносокращенные апеллятивы. Одно словосочетание может быть эквивалентным сразу двум типам аббревиатур, например *химическая профилактика* входит в гнездо эквивалентности как аббревиатуры **химпрофилактика** с абброконструктом *хим-*, так и сложносокращенного апеллятива *химиопрофилактика* с абброконструктом *химио-*.

Объем понятия аббревиации в синхронии и диахронии не совпадает.

При **диахронном** подходе аббревиатурами следует «сложносокращенное слово, возникшее в результате универбализации (свертывания в слово) словосочетания» [Теркулов 2020, с. 106]. На основе **диахронного анализа** выделяется **первый тип** аббревиатур – **сложносокращенные слова**, реально возникшие на базе словосочетаний и противопоставляющиеся квазиаббревиатурам (имитациями аббревиатур). **Квазиаббревиатура** – единица, которая традиционно трактуются как аббревиатуры, не может считаться таковой, потому что возникла не в результате универбализации словосочетаний, а по другим причинам: использования абброморфемы – абброконструкта, непосредственно присоединяющегося к производящему слову, например *хим* + *явление* > *химявление*, *хим* + *наука* > *химнаука*; аббревиатурного калькирования иноязычного словосочетания, например *chem attack* > *химатака*, *chemical industry* > *химиндустрия*; *chemical risk* > *химриск* (*химическая опасность*) либо одержащие абброконструкт, но возникшие без его участия в процессе деривации (сложнопроизводные аббревиатуры): *химлаборатория* > *химлаборант*.

Во **второй тип** входят как диахронные аббревиатуры, так и квазиаббревиатуры, которые в результате псевдоунивербализации были развернуты в словосочетания и имеют формально связанные с ним мотивационными отношениями текстовые синтаксические эквиваленты. Существование таких отношений между словом и его эквивалентом оправдывается только синхронно, и поэтому мы называем такие единицы **синхронными аббревиатурами**. С точки зрения синхронии аббревиатурами являются как *химкостюм* и *химнабор*, так и *химнаука* и *химатака* поскольку все они имеют актуальные синтаксические эквиваленты (приведи эти эквиваленты. В этом случае абброконструкт получает статус синхронного абброэквивалента.

Таким образом, при **синхронном подходе** аббревиатурами считаются «слова, содержащие абброконструкт и имеющие актуальные текстовые синтаксические эквиваленты – словосочетания, которые употребляются как абсолютные синонимы сложносокращенного слова в эквивалентных текстах и включают в свой состав компоненты, воспринимающиеся носителями языка как эквиваленты конструктов аббревиатуры» [Теркулов 2017, с. 79]. **Эквивалент конструкта аббревиатуры** – «единица, полностью или частично формально совпадающая с данным конструктом и имеющая с ним текстуально подтверждаемое тождественное значение, то есть могущая заменить его в эквивалентном тексте при замене аббревиатуры словосочетанием без изменения ее значения» [Теркулов 2020, с. 107]. Например, мы считаем, что *химвойска* – синхронный сложносокращенный апеллятив, поскольку на актуальном срезе языка он имеет текстовый синтаксический эквивалент *химические войска*, и эта эквивалентность подтверждается следующим: 1) компоненты словосочетания являются эквивалентами конструктов аббревиатуры: *хим* = *химические*, *войска* = *войска*; 2) слово и словосочетание употребляются в эквивалентных текстах как абсолютные синонимы, например: *В Великую Отечественную химические войска ставили дымовые завесы и маскировали крупные объекты – Химвойска участвовали в ликвидации последствий Чернобыльской аварии.*

На актуальном срезе языка аббревиатуры имеют появившиеся в результате псевдоунивербализации, то есть развертывания на базе сложнокращенного слова вторичных словосочетаний, текстовые эквиваленты. Это значит, что те единицы, которые при диахроническом анализе не могут быть отнесены к сложнокращенным словам, в синхронии однозначно воспринимаются носителями языка как аббревиатуры. Для носителя языка нет никакой разницы между, например, аббревиатурой *химзавод* и квазиаббревиатурой *химлаборант*: он воспринимает и первое и второе как сложнокращенное слово, что подтверждается использованием им в текстах развернутых эквивалентов этих лексем: *химический завод* и *химический лаборант*. Разрыв происходит между результатами диахронного анализа и синхронного восприятия [4].

При **синхронном анализе** мы считаем эквивалентными словосочетания, которые употребляются как абсолютные синонимы (дублиеты) сложнокращенного слова в эквивалентных текстах, то есть в текстах, в которых аббревиатура и эквивалентное словосочетание используются для обозначения одного и того же референта, то есть как абсолютные синонимы. Цель синхронного анализа – установить и описать отношения синхронной эквивалентности в пределах гнезда эквивалентности аббревиатуры.

Синхронные аббревиатуры противопоставляются словам с абброконструктом, у которых нет синтаксических эквивалентов или эквивалент малочастотный. Например, слово *химтехнолог* не имеет частотных текстовых эквивалентов. Абброконструкт в таких лексемах имеет статус абброаффиксоида, а сами они статус синхронных аффиксоидных квазиаббревиатур.

Наличие у абброконструкта большого количества дешифровальных стимулов формирует множественную синхронную эквивалентность аббревиатуры: «Множественная мотивация, отмечающаяся на синхронном срезе и не изоморфная отношениям производности: она объясняется многими причинами – существованием в сознании носителя языка нескольких **дешифровальных стимулов** (стереотипов развертывания) для одного абброконструкта, необходимостью уточнения семантики аббревиатуры через словосочетание и т.д.» [Теркулов 2020, с. 101].

Эквивалентными для группы *хим* являются дешифровальные стимулы *химический* (*химбомба* – *химическая бомба*), *химия* (*химфизика* – *химическая физика*), *с химическими* (*химавария* – *авария с химическими выбросами*), *химическим* (*химгравировка* – *гравировка химическим способом*), *на химическом* (*химавария* – *авария на химическом заводе*), *с химическими*, *для химических* (*химаппаратура* – *аппаратура для химических опытов*) и т.д.

Группа *хим* является аббревиатурной, так как входящие в неё слова дешифруются только как аббревиатуры (абброконструкт равен части основы эквивалентного слова), например *химзавивка* – *химическая завивка*.

Аббревиатуры группы «хим» эквивалентны не одному, а нескольким словосочетаниям и формируют не аббревиатурные пары, а **гнезда эквивалентности**, которые определяется как «совокупность актуально сосуществующих словосочетаний, связанных отношениями мотивационной (формально-семантической) эквивалентности с аббревиатурой и употребляемых с нею в эквивалентных текстах» [Теркулов 2017, с. 76]. В данную абброгруппу входят 117 гнезд, которые мы можем разграничить на двухкомпонентные (*химбомба* – *химическая бомба*); трехкомпонентные (*химгравировка* – *химическая гравировка*, *гравировка химическим способом*) и четырёхкомпонентные (*химиопрофилактика* – *химическая профилактика*, *профилактика химическими препаратами*, *профилактика химическим методом*).

Формально-структурный анализ определяет формальные характеристики дешифровального стимула, аббревиатуры и эквивалентного словосочетания и

осуществляется в два этапа. На первом этапе устанавливается общая модель использования дешифровального стимула в эквивалентном словосочетании. На втором этапе определяется для каждой эквивалентной пары в пределах гнезда эквивалентности конкретная модель формальной разновидности эквивалентности, которая описывает тип формального соответствия компонентов словосочетания и конструкторов аббревиатуры и объединяет два блока: блок аббревиатуры и блок эквивалента [4].

Для описания общей модели дешифровального стимула используются следующие символы: *x* – формальный эквивалент абброконструктора; например, в паре *химкласс* – *химический класс* символом *x* обозначаются слова *химии*, *химический*, являющиеся формальными эквивалентами абброконструктора *хим-*; *y* – простое слово, например, слово *чистка* в паре *химчистка* – *химическая чистка*; адъект – адъектив (прилагательное, адъективированное причастие); *сущ* – существительное; *предл* – предлог; *a* – компонент сложного слова, дополняющий стимул *x*, но не имеющий эквивалента в аббревиатуре; *z* – слово, входящее в дешифровальный стимул – словосочетание, но не имеющее эквивалента в аббревиатуре [4]. Нами обнаружены следующие модели дешифровального стимула для абброгруппы «хим»:

1. *x* – существительное (*y-x*: *кабинет химии* – *химкабинет*);
2. *x*(адъект) – простой адъектив (*y-x*(адъект): *химическая чистка* – *химчистка*);
3. *x-a* – сложное существительное: (*y-x-a*(сущ): *химическая водоподготовка* – *химподготовка*);
4. *x-z*(сущ) – словосочетание с зависимым существительным: (*y-x-z*(сущ): *химанализ* – *анализ химического состава*);
5. (*предл*)*x* – существительное с предлогом: (*y*-(*предл*)*x*: *химзнак* – *знак в химии*);
6. (*предл*)*x-z*(сущ) – предложное словосочетание с зависимым существительным: (*y*-(*предл*)*x-z*(сущ): *химсредство* – *средство на химической основе*).

Под моделью формальной разновидности эквивалентности понимается детализация дешифровальной модели, указывающая на структуру формального соответствия компонентов словосочетания и слова. Модель формальной разновидности эквивалентности включает два блока: блок словосочетания, в котором даются грамматические характеристики слов, входящих в это словосочетание, и блок сложносокращённого слова, в котором описывается способ представленности компонентов словосочетания в аббревиатуре.

1 модель – Прил¹ед-Сущ¹ед — ЧоснПрил¹ед+Сущ¹ед. Модель, в которой абброконструктор эквивалентен прилагательному, а существительное выступает в полной форме. Например: *химавария* – *химическая авария*, *химанализ* – *химический анализ* и т.д.

2 модель – Прил¹мн+Сущ¹мн — ЧоснПрил¹мн+Сущ¹мн. Это разновидность модели 1, в которой прилагательное и существительное употреблены в парадигме множественного числа, например *химвойска* – *химические войска*.

Модель 3. ЧоснПрил¹ед+Сущ¹ед(комп) – Прил¹ед+Сущ¹ед(комп). Абброконструктор эквивалентен прилагательному, а главное слово (сложное существительное) сохраняет свою форму, например *химбоеголовка* – *химическая боеголовка*, *химводоочистка* – *химическая водоочистка*, *химводоподготовка* – *химическая водоподготовка*.

Модель 4. ЧоснПрил¹мн+Сущ¹мн(комп) – Прил¹мн+Сущ¹мн(комп). Абброконструктор эквивалентен прилагательному представленному в парадигме множественного числа, а главное слово (сложное существительное) сохраняет свою форму *Химбоеприпасы* – *химические боеприпасы*.

Модель 5. ЧоснПрил1ед+ инт+ Сущ1ед – Прил1ед+Сущ1ед. Абброконструкт в этом случае включает интерфикс, например *химиотерапия – химическая терапия, химиопрофилактика – химическая профилактика.*

Модель 6. ЧоснПрил1ед+инт+Сущ1ед Сущ1ед+предл+ЧоснПрил1ед+инт+Сущ1ед. Абброконструкт в этом случае включает интерфикс, а существительное выступает в форме родительного падежа с предлогом, например *химиотерапевт – терапевт по химиотерапии.*

Модель 7. ЧоснСущ2ед+Сущ1ед – Сущ1ед+Сущ2ед. Абброконструкт эквивалентен существительному, а главное слово сохраняет свою форму, например *химбаза – база химии, химзавод – завод химии, химкабинет – кабинет химии, химкласс – класс химии, химкомплекс – комплекс химии, химмузей – музей химии, химобъект, химицкола – школа химии.*

Таким образом, в данной работе был осуществлен анализ абброгруппы с абброконструктом хим-. Было обнаружено и описано 7 формальных моделей эквивалентности и 6 моделей дешифровального стимула.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аламайрех Е. Ю. Модели дешифровального стимула и формальной разновидности эквивалентности аббревиатуры в аббревиатурной группе «авто»/ Е. Ю. Аламайрех // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2020. – № 2. – С. 91–102.
2. Петрова Е. Ю. Формальные модели эквивалентности в гнезде эквивалентности арт- / Е. Ю. Петрова // Донецкие чтения 2017: русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса. – 2017. – С. 53–55.
3. Теркулов В.И. Сложносокращённые апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур / В. И. Теркулов // Русистика. 2020. Т. 18. No 1. С. 97–112. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-1-97-112>.
4. Теркулов В. И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И. Теркулов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2017. – С. 73–97.

V.R. Muzaleva

MODELS OF FORMAL EQUIVALENCE IN THE ABBREVIATION GROUP «CHEM»

In work describes formal equivalence models presented in equivalence nests of compound appellatives with the abbroconstruct chem. The author distinguished the synchronous and diachronic approaches to abbreviation, described the system of abbreviated structures of the abbreviation group "chem", defined models for the use of a decryption stimulus and models of a formal variety of equivalence in the abbreviation group "chem".

Keywords: *abbreviation, compound word, abbreviation group, abbreviation; equivalence.*

СООТНОШЕНИЕ КВАНТИТАТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК В АББРЕВИАТУРНЫХ ГРУППАХ

В работе проводится сопоставление количественных параметров аббревиатурных групп с целью выявления закономерностей формирования дешифровальной матрицы группы. На материале 200 аббревиатурных групп проводится проверка прогнозируемых тенденций: 1) влияние деривационных характеристик сокращений на способы их трактовки; 2) влияние размера аббревиатурной группы на объём дешифровальной матрицы группы.

Ключевые слова: аббревиатурная группа, дешифровальная матрица, гнездо эквивалентности, универбализация, псевдоунивербализация.

В словник разрабатываемого Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации (далее – Лаборатория) «Толкового словаря сложных слов русского языка» (далее – «Словарь») под ред. В.И. Теркулова входит более 500 аббревиатурных групп.

Аббревиатурная группа – это совокупность аббревиатур одной части речи, имеющих одинаковый препозитивный сокращённый компонент (конструкт). Например, все сложносокращённые слова, имеющие в абсолютном начале конструкт *био-* (*биоагент, биоблок, биодатчик, биозавивка, биозащита, биоиспытания, биоконтроль, биоматериал, биополимер, биореактор* и мн. др.), объединены в аббревиатурную группу «био». Аббревиатуры входят в группу вместе со всеми синтаксическими эквивалентами – словосочетаниями, связанными с сокращениями мотивационными отношениями и синхронно используемыми в текстах в качестве их абсолютных синонимов. Синтаксические эквиваленты формируют гнездо эквивалентности сокращения. Гнездо эквивалентности формируется под влиянием дешифровальных стимулов – стереотипных моделей, по которым происходит расшифровка сокращения [1; с. 52]. Совокупность всех дешифровальных стимулов, которые могут быть использованы для расшифровки сложных слов группы, называется дешифровальной матрицей [3, с. 118].

В рамках исследования выделяются универбализационные и псевдоунивербализационные группы. К универбализационным группам относятся такие объединения слов, которые были образованы в результате трансформации устойчивого расчленённого наименования в цельнооформленную единицу (процесс такой трансформации называется универбализацией [2]). В псевдоунивербализационному типу относятся группы слов с аббревиатурными формами, на основе которых по аналогии с реальными сокращениями сформировались расчленённые эквиваленты.

Между сопоставленными АГ отмечаются следующие различия:

- значительно различается объём аббревиатурных групп (количество сложносокращённых слов, формирующих группу, может колебаться от 1 до более 300);
- варьируются возможности развёртывания сокращений, что приводит к формированию дешифровальных матриц разных объёмов.
- в словнике «Словаря» фиксируются как собственно универбализационные группы, так и псевдоунивербализационные; также обнаруживается большое количество

комбинированных абброгрупп, в которых невозможно установить превалирующий тип словообразовательных отношений.

Предполагается, что между объёмом аббревиатурных групп, объёмом их дешифровальных матриц и способом формирования входящих в группу слов может существовать взаимообусловленность. **Цель** данного исследования – выяснить, имеется ли взаимозависимость между указанными параметрами аббревиатурных групп. Для этого необходимо провести подсчёт количественных характеристик групп, вошедших в словарь разрабатываемого «Словаря» и сопоставить полученные данные для выявления возможных закономерностей.

Актуальность работы обусловлена отсутствием широких сравнительных исследований аббревиатурных групп, проводимых в рамках синхронно-эквивалентного подхода к процессу универбализации.

Материал исследования. Из словаря разрабатываемого «Словаря» методом сплошной выборки было отобрано 200 аббревиатурных групп. В исследование не были включены абброгруппы, которые содержат 1 гнездо эквивалентности, например «аббро», «авар», «биохим», «ворсо» и др., поскольку небольшой объём аббревиатурной группы может дать нерелевантные сведения о ней. В целом нами было проанализировано 6266 гнезд эквивалентности.

Охарактеризуем количественные параметры материала исследования.

Среди анализируемых групп обнаруживаются 47 малокомпонентных АГ, в состав которых входит от 2 до 10 гнезд эквивалентности. Это группы «висло» (3 ГЭ), «леч» (4 ГЭ), «арм» (5 ГЭ), «инж» (6 ГЭ), «вещ» (6 ГЭ), «кооп» (7 ГЭ), «дор» (8 ГЭ), «овоше» (8 ГЭ), «избир» (9 ГЭ), «молоко» (9 ГЭ) и т.д. Более 10 гнезд эквивалентности фиксируется в 153 абброгруппах. Аббревиатурные группы такого объёма относятся к многокомпонентному типу. В ходе исследования были проанализированы многокомпонентные абброгруппы «асбо» (15 ГЭ), «погран» (18 ГЭ), «пед» (22 ГЭ), «грави» (29 ГЭ), «зав» (41 ГЭ), «инфо» (57 ГЭ), «метео» (64 ГЭ), «интернет» (121 ГЭ), «VELO» (174 ГЭ), «гос» (277 ГЭ), «авто²» (327 АГ) и т.д.

Отметим, что в словнике разрабатываемого «Словаря» обнаруживается достаточно большое количество однокомпонентных аббревиатурных групп, причём большая их часть базируется на составных абброконструктах: «авиаспорт» (ССС *авиаспортклуб*), «автогидро» (*автогидроподъёмник*), «армвоен» (*армвоенюрист*), «армобетон» (*армобетонплита*), «виброшлиф» (*виброшлифмашина*), «виншампан» (*виншампанкомбинат*), «лазерромагнито» (*лазерромагнитотерапия*) и т.д. Таким образом, объём исследуемых аббревиатурных групп составляет от 2 до 327 ГЭ.

Анализируемые группы характеризуются также широким диапазоном дешифровальных матриц. Нами зафиксировано 12 аббревиатурных групп с простой дешифровальной матрицей, которые состоят из одной модели дешифровального стимула: «нар» (в состав группы входит 8 ГЭ), «пат» (9 ГЭ), «кардио» (11 ГЭ), «кибер» (15 ГЭ), «гум» (20 ГЭ), «пом» (21 ГЭ), «ген³» (31 ГЭ) и т.д. Составная дешифровальная матрица фиксируется в 130 аббревиатурных группах: «арм» (2 ДС; 5 ГЭ), «обще» (2 ДС; 7 ГЭ), «натур» (2 ДС; 10 ГЭ), «дип» (3 ДС; 21 ГЭ), «арт³» (4 ДС; 6 ГЭ), «грам» (5 ДС; 3 ГЭ), «бум» (5 ДС; 8 ГЭ), «вент» (7 ДС; 21 ГЭ), «крове» (7 ДС; 22 ГЭ), «канц» (9 ДС; 13 ГЭ) и т.д. Составные дешифровальные матрицы включают от 2 до 10 ДС.

К группам с множественной дешифровальной матрицей относится 58 АГ. В таких группах для расшифровки сокращений используется более 10 моделей ДС: например, в группе «броне» фиксируется 12 ДС (при этом объём самой группы составляет 75 ГЭ), в группе «музыка» – 15 ДС (38 ГЭ), в группе «масло» – 17 ДС (23 ГЭ), в группе «лесо» – 20 ДС (48 ГЭ), в группе «жил» – 50 ДС (59 ГЭ), в группе «гофро» – 57 ДС (52 ГЭ) и т. д.

Тип деривационных отношений устанавливается на основе диахронного анализа единиц, составляющих гнездо эквивалентности группы. Лабораторией разработана методика установления отношений эквивалентности, которая базируется на определении баланса индексов (БИ) частотности употребления слова и синтаксического эквивалента. БИ представляет собой результат деления количества употреблений слова на количество употреблений словосочетания. Предполагается, что большая частота употребления языковой единицы свидетельствует о её более раннем появлении в языке. $БИ < 1$ указывает на высокую частотность использования словосочетания, что, в свою очередь, подразумевает универбализационный характер отношений между словосочетанием и сокращением. Соответственно при псевдоунивербализационных отношениях наблюдается баланс индексов > 1 .

Общий характер деривационных отношений в аббревиатурной группе определяется количественным соотношением универбализационных и псевдоунивербализационных ГЭ, составляющих группу. Гнездо эквивалентности трактуется нами как универбализационное, если хотя бы один из синтаксических эквивалентов, входящих в гнездо, имеет $БИ < 1$. Например, в ГЭ слова *радиооблучение* фиксируются синтаксические эквиваленты *облучение радиацией* с $БИ = 0,079$, *радиоактивное облучение* с $БИ = 0,107$ и псевдоунивербализационные *облучение радиоволнами* с $БИ = 6$ и *радиоволновое облучение* с $БИ = 14$; в целом группа характеризуется как универбализационная. Вторичные синтаксические эквиваленты могут образовываться на базе реальной аббревиатуры, которая возникла в результате универбализации. В связи с этим принципиальным для определения деривационных отношений является наличие или отсутствие синтаксического эквивалента с < 1 .

Среди анализируемых групп 98 АГ можно отнести к универбализационному типу: «академ» (обнаруживается 19 универбализационных ГЭ и 1 псевдоунивербализационное ГЭ), «дизель» (10 ГЭ / 0 ГЭ), «избир» (8 ГЭ / 1 ГЭ), «диет» (13 ГЭ / 3 ГЭ), «опер» (17 ГЭ / 1 ГЭ), «град» (20 ГЭ / 1 ГЭ), «лит» (36 ГЭ / 2 ГЭ), «вет» (39 ГЭ / 5 ГЭ), «инфо» (53 ГЭ / 4 ГЭ), «взаимо» (104 ГЭ / 35 ГЭ) и мн. др.

Псевдоунивербализационных абброгрупп фиксируется гораздо меньше; нами обнаружено 16 АГ: «висло» (0 ГЭ / 3 ГЭ), «картофеле» (0 ГЭ / 5 ГЭ), «металло» (3 ГЭ / 7 ГЭ), «аудио» (2 ГЭ / 11 ГЭ), «грязе» (3 ГЭ / 12 ГЭ), «кибер» (1 ГЭ / 14 ГЭ), «видео» (7 ГЭ / 41 ГЭ) и т.д.

Обнаруживается также большое количество абброгрупп, в которых оба типа деривационных отношений представлены в приблизительно равном соотношении. Такие группы мы относим к комбинированному типу. Универбализационные и псевдоунивербализационные ГЭ в комбинированных абброгруппах могут сочетаться в разных пропорциях. Допустимо также незначительное смешение ГЭ разных типов в универбализационных или псевдоунивербализационных группах. Чтобы различать комбинированные и гомогенные группы, нами введено предельное допустимое значение для ГЭ побочного типа в гомогенной группе: их количество не должно превышать 30%. К комбинированному типу относятся 84 АГ «агло» (8 универбализационных и 7 псевдоунивербализационных ГЭ); «алюм» (20 ГЭ / 8 ГЭ), «агро» (37 ГЭ / 58 ГЭ), «арома» (26 ГЭ / 21 ГЭ), «астро» (17 ГЭ / 15 ГЭ), «бензо» (18 ГЭ / 21 ГЭ), «вело» (95 ГЭ / 79 ГЭ), «ветро» (7 ГЭ / 6 ГЭ), «звуко» (38 ГЭ / 23 ГЭ), «культ» (20 ГЭ / 12 ГЭ), «паро» (19 ГЭ / 13 ГЭ), «крове» (11 ГЭ / 11 ГЭ) и т.д. Ещё в 2 абброгруппах соотношение ГЭ разного типа составило 70 / 30 %, в связи с чем они не учитываются при дальнейшем сопоставлении результатов.

На основе полученных результатов анализа абброгрупп необходимо оценить две предполагаемые закономерности формирования дешифровальных матриц:

1. Псевдоунивербализационные группы имеют больше дешифровальных стимулов, чем универбализационные. Тенденция аргументируется предположением о том, что расшифровка конструктов сокращений ограничена моделями реально существующих словосочетаний, которые стали источниками этих сокращений; абброморфема же, не имеющая прототипных моделей расшифровок в языке, может свободно развёртываться носителями языка в зависимости от их индивидуальных предпочтений. Например, конструкт *авиа-*, который определяется как абброморфема [2, с 128], имеет более 140 моделей развёртывания, в то время как универбализационный конструкт *гос-* имеет всего 6 ДС, хотя оба конструкта формируют аббревиатурные группы практически одинакового объёма: в группе «авиа» насчитывается 273 ГЭ, а в группе «гос» – 277 ГЭ.

2. Увеличение объёма абброгруппы приводит к увеличению объёма дешифровальной матрицы. Каждое ГЭ, входящее в аббревиатурную группу, имеет потенциальные возможности расширяться при помощи неиспользованных ранее моделей расшифровки сокращений, что, в свою очередь, вызывает увеличение общей совокупности дешифровальных стимулов группы. Таким образом, с укрупнением абброгруппы повышается вероятность возникновения в ней новых ДС.

Взаимозависимость деривационных отношений и объёма ДМ группы

Поскольку комбинированные АГ сложно оценить с точки зрения деривационных отношений, они не учитывались при проверке данного предположения. Таким образом, взаимозависимость определяется на основе 98 универбализационных и 16 псевдоунивербализационных абброгрупп.

Значительная разница объёмов аббревиатурных групп приводит к необходимости введения критериев для адекватной трактовки соотношения количественных показателей всех учитываемых групп. На основании приведённого аргумента ожидается, что в универбализационных группах количество ДС не будет превышать общую сумму ГЭ. При таком условии допускается возможное наличие альтернативных трактовок универбализационных сокращений; вместе с тем исключается избыточность расшифровок, прогнозируемая для псевдоунивербализационных ГЭ.

Предполагаемая тенденция отмечается в 85 универбализационных группах из 98. Объём ДМ в них действительно не превышает числа ГЭ. Отдельно отметим 27 абброгрупп, в которых наблюдается использование минимального количества моделей расшифровки сокращений. Среди них АГ «инд» (1 ДС на 6 ГЭ), «пат» (1 ДС на 9 ГЭ), «пред²» (1 ДС на 18 ГЭ), «гум» (1 ДС на 20 ГЭ), «пом» (1 ДС на 21 ГЭ), «комб» (3 ДС на 25 ГЭ), «ген³» (1 ДС на 31 ГЭ), «гермо» (4 ДС на 34 ГЭ), «инфо» (6 ДС на 57 ГЭ), «взаимо» (5 ДС на 139 ГЭ) и т.д.

В 13 универбализационных группах предположение не оправдалось: в них количество дешифровальных стимулов превосходит общее число гнёзд эквивалентности: в АГ «вальц» фиксируется 5 ДС на 2 ГЭ; в АГ «леч» – 9 ДС на 4 ГЭ; в АГ «маш» – 11 ДС на 7 ГЭ; в АГ «аллерго» – 33 ДС на 32 ГЭ и т.д.

В псевдоунивербализационных группах тенденция также не наблюдается. В 10 ГЭ объём дешифровальной матрицы меньше предполагаемого: в АГ «металло» применяется 3 ДС для 10 ГЭ, в АГ «право» – 3 ДС на 14 ГЭ, в АГ «вибро» – 27 ДС на 118 ГЭ, в АГ «край» – 3 ДС на 26 ГЭ и т.д.

В 80% проанализированных групп отмечается взаимосвязь между характером деривационных отношений и соотношением количественных параметров. Однако обозначенная корреляция является весьма условной, поскольку критерии сравнения параметров не учитывают индивидуальные особенности абброгрупп.

Взаимозависимость объёма АГ и объёма ДМ группы

Гораздо результативнее оказалось сопоставление количественных параметров абброгруппы без учёта деривационного статуса. На данном этапе исследования были задействованы 200 аббревиатурных групп.

Обнаруживается, что с увеличением объёма аббревиатурной группы усложняется также её дешифровальная матрица. Этот процесс не зависит от деривационных отношений в группе: он охватывает как гомогенные, так и комбинированные группы.

Прогнозируемая тенденция наглядно продемонстрирована на графике. Средний объём дешифровальных матриц (кривая на графике) увеличивается с ростом объёма аббревиатурных групп:

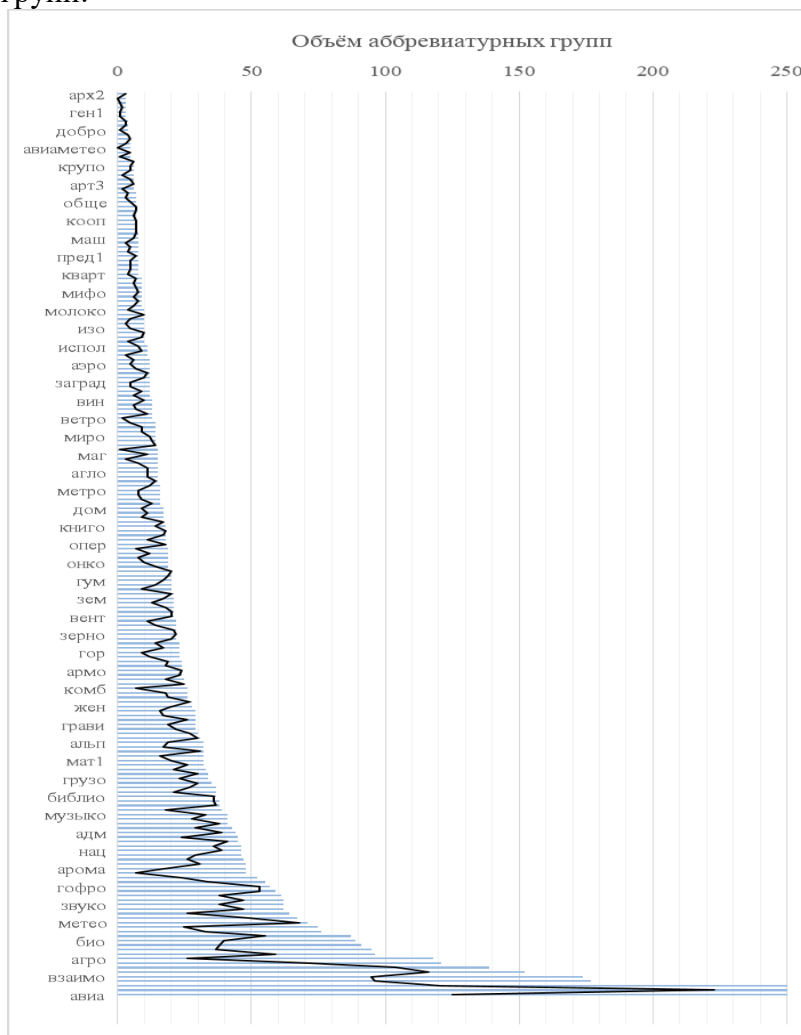

График 1

В целом можно резюмировать, что количество дешифровальных стимулов в абброгруппах колеблется, однако кривая сдвигается по мере увеличения объёма анализируемых групп. Из общей тенденции выбиваются универбализационные АГ, в которых практически отсутствуют включения псевдоунивербализационного типа. Как уже было отмечено, такие группы характеризуются минимальными по объёму (чаще всего – однокомпонентными) дешифровальными матрицами.

На количественные показатели могут оказывать влияние особенности методики сбора словника, при котором задействуются индивидуальные эксплицитные знания составителей «Словаря», обуславливающие развёртывание сокращений по определённым моделям. С целью минимизировать погрешности эмпирического этапа сборки словника Лабораторией была разработана методика прогнозирования отношений эквивалентности [4].

Сопоставительный анализ аббревиатурных групп показал, что некоторая корреляция между параметрами аббревиатурной группы существует, однако дешифровальные стимулы в высокой степени зависят от непредвидимых внеязыковых факторов, что не позволяет с большой уверенностью предугадывать характер проявлений ДС в аббревиатурной группе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бровец А. И. Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложнокращенного слова / А. И. Бровец, В. И. Теркулов // Наука и мир в языковом пространстве : Сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции, Макеевка, 23 ноября 2016 года / Редколлегия: Е.В. Горохов, Н.М. Зайченко [и др.]. – Макеевка: Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, 2016. – С. 51–57.

2. Емельянова, К. Ю. Абброконструкт и аффиксоид: к вопросу о связи понятий / К. Ю. Емельянова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2020. – № 3-4. – С. 126–132.

3. Рязанова В. А. Типология аббревиатурных групп: принципы и реализация / В. А. Рязанова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2020. – № 1. – С. 114–122.

4. Теркулов, В. И. Методика прогнозирования отношений эквивалентности для сложнокращённых слов / В. И. Теркулов // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков : Материалы I Международной научно-методической конференции "Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания дисциплины "Русский язык и культура речи", Донецк, 21 мая 2018 года. – Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2018. – С. 69-79.

V. A. Ryazanova

THE RELATIONSHIP OF QUANTITATIVE CHARACTERISTICS IN THE ABBREVIATED GROUPS

The paper compares quantitative parameters of abbreviated groups in order to identify possible factors of influence on the formation of the decoding matrix. On the material of 200 abbreviated groups, the predicted trends are tested: 1) the influence of the nature of derivational relations on the possibility of interpreting abbreviations; 2) the influence of the size of the abbreviation group on the increase in the decoding matrix of the group.

Keywords: abbreviation group, decoding matrix, equivalence nest, universalization, pseudo-universalization.

УДК 81'42

А.К. Сытник

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. д. филол.н., проф. В.И. Теркулов)*

ФОРМАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В АББРЕВИАТУРНОЙ ГРУППЕ «ПСИХ, ПСИХО»

Работа посвящена определению формальных моделей эквивалентности в аббревиатурной группе «псих, психо». Автором дана общая характеристика

аббревиатурной группы, осуществлён формально-структурный и количественный анализы групп эквивалентности, входящих в данную аббревиатурную группу.

Ключевые слова: *аббревиатурная группа, количественный анализ, дешифровальный стимул, формальные модели эквивалентности.*

В статье описываются формальные особенности сложносокращённых слов аббревиатурной группы «псих, психо» на основе методики, разработанной Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации.

Целью работы является определение формальных моделей эквивалентности в аббревиатурной группе «псих, психо». Для достижения этой цели дается общая характеристика аббревиатурной группы, осуществляется формально-структурный и количественный анализы групп эквивалентности, входящих в данную аббревиатурную группу.

Объектом исследования являются сложносокращённые слова, входящие в аббревиатурную группу «псих, психо». Материалом для исследования стали 70 аббревиатур (и, соответственно, 70 гнезд эквивалентности), сформировавшие 143 аббревиатурные пары. Теоретической основой стали работы сотрудников Лаборатории: В.И. Теркулова [Теркулов 2008; 2017; 2018], В.А. Рязановой [Рязанова 2020], Е.Ю. Аламайрех [Аламайрех 2020], Е.А. Крестьяниновой [Крестьянинова 2017], Е.Ю. Петровой [Петрова 2017] и др.

В работе В.А. Рязановой «Типология аббревиатурных групп: принципы и реализация» описывается «первичная типологизация групп по двум принципам — количественному и структурно-формальному» [Рязанова 2020, с. 114].

Согласно типологиям, сформированным на основе количественного анализа, аббревиатурная группа «псих, психо» является:

1. По соотношению частотности употребления аббревиатуры и ее эквивалентов аббревиатурные группы делятся на универбализационные и квазиунивербализационные.

Под универбализационными понимаются аббревиатурные группы, образованные путём свёртывания словосочетания в слово, «трансформации расчленённой языковой единицы в нерасчленённую» [Рязанова 2020, с. 115]. Под квазиунивербализационными понимаются аббревиатурные группы, образованные «путём развёртывания простого слова с аббревиатурной формой по аналогии с «истинными» аббревиатурами» [Рязанова 2020, с. 115].

Аббревиатурная группа «псих, психо» является **комбинированной**. В текстах, представленных поисковой машиной Google, отмечаются ситуации большего употребления словосочетания по отношению к аббревиатуре, что свидетельствует об универбализации (*психофорум — психологический форум, психический форум, форум психологов*), и большего употребления аббревиатуры по отношению к её эквиваленту, что свидетельствует о квазиунивербализации (*психохимия — психологическая химия, психическая химия, психиатрическая химия*).

2. При работе над «Словарём» был утверждён критерий частотности, в соответствии с которым для частотных аббревиатур минимально допустимое количество употреблений в поисковой системе Google равняется 500.

По количеству употреблений аббревиатурные группы делятся на регулярные и окказиональные. Регулярные состоят из общеупотребительных языковых единиц, набравших минимально допустимое количество употреблений (500). Окказиональные группы содержат сложные слова и словосочетания, не набравшие минимально допустимое количество употреблений.

Аббревиатурная группа «псих, психо» является **регулярной**, так как все входящие в неё аббревиатуры частотные. Минимальная частота употреблений составляет 536 (*психофорум*), максимальная — 16319958 (*психотерапия*).

3. По возможностям трактовки начального компонента сложного слова группы делятся на аббревиатурные, гибридные аббревиатурно-композиционные и гибридные аббревиатурно-юкстапозитные.

К аббревиатурным относятся «группы гнёзд эквивалентности сложных слов, тождественный начальный конструкт которых трактуется как аббревиатурный (то есть является равным части основы эквивалента)» [Рязанова 2020, с. 116].

Гибридные аббревиатурно-композиционные группы объединяют гнёзда эквивалентности слов с гибридным конструктом, то есть конструктом, который в результате развёртывания сложного слова может характеризоваться одновременно как равный части основы слова, так и равный целому слову.

Гибридные аббревиатурно-юкстапозитные группы от предыдущего типа отличаются «существованием наравне с аббревиатурной трактовкой конструкта юкстапозитной трактовки, при которой конструкт полностью дублирует эквивалентное слово» [Рязанова 2020, с. 116].

Группа «псих, психо» является **аббревиатурной**, так как тождественный начальный конструкт псих, психо является равным части основы эквивалента *психологический, психический, психиатрический, психоделический, психоневрологический, психотерапевтический, психотропный*.

4. По характеру репрезентации базисного и признакового компонентов абброгруппы делятся на группы слов с сокращённым признаковым компонентом, с сокращённым базисным компонентом, с сокращёнными базисным и признаковым компонентами, с вариативностью способов репрезентации компонентов.

В группах слов с сокращённым признаковым компонентом «реализуются две наиболее распространённые формальные модели развёртывания сложного слова: «прил1 + сущ1» и «сущ1 + сущ2» (где 1 – Им.п., 2 – Род.п.)» [Рязанова 2020, с. 117].

В группах слов с сокращённым базисным компонентом «словосочетание в процессе универбализации ретранслируется в слово в прямой последовательности, вследствие чего сокращается стоящий в начале словосочетания базисный компонент» [Рязанова 2020, с. 117].

Группы слов с сокращёнными базисным и признаковым компонентами объединяют слоговые и инициально-слоговые аббревиатуры.

В группах слов с вариативностью способов репрезентации компонентов универбализация комбинируется со словосложением, слово трактуется как сложносокращённое и как композит или юкстапозит.

Аббревиатурная группа «псих, психо» является группой слов с **сокращённым признаковым компонентом**. Здесь реализуются две наиболее распространённые формальные модели: «прил1 + сущ1» (104) и «сущ1 + сущ2»(28): *психопортрет — психологический портрет, портрет психики*.

5. Совокупность дешифровальных стимулов (моделей, по которым возможно развёртывание сложных слов абброгруппы в словосочетания) составляет её дешифровальную матрицу. По структуре дешифровальных матриц абброгруппы делятся на группы с презентативной, релятивной и комбинированной дешифровальными матрицами.

Группы с презентативной дешифровальной матрицей состоят из одного дешифровального стимула, с релятивной — из дешифровальных стимулов, которые «реализуют падежную или предложно-падежную форму и актуализируют грамматические значения числа и падежа, не заложенные в структуре сложного слова» [Рязанова 2020, с. 118].

Аббревиатурная группа «псих, психо» является группой с **комбинированной дешифровальной матрицей**, которая содержит несколько разнотипных

дешифровальных стимулов (*психологический, психический, психиатрический, психоделический, психоневрологический, психотерапевтический, психотропный*).

6. По типу семантической коррелятивности абброгруппы делятся на однозначные и симультанные. В однозначных конструкт сохраняет тождественную семантику, а симультанные аббревиатуры называют разные объекты действительности.

Аббревиатурная группа «псих, психо» является **однозначной группой**. Дешифровальные стимулы обеспечивают наиболее обобщённую трактовку сложного слова. В этом случае конструкт *псих, психо* в сопоставлении с компонентами словосочетаний сохраняет тождественную семантику (*психологический, психический, психиатрический, психоделический, психоневрологический, психотерапевтический, психотропный*).

7. По объёму дешифровальных матриц абброгруппы делятся на группы с простой, составной и множественной дешифровальными матрицами.

Группы с простой дешифровальной матрицей имеют всего один дешифровальный стимул, с составной— несколько (от 2 до 10), со множественной— 10 и более.

Аббревиатурная группа «псих, психо» является группой с **составной дешифровальной матрицей**, содержащей несколько возможных дешифровальных стимулов (*психологический, психический, психиатрический, психоделический, психоневрологический, психотерапевтический, психотропный*).

Методика формального анализа. Методика формально-структурного анализа описана в работе В.И. Теркулова «Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания» [Теркулов 2017]. Формально-структурный анализ осуществляется в два этапа. Первый этап характеризуется тем, что на нем «устанавливается общая модель использования дешифровального стимула в эквивалентном словосочетании» [Теркулов 2017, с. 89]. На втором этапе «для каждой эквивалентной пары в пределах гнезда эквивалентности определяется конкретная модель формальной разновидности эквивалентности, которая описывает тип формального соответствия компонентов словосочетания и конструктов аббревиатуры и объединяет два блока: блок аббревиатуры и блок эквивалента» [Теркулов 2017, с. 90].

Традиционно на первом этапе работы используются следующие символы: у – базисный компонент, х – признаковый, то есть дешифровальный стимул абброконструкта, суц – существительное, а – компонент сложного слова, дополняющий стимул х, но не имеющий эквивалента в аббревиатуре, z – слово, входящее в дешифровальный стимул – словосочетание, но не имеющее эквивалента в аббревиатуре [Теркулов 2017, с. 89].

Принято различать такие базовые типы дешифровальных стимулов:

1. х – существительное (у-х: *регуляция психики – психорегуляция*);
2. х(адект) – простой адектив (у-х(адект): *психологический портрет–психопортрет*);
3. х-а – сложное существительное(у-х-а(суц)): *строительство авиатехники – авиастроительство*);
4. х-а(адект) – сложный адектив (у-х-а(адект): *психоневрологический диспансер –психоневродиспансер*);
5. (предл)х – существительное с предлогом (у-(предл)х: *воздействие на психику – психовоздействие*);
6. (предл)х-а – сложное существительное с предлогом (у-(предл) х-а): *билет на авиаперевозку – авиабилет*);
7. х-z(суц) – словосочетание с зависимым существительным (у-хz(суц): *альянс производителей автомобилей – автоальянс*);

8. х(адъект)-z – словосочетание с зависимым адъективом (ух(адъект)-z: *сфера психической деятельности – психосфера*);

9. (предл)х-z(сущ) – предложное словосочетание с зависимым существительным (у-(предл)х-z(сущ)): *бизнес по продаже алкоголя – алкобизнес*);

10. (предл)х(адъект)-z – предложное словосочетание с зависимым адъективом: (у-(предл)х(адъект)-z): *шина для авиационной техники – авиашина*).

Модели формальной разновидности эквивалентности. Под моделью формальной разновидности эквивалентности понимается детализация общей модели дешифровального стимула, которая указывает на тип формального соответствия компонентов словосочетания и слова. Модель формальной разновидности эквивалентности включает два блока: блок словосочетания, описывающий грамматические характеристики и блок сложносокращённого слова, в котором описывается способ представленности компонентов словосочетания в аббревиатуре.

Для блока словосочетания релевантными являются следующие характеристики:

1. Количество компонентов. Для данной аббревиатурной группы отмечаются двухкомпонентные эквиваленты, например, *психопатология — психологическая патология*; трёхкомпонентные эквиваленты (с предлогом), например, *психовоздействие — воздействие на психику*; трёхкомпонентные эквиваленты (со служебными словами), например, *психопрофилактика — профилактика психических заболеваний*.

2. Тип синтаксической связи между компонентами эквивалентного словосочетания: согласование (*психофобия — психологическая фобия*), управление (*психотравма — травма психики*).

3. Грамматическое описание компонентов словосочетания, включающее частеречную принадлежность компонента (сущ — существительное, прил — прилагательное и т. д.); падежную форму (1 — именительный, 2 — родительный и т. д.); парадигматическую активность (определяется комбинацией номера падежа и оператора числа (ед — единственное, мн — множественное)).

Также добавляются операторы, определяющие качество аббревиатурного эквивалента (Осн — основа, Чосн — часть основы). В блоке сложносокращённого слова указывается порядок следования и способ представленности эквивалентов компонентов исходного словосочетания в сложносокращённом слове и его лексемное оформление.

Для аббревиатурной группы «псих, психо» выявлены такие **формальные модели эквивалентности**.

1. Дешифровальный стимул Х(ад). Дешифровальным стимулом является простой адъектив — прилагательное. В данной аббревиатурной группе к Х(ад) относятся:

прилагательное *психологический*, образованное от простого имени Х психология, например, *психотравма — психологическая травма: психологическая травма — сложное явление, касающееся многих сфер человеческой личности — в литературе можно найти много определений психотравмы* (<https://monocler.ru/psihologicheskaya-travma/>);

прилагательное *психический*, образованное от простого имени Х психика, например, *психоневроз — психический невроз: психический невроз — переходящее расстройство, которое возникает в результате неблагоприятных психоэмоциональных воздействий — психоневроз может выявляться не только у людей, но и у животных* (<https://leto.clinic/lechenie/nevroz/psihicheskiy/>);

прилагательное *психиатрический*, образованное от простого имени Х психиатрия, например, *психдиспансер — психиатрический диспансер: акбулакчанку принудительно госпитализировали в психиатрический диспансер — жители Акбулакского района добились принудительной госпитализации соседки в психдиспансер*

(https://oren.aif.ru/society/people/akbulakchanku_prinuditelno_gospitalizirovali_v_psihiatricheskii_dispanser);

прилагательное *психоделический*, образованное от простого имени X психоделия, например, *псих-фолк* — *психоделический фолк*: **психоделический фолк** (*Psychedelicfolk*) или **псих-фолк** (*psychfolk*) — музыкальный жанр, сложившийся в 1960-е на стыке прогрессивного фолка и психоделического рока (https://ru.unionpedia.org/Психоделический_фолк);

прилагательное *психоневрологический*, образованное от имени X-A психоневрология, например, *психоневродиспансер* — *психоневрологический диспансер*: вернется ли в строй **психоневродиспансер** — появилась информация, что **психоневрологический диспансер** (ПНД) якобы закрывается (<https://www.sutynews.ru/index.php?mode=news&id=50690&view=list>).

Отмечается следующая дешифровальная модель структурной эквивалентности, использующая данный дешифровальный стимул:

х(ад)-у. Модель представлена простым словосочетанием, состоящим из существительного и простого адектива.

Прил1ед+Сущ1ед = ЧоснПрил1ед+Сущ1ед. Абброконструкт эквивалентен прилагательному, а существительное выступает в полной форме: *психоакустика* — *психологическая акустика*.

2. Дешифровальный стимул X. В данном случае дешифровальным стимулом является простое существительное. К дешифровальным стимулам X относятся:

психика, например, в паре *психоанализ* — *анализ психики*: **психоанализ** — это метод исследования человеческой психики — целостный **анализ психики** человека (<https://medexpert-kazan.ru/uslugi/dlya-vzroslih/konsultacziya-psixoterapevta/>).

у-х. Компоненты эквивалентного словосочетания являются простыми словами, причём не эквивалентное абброконструкту слово выступает в качестве главного в словосочетании. Обнаружены следующие модели формальной разновидности эквивалентности:

Сущ1ед+Сущ2ед = ЧоснСущ2ед+Сущ1ед. Модель эквивалентности частично сокращённого слова с сохранением формы главного слова и в силу этого с использованием его парадигмы в качестве парадигмы аббревиатуры: *психозащита* — *защита психики*.

Сущ1ед+Сущ2мн = ЧоснСущ2мн+Сущ1ед. Эквивалент абброконструкта выступает в форме родительного падежа множественного числа: *психофорум* — *форум психологов*.

3. Дешифровальный стимул (предл)X. В качестве дешифровального стимула выступает существительное с предлогом.

у-(предл)х. Базисный компонент — простое существительное. Эквивалент абброконструкта представлен формой винительного падежа:

Сущ1ед+предл+Сущ4ед=ЧоснСущ4ед+Сущ1ед(-предл), например: *психовоздействие* — *воздействие на психику*.

4. Дешифровальный стимул X(ад)-Z. В данном случае эквивалентом абброконструкта является словосочетание, в котором на уровне формы ему соответствует прилагательное.

у-х(ад)-z. В этой группе формальным эквивалентом абброконструкта является простое прилагательное, входящее в эквивалентное словосочетание, связанное с базисным словом отношениями управления:

Сущ1ед+Прил2мн+Сущ2мн = ЧоснПрил2мн+Сущ1ед(-Сущ2мн). Эквивалентное словосочетание употреблено в форме родительного падежа множественного числа: *психопрофилактика* — *профилактика психических заболеваний*.

Итак, согласно типологиям, сформированным на основе количественного анализа, аббревиатура «псих, психо» является: по соотношению частотности употреблений — комбинированной; по количеству употреблений — регулярной; по возможностям трактовки начального компонента сложного слова — аббревиатурной; по характеру репрезентации базисного и признакового компонентов — группой слов с сокращённым признаковым компонентом; по структуре дешифровальных матриц — с комбинированной дешифровальной матрицей; по типу семантической коррелятивности — однозначной; по объёму дешифровальных матриц — группой с составной дешифровальной матрицей. На основе установления типов конструкторов сложносокращённых слов и их соответствия компонентам исходного словосочетания возможно построение моделей формальной эквивалентности словосочетание — слово. Для аббревиатурной группы «псих, психо» обнаружены 4 модели дешифровальных стимулов, представляющих 5 моделей формальной эквивалентности. Наиболее частотными из них являются следующие: х(ад)-у. Модель, представленная простым словосочетанием, состоящим из существительного и простого адъектива: Прил1ед+Сущ1ед = ЧоснПрил1ед+Сущ1ед. Аббревиатура эквивалентна прилагательному, а существительное выступает в полной форме. у-х. Компоненты эквивалентного словосочетания являются простыми словами, причём не эквивалентное аббревиатуре слово выступает в качестве главного в словосочетании: Сущ1ед+Сущ2ед = ЧоснСущ2ед+Сущ1ед. Модель эквивалентности частично сокращённого слова с сохранением формы главного слова и в силу этого с использованием его парадигмы в качестве парадигмы аббревиатуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бровец А.И. Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложносокращённого слова / А.И. Бровец // Наука и мир в языковом пространстве. – Макеевка, 2016. – С. 51–57.
2. Рязанова В.А. Типология аббревиатурных групп: принципы и реализация / В.А. Рязанова // Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология. – 2020. – № 1. – С. 114–122.
3. Теркулов В.И. Композиты русского языка в ономазиологическом аспекте : дис. д-ра филол. наук : 10.02.02 / В. И. Теркулов. – Горловка, 2008. – 472 с.
4. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: Синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. – Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.

A.K. Sytnik

FORMAL MODELS OF EQUIVALENCE IN THE ABBREVIATION GROUP "PSYCH, PSYCHO"

The work is devoted to the definition of formal models of equivalence in the abbreviation group "psycho, psycho". The author gives a general description of the abbreviation group, carried out a formal-structural and quantitative analysis of the equivalence groups included in this abbrogroup.

Key words: *abbreviation group, quantitative analysis, deciphering stimulus, formal equivalence models.*

СЛОЖНОПРОИЗВОДНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ УСТРОЙСТВ В ФОРМАЛЬНОМ И ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

В статье определяется понятие сложнопроизводной аббревиатуры, рассматриваются сложнопроизводные обозначения устройств, даётся описание формальных и ономаσιологических моделей, указывается количество употреблений сложнопроизводных аббревиатур.

Ключевые слова: *сложнопроизводные аббревиатуры, вторичные эквиваленты, формально-структурный анализ, ономаσιологическая модель.*

Данная статья посвящена описанию сложнопроизводных обозначений устройств в формальном и ономаσιологическом аспектах.

Объект исследования – сложнопроизводные аббревиатуры, обозначающие устройства.

Предмет исследования – формальные и ономаσιологические особенности сложнопроизводных аббревиатур, обозначающих устройства.

Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью формальных и ономаσιологических моделей сложнопроизводных аббревиатур русского языка.

Цель данной работы состоит в том, чтобы описать формальные и ономаσιологические модели обозначения устройств сложнопроизводных аббревиатур. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд **задач**:

- 1) дать определение сложнопроизводной аббревиатуры;
- 2) разграничить понятия диахронного и синхронного подходов к выделению и описанию аббревиатур;
- 3) описать формальные и ономаσιологические модели обозначения устройств сложнопроизводных аббревиатур.

Сложнопроизводные аббревиатуры – это слова, образованные от аббревиатур морфологическим способом (например, слово *газоанализатор*, образованное суффиксальным способом от аббревиатуры *газоанализ*). Следует указать на то, что данные единицы, не являющиеся аббревиатурами с точки зрения диахронии, могут на актуальном срезе языка переходить в разряд аббревиатур: для них часто обнаруживаются синхронные синтаксические эквиваленты. Например, *газоанализатор* на синхронном срезе языка имеет все признаки аббревиатуры: в его составе выделяется аббреконтрукт *газо*, а в эквивалентных текстах находится его актуальный «полный эквивалент» – словосочетание *газовый анализатор*.

В Донецкой дериватологической школе разграничиваются диахронный и синхронный подходы к описанию и выделению сложносокращенных слов (далее – ССС). При **диахронном** анализе «описываются отношения реальной производности между аббревиатурой и производящей единицей», при **синхронном** подходе «мы считаем эквивалентными аббревиатуре те словосочетания, которые употребляются как её абсолютные синонимы (дублеты) в эквивалентных текстах и включают в свой состав компоненты, воспринимающиеся носителями языка как эквиваленты конструкторов аббревиатуры» [3, с. 87].

Под **вторичными эквивалентами** мы подразумеваем словосочетания развёрнутые на базе слова вследствие универбализации, которые подразделяются на узуальные эквивалентные аббревиатурам словосочетания, т. е. те, которые употребляются регулярно, и окказиональные эквиваленты, у которых меньше 500 употреблений.

Метод формально-структурного анализа определяет формальные характеристики дешифровального стимула (далее – ДС), аббревиатуры и эквивалентного словосочетания и осуществляется в два этапа.

На первом этапе устанавливается общая модель использования ДС в эквивалентном словосочетании. Для моделирования применяются символы: у – базисный компонент, х – признаковый, т. е. ДС абброконструкта, адъект – адъектив (прилагательное, адъективированное причастие), сущ – существительное, предл – предлог, а – компонент сложного слова, дополняющий стимул х, но не имеющий эквивалента в аббревиатуре, z – слово, входящее в ДС – словосочетание, но не имеющее эквивалента в аббревиатуре.

На втором этапе для каждой эквивалентной пары в пределах гнезда эквивалентности определяется конкретная модель формальной разновидности эквивалентности, которая описывает тип формального соответствия компонентов словосочетания и конструктов аббревиатуры и объединяет два блока: блок аббревиатуры и блок эквивалента. Общими операторами для этих блоков являются грамматические операторы, осуществляющие указание на частеречную принадлежность компонентов эквивалентного словосочетания (сущ – существительное, прил – прилагательное и т.д.), на номер падежной формы (1 – именительный, 2 – родительный и т.д.), на числовую характеристику (ед – единственное, мн – множественное). Для обозначения сложных слов, входящих в словосочетание, используется оператор «комп». В блоке аббревиатуры добавляются операторы, указывающие на качество абброэквивалента (Осн – основа, Чосн – часть основы, Чосн¹ – первая часть основы эквивалентного сложного слова, З¹ – первый звук основы, Б¹ – первая буква основы), а также оператор «инт», используемый в тех случаях, когда в аббревиатуре появляется интерфейс.

Формальные модели обозначения устройств

Узуальные эквиваленты

1. х(адъект)-у: **Прил¹ед+Сущ¹ед** (блок эквивалента) = **ЧоснПрил¹ед+Сущ¹ед(комп)** (блок аббревиатуры) (модель формальной разновидности эквивалентности): *автоматическое включение* (1 250 000) / *автоматизированное включение* (1 310) – *автовключение* (146 000) (<*автовключатель*) (автоматическое включение компьютера); *автоматический идентификатор* (3 670) – *автоидентификатор* (101) (<*автоидентификация*); *автоматическая поилка* (122 000) – *автопоилка* (169 000) (<*автопоение*) (автоматическая поилка для котов, автоматическая поилка для собак, автоматическая поилка для цыплят и др.); *автоматический регистратор* (11 200) – *авторегистратор* (344 000) (<*авторегистрация*) (автоматический регистратор температуры, автоматический регистратор звонков и др.); *автоматический регулятор* (446 000) / *автоматизированный регулятор* (785) – *авторегулятор* (61 000) (<*авторегулирование*) (автоматический регулятор тяги, автоматический регулятор давления воды и др.); *автоматический укладчик* (13 000) / *автоматизированный укладчик* (707) – *автоукладчик* (3 150) (<*автоукладка*) (автоматический укладчик пакетов; автоматический укладчик кирпича и др.); *автоматический упаковщик* (16 900) – *автоупаковщик* (395) (<*автоупаковка*) (автоматический упаковщик паллет, автоматический упаковщик в пакеты и др.); *газовый очиститель* (1 960) –

газоочиститель (10 200) (<газоочистка); газовый сепаратор (14 100) – газосепаратор (22 800) (<газосепарация); звуковой глушитель (3 510) – звукоглушитель (9 130) (<звукоглушение); звуковой отражатель (849) – звукоотражатель (2 030) (<звукоотражение); масляный охладитель (116 000) – маслоохладитель (647 000) (<маслоохлаждение) (масляный охладитель двигателя).

2. у-х: **Сущ1ед+Сущ2ед** (блок эквивалента) = **ЧоснСущ2ед(инт)+Сущ1ед(комп)** (блок аббревиатуры) (модель формальной разновидности эквивалентности): охладитель газа (3 870) – газоохладитель (12 400) (<газоохлаждение); очиститель газа (1 460) – газоочиститель (10 200) (<газоочистка); глушитель звука (7 980) – звукоглушитель (9 130) (<звукоглушение); отражатель звука (1 900) – звукоотражатель (2 030) (<звукоотражение); охладитель масла (169 000) – маслоохладитель (647 000) (<маслоохлаждение) (охладитель масла двигателя); очиститель масла (50 700) – маслоочиститель (75 900) (<маслоочистка); распылитель масла (25 400) – маслораспылитель (44 300) (<маслораспыление).

3. у-х: **Сущ1ед+Сущ2мн** (блок эквивалента) = **ЧоснСущ2мн+Сущ1ед(комп)** (блок аббревиатуры) (модель формальной разновидности эквивалентности): охладитель газов (65 100) – газоохладитель (12 400) (<газоохлаждение).

4. у-х: **Сущ1ед+предл+Сущ2ед** (блок эквивалента) = **ЧоснСущ2ед(инт)+Сущ1ед(комп)** (блок аббревиатуры) (модель формальной разновидности эквивалентности): распылитель для масла (101 000) – маслораспылитель (44 300) (<маслораспыление).

Окказиональные эквиваленты

1. х(адект)-у: **Прил1ед+Сущ1ед** (блок эквивалента) = **ЧоснПрил1ед+Сущ1ед(комп)** (блок аббревиатуры) (модель формальной разновидности эквивалентности): автоматизированный регистратор (454) – авторегистратор (344 000) (<авторегистрация) (автоматический регистратор температуры, автоматический регистратор звонков и др.); автоматизированный упаковщик (86) – автоупаковщик (395) (<автоупаковка) (автоматический упаковщик паллет, автоматический упаковщик в пакеты и др.).

2. у-х: **Сущ1ед+Сущ2мн** (блок эквивалента) = **ЧоснСущ2мн+Сущ1ед(комп)** (блок аббревиатуры) (модель формальной разновидности эквивалентности): очиститель газов (463) – газоочиститель (10 200) (<газоочистка); глушитель звуков (329) – звукоглушитель (9 130) (<звукоглушение); отражатель звуков (29) – звукоотражатель (2 030) (<звукоотражение).

Ономасиологическая методика устанавливает тождественность / нетождественность ономасиологической структуры ССС и его эквивалента ономасиологической структуре словосочетаний с идентичным ономасиологическим базисом. Ономасиологическая структура слова включает в себя два таких основных компонента как ономасиологический базис (ОБ), под которым понимается родовое понятие, отсылающее нас к определенному понятийному классу и ономасиологический признак (ОП), который характеризует видовую соотнесённость референта внутри обозначенного класса явлений.

Ономасиологическая модель – это схема формирования номинативных единиц и их реализаций – результатов, соответственно, языковой и речевой номинации. Е.А. Селиванова определяет ономасиологическую модель на основании следующих признаков: 1) общего смысла базиса (формантной структуры); 2) конкретного содержания двух или более ОП (отсылочной части); 3) их валентного потенциала и смысловой связи; 4) типа отношений между базисом и признаком [1, с. 20].

Ономасиологические модели обозначения устройств

Узуальные эквиваленты

«Квалификатив = устройство»: автоидентификатор (101) – автоматический идентификатор (3 670) (<автоидентификация); звукоотражатель (2 030) – звуковой отражатель (849) / отражатель звука (1 900) (<звукоотражение); автовключение (146 000) – автоматическое включение (1 250 000) / автоматизированное включение (1 310) (<автовключатель); автоупаковщик (395) – автоматический упаковщик (16 900) (<автоупаковка); газоохладитель (12 400) – охладитель газа (3 870) / охладитель газов (65 100) (<газоохлаждение); газоочиститель (10 200) – газовый очиститель (1 960) / очиститель газа (1 460) (<газоочистка); газосепаратор (22 800) – газовый сепаратор (14 100) (<газосепарация); звукоглушитель (9 130) – звуковой глушитель (3 510) / глушитель звука (7 980) (<звукоглушение); маслоочиститель (75 900) – очиститель масла (50 700) (<маслоочистка); маслораспылитель (44 300) – распылитель масла (25 400) / распылитель для масла (101 000) (<маслораспыление); автопоилка (169 000) – автоматическая поилка (122 000) (<автопоение); авторегистратор (344 000) – автоматический регистратор (11 200) (<авторегистрация); авторегулятор (61 000) – автоматический регулятор (446 000) / автоматизированный регулятор (785) (<авторегулирование); автоукладчик (3 150) – автоматический укладчик (13 000) / автоматизированный укладчик (707) (<автоукладка); маслоохладитель (647 000) – масляный охладитель (116 000) / охладитель масла (169 000) (<маслоохлаждение).

Окказиональные эквиваленты

«Квалификатив = устройство»: звукоотражатель (2 030) – отражатель звуков (29) (<звукоотражение); автоупаковщик (395) – автоматизированный упаковщик (86) (<автоупаковка); газоочиститель (10 200) – очиститель газов (463) (<газоочистка); звукоглушитель (9 130) – глушитель звуков (329) (<звукоглушение); авторегистратор (344 000) – автоматизированный регистратор (454) (<авторегистрация).

В данной работе даётся описание сложнопроизводных обозначений устройств в формальном и ономазиологическом аспектах, определяется различие диахронного и синхронного статусов аббревиатур данного типа. Примеры были использованы из «Толково-эквивалентного словаря сложносокращённых слов русского языка», разработанной Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Селіванова О.О. Субстантивні композити в українській та російській мовах / О. О. Селиванова // Мовознавство. – 1992. – № 6. – С. 19–22.
2. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология. Вып. 3 (29). Языкознание. Горловка, 2016.
3. Теркулов В. И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И. Теркулов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.

S. V. Takhmazova

COMPOUND DERIVATIVE DESIGNATIONS OF DEVICES IN FORMAL AND ONOMASIOLOGICAL ASPECTS

The article defines the concept of a compound-derived abbreviation, considers compound-derived designations of devices, describes formal and onomasiological models, and indicates the number of uses of compound-derived abbreviations.

Key words: *compound abbreviations, secondary equivalents, formal structural analysis, onomasiological model.*

СЛОЖНОСОКРАЩЁННЫЕ ОНИМЫ КАК ФОРМАЛЬНО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП АББРЕВИАТУР

Цель работы состоит в определении базовых принципов системного описания сложносокращённых онимов. В ходе исследования были установлены основные типы расхождений между сложносокращёнными онимами и полными наименованиями, выявлены модели формирования эквивалентности данных единиц, а также определено место сложносокращённых онимов в ряду смежных явлений.

Ключевые слова: сложносокращённые онимы, универбализация, конструированность, модель.

На современном этапе каждое деловое учреждение имеет сокращённое наименование как эквивалент полному. Нужды коммуникации в экономии языковых средств выражения обуславливают универбализацию, то есть ситуацию, «когда слово, замещающее словосочетание, выступает в качестве его дублета в пределах тождества единой номинативной единицы – номинатемы» [Теркулов, 2010, с. 138]. В результате универбализации возникает сложносокращённое слово, которое дублирует семантику и функции развернутой и сложной структуры словосочетания и воспроизводит её строение в упрощенном виде.

Объектом нашего исследования являются сложносокращённые онимы (ССО) – аббревиатуры, используемые для обозначения единичных объектов. Чаще всего ССО относятся к разряду эргонимов – собственные имена «делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская, 1988, с. 18]. Предметом являются особенности выделения ССО в качестве формально-ономастиологического типа, который представляет собой особый тип мотивационных отношений, механизм и средство словообразования.

Актуальность исследования определяется тем, что сегодня смысловая неоднозначность названий вызывает множество интерпретаций при декодировании их реципиентами. В связи с этим появилась потребность систематизации многочисленных ССО, разностороннего изучения их структурных особенностей, выявления общего и индивидуального в особенностях их структуры и принципах номинации. ССО, как и другие ономастические наименования, требуют системного описания, что и является целью нашего исследования.

Постановка цели определяет наличие следующих задач:

1. Определить место ССО в ряду смежных явлений;
2. Определить формальные типы ССО;
3. Доказать необходимость выделения ССО как отдельного формально-ономастиологического типа.

Основополагающим для предпринимаемого исследования является метод синхронного анализа, включающий приём наблюдения, с помощью которого были выбраны анализируемые ССО и выделены их свойства и признаки; сравнение семантики ССО и их формальных текстовых эквивалентов осуществлялось при помощи

компонентного анализа; путем метода обобщения были установлены принципы номинации ССО; при прогнозировании эквивалентов ССО были использованы методы дистрибутивного анализа и логико-смыслового моделирования.

Традиционно аббревиатуры определяются как: «существительные, состоящие из усечённых отрезков слов, входящих в синонимичное словосочетание, последний из которых (опорный компонент) может быть целым, не усечённым словом» [Грамматика 1980, с. 252]. Данное определение необходимо несколько откорректировать.

Во-первых, аббревиатуры реализуются не только в виде существительных: это и прилагательные, включающие в свой состав аббревиатурные конструкты и имеющие дескриптивные эквиваленты, например *электроиндукционный механизм – электронный индукционный механизм*.

Во-вторых, приведённое определение имеет формальные основания и не отражает механизмов интерпретации референтов в производных словах. Например, слова *задвижка, жарка, спортсменка, зачетка* по формальным признакам относят к морфологическому суффиксальному способу словообразования, разводя их, правда, по разным словообразовательным типам. Однако ономаσιологические и мотивационные основания словообразования здесь принципиально различаются: *задвижка* находится в мутационных отношениях со словом *завдигать* и обозначает объект, возникший в результате процесса, обозначенного этим глаголом, *жарка* находится в транспозиционных отношениях с *жарить* и имеет с ним тождественное значение, отличаясь только тем, что интерпретирует номинируемый процесс как акт некоторой ситуации, *спортсменка* выступает в качестве полового модификатора значения слова *спортсмен*, а *зачетка* является универбатом словосочетания *зачетная книжка*. В связи с этим возникает необходимость выделения формально-ономаσιологических типов словообразования, учитывающих:

- а) тип мотивационных отношений между производящей и производной единицей (мутационный, модификационный, транспозиционный, эквивалентностный);
- б) словообразовательный механизм;
- в) словообразовательное средство.

Анализ с этой точки зрения аббревиатур (эквивалентностный тип отношений) показал необходимость распределения их по трём формально-ономаσιологическим подтипам, представляющим разные механизмы и средства формирования номинации: инициальные аббревиатуры, сложносокращённые апеллятивы и сложносокращённые онимы.

Инициальные аббревиатуры возникают в результате простого сокращения слов эквивалентного словосочетания до их первых букв или звуков. Например, словосочетание *чрезвычайная ситуация* преобразуется в инициальную аббревиатуру *ЧС*. В данном случае реализуется модель реального коррелятивного сокращения эквивалентных слов (до первой буквы). Для создания сложносокращённого апеллятива используется особый элемент – абброконструкт (морфематизированный сокращённый эквивалент слова), который выступает в качестве заместителя эквивалентной лексемы. Например, абброконструкт *мото-* потенциально в любом словосочетании, которое содержит слово *мотоциклетный*, можно его заменить и преобразовать это словосочетание в сложносокращённое слово (*мотоциклетный шлем – мотошлем*).

Сложносокращённые онимы формально и ономаσιологически противопоставляются сложносокращённым апеллятивам и инициальным аббревиатурам. ССО, образуясь по совершенно иным принципам: чаще всего универбализация либо дополняется, либо замещается при образовании ССО конструированием нового наименования при помощи абброконструктов. Например,

слово: *Росзарубежцентр* – имеет в качестве эквивалента словосочетание **Российский центр международного научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел Российской Федерации**. Как видим, в данном сложносокращённом ониме универбализуется только два компонента эквивалентного словосочетания – *рос-* и *-центр*, а компонент *-зарубеж-* замещает комплекс *международного научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел Российской Федерации*, но формально не эквивалентен ему.

Общим для ССО и сложносокращённых апеллятивов является то, что при их образовании используются абброконструкты. Различие состоит в особенностях их использования. При образовании сложносокращённых апеллятивов они являются средством замещения слов эквивалентного словосочетания и легко разворачиваются в слова при расшифровке аббревиатур. Например, *мотошлем* легко разворачивается в *мотоциклетный шлем*, а *пожинструмент* – в *пожарный инструмент*. ССО, которые могут быть образованы по универбализационным моделям, достаточно регулярно конструируются, что часто приводит к затемнению внутренней формы наименования, поскольку в нем может отражаться не текстовая эквивалентность «слово – словосочетание», а «творческая фантазия номинатора». Например, для *министерства охраны окружающей среды и природных ресурсов* был создан эквивалент *Минприроды*, на основе которого мы не сможем развернуть приведенное полное наименование. ССО противопоставляются и инициальным аббревиатурам, которые возникают в результате реализации моделей реального коррелятивного сокращения эквивалентных слов (до первого звука или буквы входящих в эквивалентное словосочетание слов). Возможность конструирования показывает, что универбализация не является обязательной моделью формирования ССО, а поэтому может быть определена как частный случай конструирования – с универбализационной основой.

Первая модель представляет сложение компонентов (модель «слог + слог +...»): каждое слово словосочетания имеет эквивалентный абброконструкт, например *Минавиапром* – **Министерство авиационной промышленности**, *Минпроторг* – **Министерство промышленности и торговли**, *Минцветмет* – **Министерство цветной металлургии**. При анализе ССО с абброконструктами *рос-* и *мин-* было выявлено, что данную модель представляют 6% ССО с абброконструктом *рос-*, а с абброконструктом *мин-* – 57%.

Вторая модель представляет сложение абброконструкта и полной формы признаковой части, которая выражена одним словом (модель «слог + слово»). Например, *Мининфраструктуры* – **Министерство инфраструктуры**, *Миннауки* – **Министерство науки**, *Минэкономики* – **Министерство экономики**. Данная модель при образовании ССО с абброконструктом *рос-* не используется; она встречается в 8% ССО с абброконструктом *мин-*.

Третью модель представляют ССО, которые содержат несколько абброконструктов (два или три) и полную форму одного слова из признаковой части (модель «слог + слог + (слог) + слово»). Например, *Минагрополитики* – **Министерство аграрной политики**, *Мингосдоходов* – **Министерство государственных доходов**, *Минздравсоцразвития* – **Министерство здравоохранения и социального развития**, *Росэксимбанк* – **Российский экспортно-импортный банк**. Данную модель представляют 6% ССО с абброконструктом *рос* и 10% – с абброконструктом *мин-*.

Четвертая модель отличается относительной формальной независимостью ССО от соответствующего ему словосочетания. Здесь наблюдается увеличение семантического объёма ССО за счёт обобщения значений некоторых слов, когда перенос наименования производится на предметы того же класса. ССО находит такой абброконструкт, который вбирает в себя семантику ключевых компонентов словосочетания. Например,

Росохотрыболовсоюз – Российская ассоциация общественных объединений охотников и рыболовов, где ассоциация общественных объединений заменяется абброконструктом *-союз*. *Росинтерфест – Российская национальная федерация международных фестивалей*, где *-интер-* вбирает в себя национальная федерация международных. Данная модель при образовании ССО с абброконструктом *мин-* не используется; она встречается в 16% ССО с абброконструктом *рос-*.

Пятая модель является разновидностью предыдущей модели. В данном случае ССО также отличается относительной формальной независимостью от соответствующего ему словосочетания, но при этом включает искусственный компонент, который не связан со словосочетанием семантически. Например, *Ростехинвентаризация – Российский государственный центр инвентаризации и учёта объектов недвижимости*, *Роскомплектнефтеснаб - Всероссийская техническая контора по комплектации и материально-техническому снабжению*, где такие компоненты ССО, как *-тех-* не вбирает в себя семантику словосочетания *государственный центр учёта объектов недвижимости*, а *-нефте-* не вбирает в себя семантику словосочетания *техническая контора по материально-техническому (снабжению)*. Пятую модель составляют 8% ССО с абброконструктом *рос-*, а для ССО с абброконструктом *мин-* данная модель не встречается.

Шестая модель также представляет ССО, которые отражают не все компоненты словосочетания, а только основные для понимания его семантики, но при этом не вводят семантический или искусственный абброконструкт. Например, *Минбыт – министерство бытового обслуживания населения*; *Мининформсвязи – министерство информационных технологий и связи*; *Рослесмаш - Ассоциация организаций лесного машиностроения России*. Шестую модель составляют 25% ССО с абброконструктом *мин-* и 64% с абброконструктом *рос-*. В шестой модели выделяется три подвида ССО:

- [слог + слог + ... + слог]. Например, *Росгосстрах – Российская государственная страховая компания*;
- [слог + слово]. Например, *Росшельф - Российская компания по освоению шельфа*;
- [слог + слог + ... + слово]. Например, *Росбытсоюз - Российский союз предприятий и организаций бытового обслуживания населения*.

Таким образом, сложносокращенные онимы образуются не столько путём трансформации структуры словосочетаний, сколько под воздействием сложившихся в делопроизводстве как минимум пяти моделей формирования ССО. При этом модели 1–3 являются моделями универбализационного конструирования, а модели 4–6 – собственно конструирования.

Таблица 1

Соотношение моделей эквивалентности

Модель	<i>Рос-</i>	<i>Мин-</i>
1	6	57
2	0	8
3	6	10
4	16	0
5	8	0
6	64	25

Как видим, при образовании ССО с абброконструктом *рос-* преобладают модели собственно конструирования – это образование ССО либо за счет семантически или искусственно вводимых компонентов, либо при помощи выборки ключевых конструкторов

словосочетания для понимания внутренней формы ССО; а при образовании ССО с абброконструктом мин- преобладает универбализационное конструирование – это образование ССО путем соединения всех компонентов словосочетания при помощи абброконструктов.

Итак, сложносокращенные онимы, образованные по продуктивным первой, второй и третьей моделям, сохраняют состав дифференциальных признаков, заключенных в исходных словосочетаниях, и могут рассматриваться в качестве предела общей смысловой целостности словосочетаний, в то время как существование четвертой, пятой и шестой моделей говорит о зависимости аббревиатур данного типа не от производящих словосочетаний, а от принятых в делопроизводстве моделей сокращённого оформления официальных названий деловых объединений. Это подтверждает предположение В.И. Теркулова о том, что «СО образуются не в результате стереотипного замещения словосочетания словом, а вследствие искусственного конструирования аббревиатур при помощи "фантазии номинатора" или предписаний законов делопроизводства» [Теркулов, 2019, с. 120].

Как показывает исследование, компонентное несоответствие, сохранение или удаление одного из структурных элементов в аббревиатуре приводит к образованию такого ССО, который невозможно правильно дешифровать. Но при этом ССО являются зависимыми от производящего словосочетания. Приведенные факты свидетельствуют о том, что ССО постепенно приобретают собственную словообразовательную структуру, уже не копирующую синтаксических отношений между словами исходных словосочетаний. ССО получает своё собственное параллельное значение и благодаря этому становится не просто сокращением полного наименования, а новой единицей номинации.

Таким образом, наше исследование показало, что сложносокращённые онимы – эргонимы типа *Росзарубежцентр*, *Росэнергоатом*, *Минрегион*, *Донецкуголь* и под., которые имеют как черты сложносокращенных апеллятивов (использование абброконструктов), так и черты инициальных аббревиатур: сложносокращённые онимы в соответствии с нормами делопроизводства создаются по модели коррелятивной универбализации параллельно полным наименованиям. Онимы могут быть релевантными развёрнутому обозначению референта, например, *Минцветмет* – *министерство цветной металлургии* и под. Однако очень часто при его образовании осуществляется формирование с помощью абброконструктов самостоятельного имени, не релевантного полному наименованию. Например, *Росглавкоопторг*, является сложносочинённым онимом, параллельным названию *Главное управление Роспотребсоюза по организации торговли сельскохозяйственными продуктами в городах и рабочих посёлках*, которое не может быть развёрнуто на его базе. Это позволяет утверждать, что главный принцип создания единиц данного типа – конструирование имени (механизм) при помощи абброконструктов (средство), подчиняющееся не законам универбализации, а «фантазии номинатора» или предписаний законов делопроизводства.

Итак, инициальные аббревиатуры, сложносокращенные апеллятивы и сложносокращенные онимы являются разными формально-ономасиологическими подтипами аббревиатур, и поэтому их рассмотрение должно базироваться на разных методологических основаниях.

В будущем планируется создание первого в истории языкознания словаря сложносокращённых онимов – обозначений министерств с оценкой лингвокультурного статуса и историческими комментариями, анализ структурного и ономасиологического соответствия ССО и их эквивалентов. Научная новизна исследования определяется тем, что в отечественной лексикографии аналогов данного словаря не существует.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамматика 1980 – Русская грамматика: в 2 т. / ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1. – 788 с.
2. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. – 192 с.
3. Теркулов В.И. «Универбализация: постановка проблемы». Ученые записки забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. – Горловка, 2010. – с. 135-142.
4. Теркулов В.И. Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике: IV Международная научно-практическая конференция. Сборник научных статей. Часть 1. Ер.: РАУ, 2019. – 284 с.

T.A. Shtelman

THE COMPOUND-ABBREVIATED NAME AS A FORMAL ONOMASIOLOGICAL TYPE OF ABBREVIATIONS

The purpose of the work is to determine the basic principles of the system description of compound-abbreviated name. In the course of the study, the main types of discrepancies between compound-abbreviated name and full names were identified, models for the formation of equivalence of these units were identified, and the place of compound-abbreviated name in a number of related phenomena was determined.

Key words: *compound-abbreviated name, universalization, constructiveness, model.*

Литература и лингвистический анализ художественного текста

УДК 371.322.3

А.А. Бондаренко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Науч. рук. ст. преп., О.А. Шепелева)

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

В статье рассматривается научно-педагогическая проблема отсутствия интереса школьников к русской классической литературе. Автор статьи на материале базового произведения школьной программы – романа Ф.М. Достоевского «Преступления и наказания» – анализирует методику преподавания русской литературы в средней общеобразовательной школе.

Ключевые слова: *чтение, отсутствие интереса, школьники, мотивация, саморазвитие.*

Наша жизнь приобрела ускоренный темп, и ежедневно мы получаем огромный поток информации. С появлением гаджетов, увеличением количества социальных сетей дети перешли из реального мира в виртуальный, в котором отсутствует живое общение и который способствует замедлению развития их когнитивных способностей. Школьники теряют интерес к познанию и учёбе, поэтому у них не развивается критическое мышление, которое крайне необходимо в современных реалиях, без которого невозможно отличить ложь от правды. Следовательно, подросткам становится трудно выражать свои мысли, они не прикладывают достаточно усилий для развития кругозора и эрудиции. И тогда без вышеуказанных навыков интерес к чтению ослабевает, а чтение, как известно, играет важную роль в процессе становления личности. Т.Ю. Конькова в своей работе «Формирование у школьников интереса к чтению классической художественной литературы как научно-педагогическая проблема» выделяет несколько факторов, которые оказывают влияние на мотивацию школьников: первый – общее снижение заинтересованности в чтении, второй – «проблемы со здоровьем», т. е. обучение для подростков является трудной интеллектуальной деятельностью, третий – лень, четвёртый – «нехватка времени» (которая, скорее, является разновидностью лени), пятый – «чтение с экрана», мнение о том, что техника способна заменить бумажную книгу (как показали исследования, форма носителя информации не играет существенной роли) [8, с. 171, 172].

Именно в школьном возрасте ребёнок сталкивается с проблемой чтения, которая в начале XXI века приобрела особую актуальность. К сожалению, круг чтения подростка на сегодняшний день не велик – у него буквально нет желания читать. Школьник, расставляя приоритеты с учётом его интересов, между книгой и гаджетом выберет второе, поскольку игры или видео не требуют концентрации внимания и усидчивости. Однако рано или поздно книга оказывается в его руках, но потому, скорее всего, что ему необходимо подготовиться к уроку литературы, и здесь школьник может забросить эту затею: либо он не успеет прочитывать произведения одновременно с программой, либо у него пропадает интерес из-за чтения «через силу» ради положительных оценок. Кроме того, очень часто школьники сталкиваются с тем, что всемирно известное произведение русской литературы осталось ими не понято или вовсе не прочитано до конца, и на основе этого они «выносят приговор» всей литературе. Это происходит потому, что школьник обладает скудным словарным запасом и низкой скоростью чтения, не владеет историческим контекстом произведения, не знает ничего о личности самого автора и не умеет мыслить широко.

Именно поэтому важно научиться правильно читать. В этом могут помочь как родители, так и учителя. Как известно, главными источниками знаний о мире для ребёнка, а позже и подростка являются семья и школьная среда, в которую входят и друзья, и учителя [10]. Задача родителя – вести с ребёнком беседы и показать на своём примере, что читать необходимо для его эрудированности и развития как личности. Однако на школьном учителе лежит бóльшая ответственность: от его подхода зависит способность учеников «чувствовать» литературу, их умение понимать и анализировать произведение.

В русской классической литературе выделяется особая группа произведений, которые повествуют о душевных исканиях, о характерах и нравах, о моральных конфликтах и внутренних противостояниях, с которыми сталкивается каждый человек. Все эти черты именуется «психологизмом». Первым психологическим романом в русской литературе принято считать роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», в котором описывается внутренний конфликт героя, его чувства и переживания. Этот жанр развивали и другие русские писатели, но своего расцвета

психологический роман достигает в творчестве Ф.М. Достоевского, который тонко чувствовал и глубоко понимал природу человеческой души.

Все произведения Фёдора Михайловича отличаются особым психологическим стилем; писатель мастерски описывает душевное состояние персонажей, их чувства и мысли. В его романах мы встречаем глубокие философские мысли и фундаментальные идеи, которые без знаний истории описываемой эпохи, анализа своего жизненного опыта и владения биографией автора не будут поняты и осознаны читателем. Таким образом, если подросток не поймёт одно произведение Достоевского ещё в школе, то, скорее всего, он и не вернётся к нему во взрослом возрасте. Данная модель мышления и приводит к отсутствию мотивации чтения русской литературы в целом.

На материале базового произведения школьной программы – романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», – мы рассмотрим не только мотивацию школьников старших классов к прочтению данного и других произведений писателя, но и укажем на необходимость формирования навыка правильного чтения. Отметим, что в программе среднего общего образования, утверждённой Министерством образования и науки Донецкой Народной Республики, на это произведение выделено 14 учебных часов [9, с. 21-22].

«Преступление и наказание» – роман не о романтической истории убийцы и блудной девушки. Это роман о серьёзном конфликте разума и души, о проблеме личности и её становления, принятии индивидуальности каждого человека, о необходимости утверждения для самого себя чужого «я» [1], о конечном результате устоявшихся негуманных, нечеловечных и властных взглядов и, как результат, раскол личности. Это те вопросы, которые необходимо изучать в старшей школе, то есть во время самоидентификации школьника, его определения собственной роли в социуме, переживания первого кризиса личности.

Рассмотрим каждый из вопросов подробнее на примере главного героя – Родиона Романовича Раскольников.

Раскольников – бывший студент юридического факультета, который в силу своего финансового положения не смог закончить курс. Эти сведения важны читателю для того, чтобы понимать, как социальное положение героя повлияло на его мировоззрение и сформировало в нем мысли особого направления.

За полгода до совершенного им убийства он пишет статью «О преступлении...», в которой излагает свою идею: «все люди как-то разделяются на “обыкновенных” и “необыкновенных”», и если «обыкновенные» «должны жить в послушании и не имеют права переступить закона», то «необыкновенный» человек «имеет право разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия, <...> если исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для всего человечества) того потребует» [4, с. 225]. Раскольников убеждён, что «и все, не то что великие, но и чуть-чуть из колеи выходящие люди, то есть чуть-чуть даже способные сказать что-нибудь новенькое, должны, по природе своей, быть непременно преступниками» [4, с. 226] – то есть те, кто переступает устоявшиеся нравственные законы, готовые сказать «новое слово», отрицающее старое, и разрушить «настоящее во имя лучшего», являются героями, поскольку «обыкновенный» человек боится этой новизны и изменений. И он верно подмечает, что «тут нет ничего особенно нового» [4, с. 227], ведь стремление молодого поколения обесценить то, что является нормой, традицией, характерно для подросткового личностного кризиса и происходящего внутри бунта против окружающего мира. Раскольников, таким образом, стирает рамки между злодеянием и невинностью, преступником и святым, добром и злом. Герой демонстрирует яркий пример своеволия, которое ставится выше других человеческих ценностей. Для Достоевского «воля» – это особый порок разума, который заставляет игнорировать

базовые нравственные нормы и законы, ведь: «..своё собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный, хотя бы самый дикий каприз, своя фантазия, раздражённая иногда хоть бы даже до сумасшествия, – вот это-то всё и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит» [3, с. 16]. Разумеется, «хотенье» присуще каждому человеку, но при его исполнении важно руководствоваться трезвым рассудком и мыслью о последствиях по отношению к другим людям. Преобладание слепого желания над моральными ценностями и внутренними принципами – признак слабого эмоционального интеллекта, который «тормозит» развитие личности.

Идея автора, связанная с культом Наполеона, требует отдельного детального обзора. «Ну, полноте, кто ж у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает?» – заявлял Порфирий [4, с. 231]. Эта фраза являлась отражением русской действительности XIX века, когда молодёжь восхищалась личностью Наполеона, который из презираемого корсиканца стал великим полководцем и императором. Все его «подвиги» были совершены через хитрость, жестокость и безнравственность, и, несмотря на это, в них видели лишь «героизм». Люди до такой степени поверили в идеальный образ «право имеющего», что любой обман, любая несправедливость против них могла кончиться преступлением [7, с. 100]. На тему «сверхчеловека» было написано очень много книг, таких как «Единственный и его собственность» М. Штирнера или «История Юлия Цезаря» Наполеона III, и все они несли одну идеологию – «необузданное своеволие личности» [7, с. 99].

Это явление можно назвать романтической идеализацией образа – кумира, которому хочется подражать. Оно знакомо каждому подростку, поскольку это свойство присуще ещё несформировавшимся личностям. Чтобы восполнить недостающую картину мира, задать определённые ориентиры и сформировать мышление, подростки копируют образ выбранного ими авторитета и выдают чужое поведение, мысли, идеи за свои. Но копирование кумира оказывает сильное влияние на личность человека, и незаметно происходит самообман, в результате чего он перестаёт чувствовать себя цельным индивидом.

В связи с этим, можно говорить о том, что идеи наполеонизма были Раскольникову навязаны им самим, и соответствовать такого рода деятельности он не мог. Это можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, Достоевским ярко продемонстрирована буржуазная проблема императорской России. Большинство персонажей обрисовано в бедственном положении из-за нехватки материальных средств. Что касается Раскольникова, то: «Он был задавлен бедностью», «Он был до того худо одет..» [4, с. 3]. Одним из мотивов преступления герой называет несправедливое богатство «глупой, бессмысленной, ничтожной, злой» Алёны Ивановны, что только толкало его к убийству. «Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги..» – читает его мысли студент в диалоге с офицером [4, с. 58]. Раскольников тяготится зависимостью от матери, хочет спасти Дуню от замужества, перестать возвращаться в «крошечную клетушку», устроить хорошее будущее себе и «жене да детям». Но Родион сам признаётся в обратном в пылу лихорадочного бреда: «Не для того, чтобы матери помочь, я убил – вздор! Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества. Вздор! Я просто убил; для себя убил, для себя одного..» [4, с. 365]. Достоевский показывает, насколько влиятельна такая нечеловеческая идеология, которая преобладает над любыми потребностями (достаток) и чувствами (любовь к матери и сестре). Разумеется, положение Раскольникова нельзя считать оправданием, но мы считаем, нищета стала плодотворной почвой для развития идей «сверхчеловека».

Из этого следует ещё одна причина преступления. Ранее нами было упомянуто, что своеволие, по Достоевскому, – болезнь разума. Но автором романа была показана иная сторона героя, которую можно вовсе упустить.

Показателен сон о кобылке, который Раскольников видит именно перед совершением преступления. В этом сне герой является маленьким мальчиком (не исключено, что это событие имело место быть в действительности), ставший свидетелем жестокой расправы над «крестьянской клячонкой»: «...Он бежит подле лошадки, он забегает вперёд, он видит, как её секут по глазам, по самым глазам! Он плачет. Сердце в нем поднимается, слёзы текут..», «..он ломает свои руки, кричит..» [4, с. 52]. Иной сон, на следующий день после преступления: герой «слишком ясно слышал» насилие над хозяйкой дома. Кульминацией данного фрагмента является его фраза: «Но за что же, за что же.. и как это можно!» [4, с. 101]. Сон описывается достаточно эмоционально – сущность Раскольникова вновь не хочет принимать теорию «твари дрожащей и право имеющего».

Сны в литературе всегда имеют особое художественное значение. Это отдельный литературный приём, который вводится автором для различных целей. По мнению М.А. Дынина, автор вводит в произведение эпизоды-сны, чтобы показать «в увеличенном виде то, что для него особенно важно, особенно дорого, а для читателя, по его мнению, значительно» [5]. С помощью этих сцен Фёдор Михайлович помогает читателю понять, кто на самом деле Раскольников, каковы его истинные стремления и почему он так мучается.

Перечислим другие эпизоды романа, в которых автор показывает истинную сущность своего героя: он несколько раз помогает материальными средствами Мармеладовым (хотя он сам находится в нужде); он не остался равнодушным при виде девочки, которую «вернее же всего, где-нибудь напоили и обманули» [4, с. 43]; ещё будучи студентом, он помогал заболевшему чахоткой товарищу «из последних средств своих», а после смерти товарища помогал его отцу; однажды во время пожара Раскольников спас двух маленьких детей и «был при этом обожжён» [4, с. 467].

Основная причина убийства Алёны Ивановны кроется в бунте Раскольникова против системы, против несправедливости, власти, против «зла». Достоевский незаметно для читателя включает определённые эпизоды, которые демонстрируют, что душа героя противостоит идеям разума. Автор показывает, к чему приводит фанатичная одержимость любой идеологией, которая идёт против гуманных норм. Из этого следует болезненность и лихорадочность героя, которая стала итогом раскола его личности.

Внутренний бунт в каком-то смысле характерен для определённого склада людей, которые стремятся к развитию и динамике. Это соотносится с порой романтизма и «розовых очков», амбиций и ожиданий от мира и трезвым реализмом, объективному взгляду, самодостаточности и силе, к которым потом переходит «повзрослевшая» личность. Этот переход совершается при крахе идеалистических представлений о мире и других людях, при столкновении с реальностью, которая не поддаётся человеческим желаниям и контролю. Именно это и происходит с Раскольниковым: его теория оказывается недействительной. Внутри мыслящего человека рано или поздно возникнет несоответствие его ожиданий с устоями реальной действительности, и в данном случае важно не принять позицию «жертвы», а следовать правильным ценностям и противостоять окружающей несправедливости, заручившись поддержкой близких людей (как Раскольников у Сони).

Бунт свойственен и при «вере в разум, который может принять и вместить в себя лишь незначительнейший кусочек жизни» [6, с. 50] – это касается рационализации всего, что нас окружает. К этому также приходит значительная часть подростков.

Очень часто мы воспринимаем всё буквально, объясняем духовные ценности наукой и теорией, таким образом опровергая и обесценивая их. И тогда человек превращается в материалиста, следствием чего является отсутствие ощущения счастья, проявления синдрома «отложенной жизни» и эмоциональное одиночество. В романе главный герой – нигилист и материалист, заикленный на теории силы, власти и жестокости, – проходя через жизненные испытания признаёт свои ошибки и «воскресает» благодаря проповедуемому Соней бескорыстному добру и сочувствию. Именно обращение своего внимания на внутреннюю, духовную составляющую помогает принять и себя, и других людей как «необыкновенных» и индивидуальных.

Учитывая всё вышесказанное, мы предлагаем наши примеры проведения нескольких уроков, основанные на методическом пособии Н.В. Беляевой [2, с. 587-591]. На рассмотрение образа Раскольникова, его идей, внутреннего конфликта и трансформации мы выделили 2 урока. Первый урок необходимо полностью отвести на работу с текстом: вместе с учениками нужно рассмотреть ключевые сюжетные линии и эпизоды, раскрывающие героя, а именно: подслушанный разговор офицера и студента и мысли героя [4, с. 58, 59], его разговор с Порфирием о статье [4, с. 225, 228], признание Соне в преступлении [4, с. 365, 366] и его «воскрешение» [4, с. 478], обращая внимание учащихся на трансформацию состояния, мыслей и чувств героя в подобранных нами эпизодах. Так у школьников будет складываться своё чёткое представление о герое, подкреплённое анализом текста вместе с учителем. В качестве домашнего задания можно задать ученикам вопрос: «Почему Раскольников совершил преступление?», чтобы учащиеся повторно изучили текст произведения и сделали собственные выводы, которые они смогли бы подтвердить цитатами или сценами. Второй урок является дискуссионным: учитель ведёт с учениками беседу, опираясь на приведённые ниже вопросы.

1. Как расценить рассуждения Раскольникова «твари дрожащей» и «право имеющих»?
2. Через что переступает Раскольников, совершая преступление?
3. Если преступление – это попытка доказать что-то прежде всего себе, то каков смысл этого преступления?
4. Символом чего является старуха-процентщица? А Лизавета? [2, с. 590]

При такой форме усвоения и понимания произведения велика вероятность того, что интерес школьника возрастет, поскольку взаимодействие с учителем посредством живого общения, а также обмена мнениями с одноклассниками мотивирует прочитать это произведение, работать на уроке, учиться анализировать.

Проблема чтения среди школьников только усугубляется. Подрастающее поколение либо вовсе не приобщают к чтению, либо делают это некорректно и не учитывают особенности их развития в современных реалиях. Подростки нашего времени имеют склонности к саморефлексии, самосовершенствованию и стремлению стать «лучшей версией себя». Поэтому ученикам средней школы необходимо продемонстрировать вечные темы и проблемы личности, любви, «путей исканий», чтобы они смогли проводить аналогии с главными героями произведений. Необходимо также рассматривать исторические эпохи и предпосылки поведения героев, чтобы школьники учились критически мыслить и выстраивать причинно-следственные связи. Всё это позволит им не только облегчить свою дальнейшую учебную деятельность, но и достигнуть своих целей, самореализоваться как личность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 6; Сост., ред. С.Г. Бочаров, А.А. Гоготишвили. – М.: Русские словари Языки славянской культуры, 2002. – С. 341.

2. Беляева Н.В. Литература. Методические рекомендации и поурочные разработки. 10 класс: учеб. пособие для общеобразоват. организаций : углубл. уровень / Н. В. Беляева, А. Е. Иллюминарская. – М.: Просвещение, 2017. – С. 735.
3. Достоевский Ф.М. Записки из подполья (сборник) / Ф.М. Достоевский – «Public Domain», – (Русская классика (АСТ)), 2017. – С. 58.
4. Достоевский Ф.М. «Преступление и наказание». – Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. Ун-те, 1984. – С. 480.
5. Дынник М. Сон, как литературный приём // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина и др. – М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. – Т. 2. (Фундаментальная электронная библиотека).
6. Иустин (Попович), преподобный. Философия и религия Ф.М. Достоевского. – Мн.: Издатель Д.В. Харченко, 2007. – С. 312.
7. Карякин Ю. Самообман Раскольников (Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»). М., «Худож. лит.», 1976. – С. 158.
8. Конькова Т.Ю. Формирование у школьников интереса к чтению классической художественной литературы как научно-педагогическая проблема / Т.Ю. Конькова // Вестник МГУКИ, 2017, № 1 (75) – С. 152-158.
9. Литература : 10-11 кл. : профильная программа для общеобразоват. организаций с обуч. на рус. яз. : Филология / сост. Данилова И.Н., Король Г.Н., Савченко Е.А., Целиковская О.С., Зятева И.А., Бородин В.А., Бабич И.Н.; ДИППО. – Донецк: Истоки, 2015. – С. 83.
10. Попова Е.С. Мотивация школьников к образованию и чтению / Е.С. Попова // Народное образование, 2012, № 2. – С. 169-173.

A. A. Bondarenko

FEATURES OF STUDYING F.M. DOSTOYEVSKY AT THE LESSONS OF LITERATURE IN THE SECONDARY SCHOOL

The article deals with the scientific and pedagogical problem of the lack of interest of schoolchildren in Russian classical literature. The author of the article based on the material of the basic work of the school curriculum – the novel by F.M. Dostoevsky "Crime and Punishment" – analyzes the methodology of teaching Russian literature in a secondary school.

Key words: reading, lack of interest, schoolchildren, motivation, self-development.

УДК 811.581'25

Ду Сянь

(Волгоградский государственный
социально-педагогический университет)

МЕСТОИМЕННО-МЕЖДОМЕТНЫЕ КОМПЛЕКСЫ В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Междометие – это языковая единица, занимающая особое положение в языке и речи. Местоименно-междометные комплексы состоит в основном из междометия и местоимения 2-го лица *ты* (реже – *вы*), которое утрачивает первоначальное значение и становится усилителем эмоционального воздействия. Местоименно-междометные комплексы в русском художественном тексте при переводе на китайский язык создают проблемы для переводчика.

Ключевые слова: местоимение, междометие, комплекс, русский язык, китайский язык, художественный текст, перевод.

Во всех языках есть особый класс слов – междометия. Они являются естественным и уникальным языковым символом в языковой системе. П. Кокелман пишет: «Междометия – это семиотический продукт естественного происхождения, и в то же время они являются наиболее прозрачным показателем наших человеческих эмоций» [1, с. 467]. В системе русского языка, как и в других языковых системах, междометия составляют класс неизменяемых слов, не имеющих морфологических и грамматических категорий. В то же время междометие является особым видом языковой единицы, поскольку оно считается самостоятельной частью речи, которая может выступать в качестве члена предложения, но не может быть связанной ни с какой другой частью речи. Известный русский учёный Л. В. Щерба пишет: «Междометие есть особый род речи, синтаксически самостоятельный и способный выражать эмоции, чувства» [2, с. 67]. «Основная цель междометий состоит в том, чтобы показать, что чувствует говорящий в момент речи» [3, с. 8].

В русском языке междометия в основном имеют два вида: первообразные и непервообразные. Первообразные междометия состоят в основном из гласных и согласных: *ух, ох, эх, эй, ай, уй, ээ, ого, угу, ха, хо, фу* и так далее. Этот тип междометия является самым простым для человека способом выразить эмоции. Непервообразные междометия образуются от других частей речи (обычно существительное, прилагательное, глагол), которые проходят через процесс интеръективации, теряя свое первоначальное значение и становясь языковым символом, способным лишь выразить эмоции. В русском языке много непервообразных междометий: *господи, ужас, слава богу, Внимание!, Огонь!* и др. При постоянном совершенствовании языковых механизмов все больше слов различных частей речи (существительных, глаголов, прилагательных) теряют собственное значение и выступают в качестве междометий. Количество непервообразных междометий постепенно увеличивается [4, с. 111].

В современном русском языке местоименно-междометные комплексы являются еще одним способом выражения функции междометия. Они состоят в основном из междометия и местоимения 2-го лица *ты*, реже – *вы*. Местоимение теряет свое первоначальное значение и сливается с междометием: *ух ты, ах ты, ох ты, их ты, ай ты, ой ты, ишь ты, эх ты, фу ты, ну ты* [5, с. 734]. Местоименно-междометные комплексы и междометия выражают эмоцию одинаково, они являются выражением человеческих эмоций, чувств, ощущений, но за счёт десемантизированного местоимения междометие усиливает своё воздействие, способно сильнее выразить эмоцию.

Китайские междометия, как и русские, являются особым видом слов. В китайском языке большинство первообразных междометий представляют собой некие особые фонетические категории, фиксируемые иероглифами. В древнекитайском языке использовались междометия *兮, 噫, 矣, 吁, 乎, 哉* и т. д. В современном китайском языке они встречаются реже. Междометия в китайском языке могут накладываться друг на друга, редуцируются с целью выразить более сильные эмоции или положительную реакцию на что-либо: *哈哈, 嘿嘿, 啧啧* и т. д. Междометия в китайском языке могут также составлять двусложные единицы, состоящие из двух разных междометий: *哎呀, 啊呀, 呦呵* и т. д.

В современном русском языке местоименно-междометные комплексы широко используются в художественных текстах. Местоимение усиливает эмоциональную выразительность междометия и обогащает эмоциональную окраску контекста.

И в русском, и в китайском языке одно и то же междометие может выражать несколько эмоций. И наоборот, одна и та же эмоция часто выражается с помощью разных междометий. Русский местоименно-междометные комплексы *ах ты* в основном

выражает гнев, сожаление, печаль, восхищение, удивление и другие эмоции. Это демонстрируют русские художественные тексты (все примеры взяты из НКРЯ).

(1). *Месяц умер, синее в окошко рассвет. Ах ты, ночь! Что ты, ночь, наковёркала?* [В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975-1977)]. В этом тексте местоименно-междометный комплекс *ах ты* выражает эмоцию печали. На китайский язык *ах ты* можно перевести как 唉 – выражение грусти и печали.

(2). *Ах ты господи, – изумился Сысоев, – а как же забор голубой?* [Булат Окуджава. Искусство кройки и житья (1985)]. В этом предложении *ах ты* выражает эмоцию удивления, что усиливается непервичным междометием *господи*. В китайском переводе можно использовать 哎呀 – выражение удивления.

(3). *Вправду ополоумел! Ах ты вражина! Ах проститутка!* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978)]. Местоименно-междометные комплексы *ах ты* в этом предложении выражает гнев. В китайском языке для выражения этой эмоции обычно используется слово 咳.

Местоименно-междометные комплексы *ух ты* также часто используется в русских художественных текстах. Этот комплекс впервые зафиксирован в Большом толковом словаре русского языка: *Ух ты*, в зн. междом. Выражает сильное удивление, восхищение чем-л. необычным [ТС, с. 1408]. При переводе на китайский язык этого комплекса возможно использование двух разных переводческих решений. В первом случае следует подобрать соответствующее китайское междометие: 嘖, 嘿, 咳, 哈 и т. д.

(4). *Анеточка, 2004. 08. 1208: 43. Ух ты! Поздравляем! Женечка!* [Наши дети: Подростки (2004)].

(5). *Анеточка, 2004. 09. 0208: 03. Ух ты! Замечательные рисунки! Я в восторге!* [Наши дети: Подростки (2004)].

Оба предложения выражают эмоции радости и счастья. В китайском переводе можно использовать междометие 嘿, которое служит для выражения сходных эмоций.

Можно также для перевода местоименно-междометного комплекса *ух ты* использовать наречие 真是 ‘действительно’. Общий контекст китайского предложения при этом соответствует выраженной в русском языке эмоции.

(6). – *Во жизнь у Марусечки, а! Ух ты хулиганка такая! Котят принесёт — и опять на блядки. Ну что, ну что?.. жмурится, ишь!* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001]. В этом предложении *ух ты* выражает эмоцию гнева (напускного), но обычные китайские междометия не могут полностью передать эту эмоцию, поэтому целесообразно использовать наречие 真是. Предложение *Ух ты хулиганка такая!* можно перевести 你真是个无赖! ‘Ты настоящая хулиганка, негодяйка!’. Такой способ перевода передаёт эмоцию гнева (явного или мнимого, как в данном контексте), не разрушая первоначального смысла предложения.

(7). *Слесарь разглядел белые глаза, выпадающие светлые волосы на облезшем черепе и в сердцах сказал: – Ух ты, гад из стеклянной банки! Ни хрена, после отбоя запрут с нами – разговоришься!* [Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1-25 (1968) // «Новый Мир», 1990]. Предложение *Ух ты, гад из стеклянной банки!* можно перевести 你真是个玻璃罐子里的混蛋! ‘Ты такой гад, засранец в стеклянной банке!’.

В современных русских художественных текстах могут встречаться старинные и фольклорные местоименно-междометные комплексы для выражения различных эмоций. Сходные междометия могут быть отмечены и в древнекитайском языке. Они трудны для понимания, что вызывает затруднения при переводе.

(8). – *Ой ты гой еси, исполать тебе, добрый молодец!* [Сергей Шаргунов. Россию

надо выдумать заново? (2011)].

Сложный междометный комплекс *ой ты гой еси*, содержащий единицы древнерусского языка и используемый в фольклоре, не может быть переведён на китайский язык, поэтому можно ограничиться переводом эмоции, выраженной частью комплекса *ой ты*, которая «выражает чувства боли, испуга, недоумения, радости, сомнения и т. п.» [СРНГ/23, с. 103]. В данном предложении нетрудно обнаружить, что междометный комплекс выражает эмоцию восхищения. При переводе на китайский язык можно использовать междометие 啊呀.

В русском фольклоре существует множество различных местоименно-междометных комплексов: *ой-ей-еюшки* ‘выражает удивление’, *ой-ёченьки* ‘выражает испуг’, *ой-этта* ‘выражает удивление’, *ой-бай* ‘выражает чувство боли, испуга, недоумения, радости и др. [СРНГ/23, с. 103-104]. Эти единицы могут найти отражение в русской народной поэзии или песнях. При переводе на китайский язык также достаточно отразить значение междометно-местоименного комплекса *ой ты* с помощью соответствующего китайского междометия.

Итак, местоименно-междометные комплексы в русских художественных текстах используются для выражения различных эмоций, но только некоторые из них включены в словари. В китайском языке подобные комплексы отсутствуют. При переводе можно использовать китайские простые, редуцированные или сложные междометия, которые выражают такие же или похожие эмоции. В некоторых случаях следует использовать наречия, которые в полном контексте предложения отражают эмоции гнева или недовольства. Другие проблемы, возникающие в процессе перевода на китайский язык междометно-местоименных комплексов в русских художественных текстах, требуют дальнейшего анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kockelman, P. The Meanings of Interjections in Q’eqchi’ Maya: From Emotive Reaction to Social and Discursive Action / P. Kockelman // Current Anthropology. 2003. Vol. 44. No 4, August–October. – P. 467-490.
2. Щерба, Л.В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба; [Предисл., подбор текстов, примеч. и ред. М. И. Матусевич]. Москва: Учпедгиз, 1957. – 188 с.
3. Рыжкина, О. А. Лексико-семантические и грамматические особенности междометий и их функционирование в речи (на материале пьес А.Н. Островского и А.П. Чехова). Автореф. дис. <...> канд. филол. наук / О. А. Рыжкина. Тамбов, 2009. – 25 с.
4. Ameika, F. Interjections: The Universal yet Neglected Part of Speech / F. Ameika // Journal of Pragmatics. North-Holland. 1992. № 18. – P. 101-118.
5. Русская грамматика. Т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Москва: Наука, 1980. – 784 с.

Источники

НКРЯ = Национальный корпус русского языка // <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения 24.03.22).

БТС = Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.

СРНГ/23 = Словарь русских народных говоров. Вып. 23 / Гл. ред. Ф. П. Филин, ред. Ф. П. Сороколетов. – Ленинград: Наука, Ленингр. отд., 1987. – 375 с.

PRONOMINAL-INTERMETHING COMPLEXES IN THE RUSSIAN ARTISTIC TEXT AND PROBLEMS OF THEIR TRANSLATION INTO CHINESE

An interjection is a linguistic unit that occupies a special position in language and speech. The pronominal-interjective complexes consist mainly of the interjection and the pronoun of the 2nd person you (less often - you), which loses its original meaning and becomes an amplifier of emotional impact. Pronominal-interjective complexes in a Russian literary text, when translated into Chinese, create problems for the translator.

Key words: pronoun, interjection, complex, Russian, Chinese, literary text, translation.

УДК 81'42

А. А. Каримова

*ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева»
(Научн. рук. д. филол.н., проф. Г. Ю. Карпенко)*

КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНИ И СМЕРТИ В ЛИРИКЕ С.А. ЕСЕНИНА

В статье рассматриваются основные особенности воплощения феноменов жизни и смерти в лирике С. А. Есенина, их взаимосвязь с концептами родины и природы. В лирике Есенина мотивы жизни и смерти процессуально изменчивы. В первый период творчества жизнь и смерть переживаются лирическим героем в составе национального универсума (природы, Родины). Но потом, особенно в конце творческого пути, жизнеутверждающие мотивы сменяются мотивами угасания, прощания, смерти. Как показывает биографический и художественный опыт Есенина, отрыв от национальной почвы, от глубинных истоков традиционной культуры всегда чреват трагическим исходом.

Ключевые слова: жизнь, смерть, Есенин, Черный человек, родина, двойничество.

В великих культурах (языческих — Египта, античности или религиозных — иудаизма, христианства, ислама) **жизнь и смерть** никогда не были «частным делом» частного человека: всегда формировались философско-этические представления о жизни и смерти, и как бы внутри этих представлений жил и умирал человек, находя в них опору и утешение. Можно сказать, что в таких культурах жизнь и смерть человека случались в составе неуничтожимой животворящей вселенной. Безусловно, что традиционное мироощущение помогало человеку встретить и преодолеть невзгоды жизни и страх смерти (например, «На миру и смерть красна»).

В Новое время (начиная с 16 века), когда происходил постепенный процесс освобождения личностного самосознания от всеобщих ценностей и общепринятых представлений, жизнь и смерть стали «частным делом» частного человека. Писатели и поэты пытались, каждый по-своему, рассмотреть эти базовые концепты бытия в своем творчестве, осознать их, соотнести их со своей судьбой и личным опытом, с опытом всего человечества и дать им новое воплощение.

С этой точки зрения показательно художественное понимание феноменов жизни и смерти И. А. Буниным: в его лирике личный опыт жизни и ожидания смерти спроецированы на природные процессы, на духовно-нравственные переживания, запечатленные в Священных книгах. Обращение к лирике Бунина поможет лучше

понять трагедию жизни и смерти, которая «разыгрывается» в художественном мире Есенина.

Для Бунина сокрытый и сокровенный смысл мира заключается в столкновении жизни и смерти, рождения и гибели, радости и горя. Но Бунин думает о смерти в поэтически всеобщих образах, косвенно соотнося ее и с личной судьбой, и в большей степени – с существованием всего живого. Создается впечатление, что Бунин – трагический пессимист, потому что он смерть видит во всем:

И на пустынном, на великом
Погосте жизни мировой
Кружится Смерть в веселье диком
И развеивает саван свой! [1, I, с. 96].

Да недолог век земным утехам:
В мире Смерть, она и Жизнь правит. [1, I, с. 188].

Характерно также прозаическое признание писателя: «В мире смерть! Она была во всем: в солнечном свете, в весенней траве на дворе, в небе, в саду – во всем была смерть» [1, V, с. 200].

Однако, согласно «библейскому» мироощущению Бунина, не только жизнь, но и смерть являются излучением Божьей воли, они есть «воплотившаяся сила той Воли» [1, I, с. 209]:

Воистину достоин воспринять
Ты, Господи, хвалу, и честь, и силу
Затем, что все тобой сотворено
И существует волею твоею! [1, I, с. 157].

Смерть не семя губит, а срезает
Лишь цветы от семени земного.
И земное семя не иссякнет.
Скосит Смерть – Любовь опять посеет. [1, I, с. 188].

По Бунину, смерть – это тоже «Божье дело», особый дар Бога: «Смерть, увы, была как-то соединена с Ним... Соединено с Ним было и бессмертие» [1, VI, с. 44]; «Смерть есть приближение к божеству» [1, I, с. 297]; «Это живой и радостный возврат из земного, временного, пространственного в неземное, вечное, беспредельное, в лоно Хозяина и Отца» [1, IX, с. 160].

Как видим, у Бунина процессы жизни и смерти соотношены со сверхличными силами (природой, Богом) и человек во всех своих земных проявлениях и исходах находит обетование в природе и Боге [3, с. 5-12]. У Есенина, может показаться, жизнь и смерть тоже подчинены сверхличным силам природы. Однако на осмысление Есениным жизни и смерти решающее влияние оказывают удары «личной судьбы» поэта, его поступки, поведение, частная жизнь, биография. Всё это определяет слом мироощущения поэта: в его жизни и лирике, отражающей судьбу поэта, постепенно накапливается и намечается трагический разрыв со спасительным всеобщим.

По словам А. Л. Налепина, хотя «ранний этап творчества Есенина был периодом мучительных исканий собственного поэтического стиля» [6, с. 299], однако вся его ранняя лирика пронизана одним страстным чувством – любовью к жизни, природе, родному краю.

В этой связи характерно стихотворение «Гой ты, Русь моя родная...» [2, I, с. 50-51]. С первой же строчки видна всеобъемлющая и трепетная любовь Есенина к родине, которая ему «своя», «домашняя», «природная», «родная». Поэт использует такую же близкую и привычную для него лексику (редкую, старомодную сегодня), которая

помогает создать образ деревенской, настоящей Руси: «гой», «Русь», «хаты», «физы». Родина, персонифицированная в образе Святой Руси, представляется молодому Есенину упорядоченным пространством «вечной жизни», лучшей моделью рая. И в ситуации экзистенциального выбора поэт не сомневается: «Я скажу: «Не надо рая, // Дайте родину мою» [2, I, с. 51].

Мотив вечной жизни, «родного рая» («Край ты мой родной» [2, I, с. 65]) получает поддержку и воплощение и в стихотворении «Топаи да болота», название которого, казалось бы, никак не может соотноситься с мотивом вечной жизни. Но поэт, используя глаголы в настоящем времени («тенькает», «снится», «слушают»), создает впечатление вечно длящегося действия: синица «тенькает» в любой момент времени, когда бы читатель ни обратился к стихотворению, а обоз все так же «тянется» и елям все так же «снится гомон косарей», как это было от начала века [2, I, с. 65]. Время словно застыло в мире лирического героя, и все, что осталось, – это войти в смысловое пространство текста, приобщиться к ритму отражения природного и человеческого, небесного и земного и насладиться нескончаемой жизнью природы и человека, где все циклично и подчиняется нерушимым законам оберегаемой и освященной небом (небесами) земли: «Синий плат небес» [2, I, с. 65].

Как видим, в «краю родном» жизнь лирического героя Есенина изначально сопряжена с вечной жизнью природы, которая излучает свет вечности и на жизнь человека. Цикличность природного и земного, вечное возвращение в жизнь, прочность, укорененность сельского жизненного уклада – все это становится важным признаком, характеризующим жизнь героя в ранней лирике Есенина.

Однако вторжение в жизнь лирического героя Есенина «человеческого, слишком человеческого» (Ф. Ницше) ведет к меланхолическому размышлению о смысле бытия. Краски жизни, радость и любовь, преобладающие в ранних произведениях поэта, постепенно сменяются мотивами смерти, настроениями утраты любви и смысла жизни.

«Надлом» выражен в стихотворении «Устал я жить в родном краю». Лирический герой готов выбрать маргинальные формы существования и признается, что желает «уйти бродягою и вором», что он боится предательства друга:

И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище... [2, I, с. 139].

Страх предательства усиливается страхом неразделенной любви, – мотивом, часто встречающимся в лирике поэта:

И та, чье имя берегу,
Меня прогонит от порога... [2, I, с. 139].

Меняется по сравнению с предшествующим периодом семантическая наполненность и направленность глаголов стихотворения. Такие лексемы, как «устал», «уйду», «повешусь», «похоронят», несомненно, являются зеркалом душевного состояния лирического героя, они содержат в себе семантику смерти, страдания. Однако, хотя они и передают мрачное настроение поэта, они употреблены в будущем времени, «говорят» только о намерении лирического героя уйти из жизни. Постоянно размышляя о смерти, поэт еще не решается проститься с жизнью окончательно. Он уже обособился от всего родного и близкого, но еще психологически не порвал с ним: «И Русь все так же будет жить, / Плясать и плакать у забора» [2, I, с. 140]. Но здесь уже единение с Родиной и природой, о котором говорилось выше, обретает меланхолическую окраску. Лирический герой как бы сожалеет о том, что жизнь, в глобальном ее смысле, будет продолжаться и после того, как его «под лай собачий похоронят» [2, I, с. 140].

В лирике Есенина наблюдается ценностный надлом в самом ритме жизни. Об этом свидетельствует стихотворение «Я снова здесь, в семье родной...» Наполненное

размышлениями об экзистенциальном, оно оставляет впечатление безнадежности бытия. Лирический герой со светлой грустью говорит о родных местах. Природа предстает такой же живой, как и в ранних произведениях поэта, однако **«вечная» жизнь** постепенно **угасает**, она, теряя ритм возвращения, приобретает свойства однонаправленности. На «вечность» уже претендуют состояния «пасмурности», «вечернего», «надломленного» [2, I, с. 70-71]. Доминирующим становится мотив прощания: «Уж я вас больше не увижу» [2, I, с. 70]. Но прощание это пока еще не окончательно фатальное (как в «До свидания, друг мой, до свидания...»), а молитвенное. Пребывая в молитвенном состоянии, лирический герой все же мечтает «о невозвратных и далеких» и надеется на светлое будущее для себя и своего «задумчивого и нежного» края. Так же, как и в «Гой ты, Русь моя родная...», в стихотворении актуализирован мотив незабвенности природы:

И лишь по-прежнему вода
Шумит за мельницей крылатой. [2, I, с. 70].

Таким образом, можно говорить о формировании бинарных оппозиций в поэзии Есенина: брэнная жизнь для героя — вечная жизнь для природы. И хотя бинарность эта не имеет строго закрепленного характера, однако неостановимо в лирике Есенина жизнеутверждающие мотивы плавно сменяются мотивами смерти и одиночества.

Е. И. Наумов справедливо называет поэзию Есенина «лирикой житейских раздумий» [7, с. 337]. Но нужно добавить к мысли ученого: именно «житейские раздумья» и абсолютизация личностных переживаний привели к забвению мудрости родного и природного. Нравственной максимой становится личное и только личное, некий итог «житейских раздумий». Ярким примером таких размышлений по праву можно назвать стихотворение «Жизнь – обман с чарующей тоскою...» [2, I, с. 239-240], написанное в 1925 году, всего за пару месяцев до ухода поэта из жизни. Здесь мы уже видим не просто тоскливые размышления о брэнности существования, а полнейшее разочарование в земной жизни, которая представляется лирическому герою «обманом». Можно заметить, что лирический герой Есенина как бы успокаивает себя, пытается остановить свои бесконечные думы о смысле жизни: «Успокойся, смертный, и не требуй / Правды той, что не нужна тебе» [2, I, с. 239]. Намечается назревание внутреннего конфликта, который, во всем своем душещемящем ужасе, будет актуализирован в последней поэме поэта.

Поэма «Черный человек» [2, III, с. 188-194] становится последней попыткой поэта внутри себя, в процессе «житейских раздумий» решить проблему абсолютной ценности собственной жизни, неуничтожимости личностного бытия. Поэтому в поэме, по словам С.Н. Кирьянова, доминирует особая форма внутреннего диалога, диалога с самим собой как способ исповедания, самооткровения и даже самобичевания [4].

Прав и Н.Л. Лейдерман, отмечающий, что есенинский лирический герой предстает и как обвинитель, и как обвиняемый. [5, с. 70]. Следовательно, можно говорить о расколе сознания лирического героя, причины которого он сам не осознает. Начало «Черного человека» представляет собой обращение к другу, но обращение это пугает, так как в нем заключена жалоба героя на свое душевное состояние:

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль. [2, III, с. 188].

С первых же строк читатель узнает о «болезни» лирического героя, и весь последующий сюжет будет направлен на поиск и раскрытие того страшного, что довело его до трагических страданий. Вся поэма пронизана ощущением приближающейся смерти, символом которой является Черный человек:

Черный человек
На кровать ко мне садится,
Черный человек
Спать не дает мне всю ночь. [2, III, с. 188].

Мотив бессонницы является одним из ключевых в поэме [9]. Часто бессонница романтизируется в литературе, однако для Есенина это время страданий и хаоса, бушующего внутри. Черный человек сравнивается с монахом, который читает жизнь «какого-то прохвоста и забулдыги». Эта сцена имитирует отпевание усопшего ради отпущения грехов, но на самом деле превращается в прямо противоположное – обвинение. Черный человек предстает своеобразным судьей, миссия которого – обличить все грехи, записанные в «мерзкой книге». Лирический герой мучается от осознания никчемности своей жизни, слушать бормотание монаха становится невыносимым вступает в непримиримую борьбу с самим собой. По словам Н.Л. Лейдермана, поэма представляет войну воспаленного сознания с персонифицированной ипостасью своего второго «я». [5, с. 70].

Как образ Черного человека обращает нас к трагедии А.С. Пушкина «Каменный гость», так и мотив бессонницы – к его шедевру «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы». Ключевой образ произведения – лирический герой, который страдает от того, что не может заснуть. Как уже было замечено, лирический герой поэмы Есенина находится в конфликте со своим двойником, со своим вторым «я». У Пушкина же, напротив, мы видим конфликт с внешними обстоятельствами, давление извне («Жизни мышья беготня... / Что тревожишь ты меня?») [8, II, с. 318].) Пушкинский лирический герой мучается от осознания бессмысленности жизни, этой «беготни», которой нет конца, в то время как у Есенина все страдания идут изнутри и направлены на самого себя. Кроме того, можно отметить, что лирический герой Пушкина остро ощущает бег времени, скоротечность жизни. В поэме Есенина же мы видим, что основное действие развивается не вокруг героя, не в реальном мире, а внутри его больного сознания. К финалу поэмы время ускоряется, равномерно тому, как накаляются страсти в душе лирического героя. Помимо этого, важно отметить, что для Пушкина бессонница – это время вдохновения, размышлений о жизни, поисков новых смыслов. Эта мысль заключена уже в самом названии стихотворения – поэт отмечает, что сочинил эти строки «во время бессонницы». Прямо противоположное состояние безнадежности, страдания, которое достигает своего апогея, мы наблюдаем в поэме Есенина. Так, обращение к другу становится условной формой ухода в самого себя.

В последнем стихотворении поэта «До свидания, друг мой, до свидания...» [2, IV, с. 244] мы снова видим то же обращение к другу, что и в поэме «Черный человек». Произведение является своеобразным прощанием – художественным и биографическим – не только с «другом», но и с самой жизнью. Лирический герой признается в вечной, посмертной любви к другу («у меня в груди» - друг остается в сердце поэта как бы и после его смерти). Несмотря на трагический биографизм стихотворения «До свидания, друг мой, до свидания...», в нем заявлен и художественно-философский оптимизм. Если в поэме «Черный человек» утверждается мотив разочарования, окончательного прощания, то в стихотворении ощутим мотив возвращения. Даже находясь на пороге между жизнью и смертью, лирический герой надеется на то, что «Предназначенное расставанье обещает встречу впереди» [2, IV, с. 244].

Казалось бы, мы имеем дело с мотивом возвращения, который был важен как общекультурный феномен в ранней лирике Есенина. Однако если в первый период творчества вечное возвращение лирического героя было органично самой природе, осуществлялось в «краю родном», то теперь оно перестало быть органичным культуре,

а оказалось порождением больного обособившегося сознания. И только как такое явление, отражающее метания одинокого человека, становится фактом национальной культуры.

Таким образом, в лирике Есенина мотивы жизни и смерти процессуально изменчивы. Вначале, в первый период творчества, жизнь и смерть понимаются и воплощаются в образах живой природы, Родины, но потом, особенно в конце творческого пути, жизнеутверждающие мотивы постепенно сменяются мотивами угасания, прощания, смерти. Как показывает биографический и художественный опыт Есенина, отрыв от национальной почвы, от глубинных истоков традиционной культуры всегда чреват трагическим исходом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. / И.А. Бунин. – М.: Худож. лит-ра, 1965-1967.
2. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. / С.А. Есенин. – М.: Наука, Голос, 1995-2000.
3. Карпенко Г.Ю. Творчество И.А. Бунина в антропологическом аспекте / Г.Ю. Карпенко. – Самара: Изд-во «СНЦ РАН», 2016. – 40 с.
4. Кирьянов С.Н. Поэма «Черный человек» в контексте творчества Сергея Александровича Есенина и национальной культуры: дисс. ... канд. филолог. наук: 10.01.01 – русская литература / Кирьянов Сергей Николаевич – Тверь, 1998. – 211 с. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/poema-chernyi-chelovek-v-kontekste-tvorchestva-sergeya-aleksandrovicha-esenina-i-natsionalno>
5. Лейдерман Н.Л. «Совестной суд» (о поэме С. Есенина «Черный человек») / Н.Л. Лейдерман // Филологический класс. – Екатеринбург, 2007. – №17. – С. 70-73.
6. Налепин А.Л. Фольклоризм как форма и содержание в поэзии Н.А. Клюева и С.А. Есенина : (опыт сравнительного анализа) / А. Л. Налепин // Налепин А.Л. Два века русского фольклора : опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике России, Великобритании и США в XIX-XX столетиях / А. Л. Налепин. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – С. 279-301.
7. Наумов Е.И. Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха / Е.И. Наумов // Изд. 2. – Л.: Лениздат, 1973. – 456 с.
8. Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. / А.С. Пушкин. – М.: ГИХЛ, 1959–1962. – Т. 2. Стихотворения 1823–1836. – 799 с.
9. Чимбур Л.С. Поэма С.А. Есенина «Черный человек» (материалы к факультативному занятию) / Л.С. Чимбур // Молодой ученый. – Казань, 2016. – № 6.4 (110.4). – С. 48-51.

A.A. Karimova

THE CONCEPT OF LIFE AND DEATH IN THE LYRICS OF S. A. YESENIN

The article discusses the main features of the embodiment of the phenomena of life and death in the lyrics of S. A. Yesenin, their relationship with the concepts of homeland and nature. In Yesenin's lyrics, the motives of life and death are procedurally changeable. In the first period of creativity, life and death are experienced by the lyrical hero as part of the national universe (nature, Homeland). But then, especially at the end of the creative path, life-affirming motives are replaced by motives of extinction, farewell, death. As Yesenin's biographical and artistic experience shows, separation from the national soil, from the deep origins of traditional culture is always fraught with a tragic outcome.

Key words: *life, death, Yesenin, black man, homeland, duality.*

**РОМАН «БЕСЫ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ
СИМУЛЯКРОВ Ж. БОДРИЙЯРА**

Статья представляет собой анализ маскарадной культуры в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» с точки зрения функционирования в художественном мире произведения симулятивных понятий и актов. Концепция симулякров Жана Бодрийяра позволяет прояснить характер отношения героев к окружающему их миру и друг к другу. Автором доказана подмена реального мира романа на гиперреальный и выделены основные симулятивные понятия, являющиеся ключевыми для существования персонажей «Бесов»: мода, знатность рода, связи, чин, место проживания, нормы светского этикета. В своей работе автор использует мотивный и содержательный методы анализа текста, позволяющие выявить семантические доминанты текста и соотнести их с общим смыслом романа.

Ключевые слова: маскарад, симулякры, гиперреальность, карнавальная культура.

Маскарадный характер антинигилистического романа «Бесы» Ф. М. Достоевского не раз становился объектом подробного рассмотрения в научной литературе. В карнавальной культуре, как пишет М. М. Бахтин, маска является попыткой показать относительность любой оболочки, всемирность, которую несет в себе один человек. Надеть маску – значит надеть на себя любую роль, как бы весь мир, показать собственную сопричастность миру. Совсем иное семантическое наполнение получает образ маски в «Бесах» Ф. М. Достоевского.

«Не только люди, но и события оказываются ряжеными, они только притворяются благопристойными и приличными, однако под видом одного происходит совсем другое, под личиной дозволенного таится запрещенное, под маской легального совершается подпольное» [Сараскина, 1996, с.439] – пишет Л. Н. Сараскина, указывая на маскарадную основу романа. Из этой цитаты ясно, во-первых, что маска выполняет функцию сокрытия, а во-вторых, что маске всё ещё есть что скрывать. Одно бытие скрывается под личиной бытия другого.

Таких примеров в романе много, даже сама задуманная «бесами» революция – это всего лишь маска, громкие слова о светлом будущем, когда на самом деле герои равнодушны к этому будущему, каждый из них путем насилия пытается проработать свои собственные комплексы, о чем верно замечает Шатов: «...они первые были бы страшно несчастливы, если бы Россия как-нибудь вдруг перестроилась, хотя бы даже на их лад, и как-нибудь вдруг стала безмерно богата и счастлива. Некого было бы им тогда ненавидеть, не на кого плевать, не над чем издеваться!» Революционеры Ф. М. Достоевского – это люди, страдающие страшным комплексом неполноценности, это люди, стремящиеся за властью и насилием скрыть собственную трусость и слабость. По Достоевскому, чем более слаб и травмирован человек духовно, тем агрессивнее его политика, тем деструктивнее его желания.

Однако подобная схема «бытие, скрывающее бытие» в контексте романа была бы явно преуменьшением, т.к. «Бесы», помимо всего прочего, – это еще и роман о мире, тонущем в симулякрах, т.е. в масках, скрывающих не наличие, а отсутствие, прячущих за мнимым существованием небытие и пустоту.

Симулякр – термин, введенный Жаном Бодрийяром и обозначающий «истину, скрывающую, что ее нет» [Бодрийяр, 2015, с. 5]. Симулякр постулирует отсутствие никогда не бывшего или исчезновение некогда существовавшего. Роман Ф. М. Достоевского наполнен подобными симулякрами. В нашем анализе мы обратимся лишь к некоторым видам симулякров, хотя их, несомненно, в романе больше.

Симулякры существуют не в реальности, а в гиперреальности; человек, живущий симулякрами, зачастую перестает понимать, что давно потерял связь с реальным миром. Обратимся к одному из главных симулякров романа – фантазиям героев. Тотально неудовлетворенные реальным миром, они пытаются придумать себе мир иной, мир мечты, мир, который не просто опровергается реальностью, он не соотносится с ней вовсе: «Такое полнейшее, совершеннейшее незнание обыденной действительности было и умилительно и как-то противно». Таковы, например, фантазии Степана Трофимовича о преследовании: «Прекратил же он свои лекции об аравитянах потому, что перехвачено было *как-то и кем-то* (очевидно, из ретроградных врагов его) письмо к *кому-то* с изложением *каких-то* "обстоятельств", вследствие чего *кто-то* потребовал от него *каких-то* объяснений» [курсив наш – А.К.].

Интересно то, что, несмотря на отсутствие всех этих «*каких-то*» как знаков реальности, это небытие вполне может влиять на действительность, заставляя Степана Верховенского переживать то приступ холеры, то невероятное удовлетворение от чувства собственной значимости.

То же можно сказать о Варваре Петровне, сочинившей для себя идеального возлюбленного: «...и такого-то человека, наперекор всему, воплощают вдруг в *какой-то* идеал, в свою мечту» [курсив наш – А.К.]. Обратим внимание на употребление неопределенного местоимения и в этом случае. Подобный поведенческий паттерн выбирает Степан Трофимович, например, в случае с Лизой Тушиной: «В Лизавете Николаевне он предполагал встретить *какое-то* необычайное существо» [курсив наш – А.К.]. Этим героям не нужен реальный человек, они ищут в других именно этих «необычайных существ», свою фантазию, объект гиперреальности и оказываются ужасно разочарованы, когда реальность начинает заявлять о себе различного вида несовершенствами.

В своих работах Ж. Бодрийяр много пишет о влиянии на современного человека СМИ и телевидения, о создании множества стереотипов и фантазмов. В романе Ф.М. Достоевского подобную функцию выполняет литература, причем литература преимущественно романтического или сентиментального характера.

Именно этой сентиментальностью и пользуется Петр Верховенский, выделяя ее как одну из действующих на людей сил: «Затем следующая сила, разумеется, сентиментальность. Знаете, социализм у нас распространяется преимущественно из сентиментальности. Но тут беда, вот эти кусающиеся подпоручики; нет-нет да и нарвешься». Сознание героев пропитано стереотипами и литературными штампами, симулирующими саму возможность воплощения литературы в реальность, отсюда явное позерство, необычайная многословность и высокопарность речи героев, их желание вечно быть похожими на других несуществующих персонажей и не быть самими собой.

С симулякрами связана и гордыня (ей подвержено большинство героев романа), более того, она живет и питается ими. Какие симулякры можно сюда отнести?

1. Мода, внешний вид. «О боже, как вы опустили!» – несколько раз повторяет Варвара Петровна Степану Трофимовичу после возвращения из Швейцарии. Внешность героя воспринимается как показатель высокого уровня, который занимает Верховенский. Он профессор, он культурен, образован, талантлив, он пишет книгу и

т.д., – всё это должен выразить внешний вид, пусть даже познания Степана Трофимовича невелики, таланта у него нет, а книги, которую он пишет десятки лет, вообще не существует.

2. Знатность рода. Хорошим примером здесь служит Варвара Петровна, которая несмотря на увлеченность Степаном Верховенским всё же «не променяла бы <...> имени Ставрогиной на его [Верховенского – прим. А.К.] имя». Другой пример – Артемий Павлович Гаганов: «...он принадлежал к тем странным, но еще уцелевшим на Руси дворянам, которые чрезвычайно дорожат древностью и чистотой своего дворянского рода и слишком серьезно этим интересуются. Вместе с этим он терпеть не мог русской истории, да и вообще весь русский обычай считал отчасти свинством».

Герой оказывается настолько оскорблен в своей фамильной чести поступком Ставрогина, что оставляет свой полк, и, игнорируя все нормы приличия, все извинения Николая Ставрогина, всё же провоцирует проведение дуэли. Понятие чести, положительное само по себе, однако совершенно не соотносимое с Артемием Павловичем, начинает работать как симулякр: ради абстрактной чести Гаганов вполне способен совершить убийство. Каким бы древним, знатным и «чистым» не был род героя, перед нами оказывается не более чем убийца.

3. Связи с кем-либо значимым. Роман наполнен подобными примерами: за связи держится Варвара Петровна и Юлия Михайловна, связи оказываются пропуском в высший свет, связями с границей пугает пятерку Верховенский, в связях то с революционерами, то с высшей полицией подозревают Ставрогина. И, хотя в большинстве случаев эти «связи» вовсе отсутствуют, герои начинают изменять свое поведение, свое отношение, свой образ мыслей, исходя из веры в существование этих абстрактных «связей».

4. Чин, мундир. Здесь невозможно сказать лучше, чем сказал Петр Верховенский: «Я вас посмешу: первое, что ужасно действует, – это мундир. Нет ничего сильнее мундира. Я нарочно выдумываю чины и должности: у меня секретари, тайные соглядатаи, казначеи, председатели, регистраторы, их товарищи – очень нравится и отлично принялось». Русская литература давно знакома с чиновничеством и поклонением мундиру, не зря в «Бесах» так много ссылок на «Горе от ума» А.С. Грибоедова.

Здесь нужно отметить следующий важный момент. В одном из монологов Петр Верховенский упоминает капитана, который во время разговора об атеизме, вдруг встал посреди комнаты и произнес «громко так, как бы сам с собой: "Если бога нет, то какой же я после того капитан?". Взял фуражку, развел руки и вышел». Интересно, что Верховенский, в отличие от Ставрогина, эту мысль не понимает, сама же идея капитана как раз и направлена на разоблачение симулякра: если Бога нет, то за что мы тогда воюем? За какие ценности? Зачем мне звание, зачем мундир, зачем мне знак, символ реальности, если за ним не стоит реальность как таковая?

5. Место проживания. «Позвольте-с, – задержался на стуле хромой, – мы хоть и провинциалы и, уж конечно, достойны тем сожаления...». Место проживания практически ничего не может сказать о человеке как личности, в большинстве случаев информация, которую можно узнать о человеке, следуя этому внешнему атрибуту, коррелирует не с реальностью, а с другими симулякрами, в частности с теми, которые указаны ранее.

6. Нормы светского этикета, показывающие принадлежность к определенной группе. «Какой это у вас у всех, однако, светский прием: вам до ее здоровья все равно, что до здоровья серой кошки, а между тем спрашиваете», – говорит Верховенский, как бы возмущаясь, а потом вдруг добавляет: «Я это хвалю». Герой точно подмечает еще один из симулякров культуры, маску, за которой ничего не стоит,

а, так как Петр Степанович всеми возможными способами умножает симулякры в мире, он совершенно искренно одобряет вопрос Ставрогина.

Этот список можно продолжать и далее. Все эти симулякры обрамляются двумя не менее симулятивными понятиями – «статус» и «общественное мнение». «...это вы, под видом гордости, пред мнением света трепещете», – говорит Прасковья Ивановна Варваре Петровне. Герои романа оказываются захвачены миром симулякров, они не способны быть свободными, их поступки навязаны им гиперреальностью. В «Бесах» разве что Тихон, к которому приходит в финале Ставрогин, оказывается действительно свободен от симулякров. Именно он подсказывает герою правильное решение – освободиться от мнения света, от иллюзий, питающих гордыню.

Еще одна важная черта, свойственная симулякрам: они быстро начинают порождать друг друга. Один симулякр тянет за собой другой, поэтому Петр Верховенский часто создает их не путем полноценного моделирования объекта небытия, а путем умалчивания, он бросит как бы в воздух какое-нибудь слово, а дальше симулякры начинают разрастаться:

«– ...Гм, Ставрогин - это совершенно противоположное, то есть совершенно...
Avis au lecteur.

– Неужели! и может ли быть? – с недоверчивостью произнес Лембке. – Мне Юлия Михайловна сообщила, что, по ее сведениям из Петербурга, он человек с некоторыми, так сказать, наставлениями...

– Я ничего не знаю, ничего не знаю, совсем ничего. Adieu. Avis au lecteur! – вдруг и явно уклонился Петр Степанович».

Верховенский только намекает на ревизорство Ставрогина, намеком создавая симулякр, а дальше начинают работать все прочие симулякры – мундир, мода, связи, общественное мнение... Они тут же достраивают картину, один симулякр начинается обживать в пространстве других. Тайна, которую люди по природе своей склонны романтизировать, оказывается здесь лучшим помощником и прекрасно работает, например, в случае Кармазинова: «...да и рукопись, конечно, прочитал с жадностью, а только лжет из видов. Но может быть и то, что не лжет, а совершенно искренно глуп. Гениального человека я люблю несколько глупым. Уж не гений ли он какой у них в самом деле, черт его, впрочем, дерь». Так бездарность и безвкусица, которую воплощает Верховенский, становится новым «гением».

Петр Верховенский и сам прекрасно обживает в гиперреальности. «Он именно строчит, когда рассказывает; в голове у него канцелярия», – говорит о герое Николай Ставрогин. Петр Степанович канцеляризует реальность, подменяет жизнь бумажками, предписаниями, лишним и бессмысленным текстом, он штампует уже даже не слова как таковые, слова с определенным смыслом, а только знаки слов. Как верно замечает Р.Г. Назиров, речь Верховенского уродлива в своей эллипсичности: «Я прибежал только о воскресном случае, и то в самую необходимую меру, потому нельзя же ведь».

У этого многословия и уродливости есть свои преимущества для Верховенского: «Но так как этот дар бездарности у меня уже есть натуральный, так почему мне им не воспользоваться искусственно? <...> лучше всего говорить, но именно по-бездарному, то есть много, много, много, очень торопиться доказывать и под конец всегда спутаться в своих собственных доказательствах... <...>. Выйдет, во-первых, что вы уверили в своем простодушии, очень надоели и были непоняты - все три выгоды разом! Помилуйте, кто после этого станет вас подозревать в таинственных замыслах?»

Демагогия и пустословие являются одним из самых распространенных симулякров в романе: бесконечна и почти бессмысленна речь Лебядкина, избыточность речи неоднократно подчеркивается в случае Степана Верховенского, невероятно много

и практически ни о чем говорят встретившиеся на собрании нигилисты в главе «У наших» и т.д.

Более того, речь героев пестрит всевозможными заимствованиями, в погоне за оригинальностью персонажи часто повторяют чужие фразы, истинного значения которых зачастую даже не понимают. В этом смысле очень верно замечание майора, присутствующего на собрании: «Ну, положим, умные люди не веруют, так ведь это от ума, а ты-то, говорю, пузырь, ты что в божии понимаешь? Ведь тебя студент научил, а научил бы лампадки зажигать, ты бы и зажигала».

Симулятивная культура порождает хаос, где теряются связи между реальностью и гиперреальностью, разрушаются причинно-следственные связи, социальные, родственные отношения. Поэтому некоторые персонажи, чувствуя этот хаос, стараются упорядочить его, привести в систему, связать разорванное. Такова задумка Лизы Тушиной с книгой, в которой будут собраны наиболее важные события, произошедшие за год. Взглянув на эти события ретроспективно, увидев всю картину полностью, как бы извне, а не изнутри, можно будет лучше понять происходящее, проанализировать его, систематизировать факты.

Бодрийяр пишет, что, поддавшись симулякрам, человек выпадает из истории, а значит, и из времени. Мотивы путаницы, провала во времени часто возникают на страницах романа. Так Шатов характеризует состояние Марьи Тимофеевны: «...она после них [припадков – прим. А.К.] всё забывает, что сейчас было, и всегда время перепутывает. Вы думаете, она помнит, как мы вошли; может, и помнит, но уж наверно переделала всё по-своему и нас принимает теперь за каких-нибудь иных, чем мы есть...» Сама фигура повествователя оказывается связана с понятием «время» – он хроникер («Хронос» – др.-греч. «время»), он упорядочивает хаос событий, он пытается выстроить причинно-следственные связи между эпизодами, пытается сделать реальным мир, погрязший в кажимости.

Персонажи «Бесов» оказываются заперты в мире симулякров, которые сами же и создали, они живут в пространстве миражей. В этом мире иллюзорна свобода, иллюзорны понятия, иллюзорны даже естественные человеческие права: «...Шатов, например, тоже не имел права рисковать тогда жизнью в воскресенье, когда к вам подошел, так ли?» Человек лишается права на собственную жизнь, он оказывается поглощен небытием, маской, за которой скрывается уже не нечто, а абсолютное ничто.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ф. М. Достоевский. Бесы. Роман в трех частях. «Бесы». Антология русской критики / Составление, подготовка текста, послесловие, комментарии Л. И. Сараскиной – Москва : Согласие, 1996. – 744 с.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского – Москва : Художественная литература, 1972.
3. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва: Художественная литература, 1990. – 543 с.
4. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр ; [пер. с фр. А. Качалова]. – Москва : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с. – (Технология свободы).
5. Сараскина Л.И. «Бесы», или русская трагедия // Достоевский Ф.М. «Бесы». Роман в трех частях. «Бесы»: Антология русской критики / Сост. Л. И. Сараскина. Москва : Согласие, 1996. С. 435 – 461.

**NOVEL "DEMONS" F.M. DOSTOYEVSKY IN THE ASPECT OF THE
THEORY OF SIMULACRS by J. BAUDRILLARD**

The article is an analysis of the masquerade culture in F. M. Dostoevsky's novel "Demons" from the point of view of the functioning of the work of simulative concepts and acts in the artistic world. The concept of simulacra by Jean Baudrillard makes it possible to clarify the nature of the relationship of the characters to the world around them and to each other. The author proves the substitution of the real world of the novel for the hyperreal one and highlights the main simulative concepts that are key to the existence of the characters of "Demons": fashion, nobility of the family, connections, rank, place of residence, norms of secular etiquette. In his work, the author uses motivating and meaningful methods of text analysis, which make it possible to identify the semantic dominants of the text and correlate them with the general meaning of the novel.

Key words: masquerade, simulacra, hyperreality, carnival culture.

УДК 81

Н.В. Кривошапова, Д.А. Гулевич

*ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»
(Научн. рук. канд. филол. н., доц. Н.В. Кривошапова)*

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В
ЛИРИКЕ А.А. МЕЛЬНИЧУК**

В статье рассматривается функционал полных и кратких имен прилагательных в лирических текстах приднестровского поэта Аллы Мельничук. Актуальность темы обусловлена тем, что лингвистический анализ произведений приднестровских авторов – пока малоизученная тема, учитывая, что приднестровские тексты входят в программу школьного и вузовского обучения в рамках факультативов «Литература родного края» и «Литература Приднестровья».

Ключевые слова: имена прилагательные, качественные и относительные прилагательные, семантика.

Стилистические предпочтения приднестровского автора А.А. Мельничук можно охарактеризовать как разнообразные, при этом наполнены единым смыслом и содержанием, а именно – Родина, природа, патриотизм, любовь, семья и жизнь во всех ее наилучших проявлениях. Поэт использует различные рифмовки и виды рифм, использует активно эпитеты, сравнения, тропы и фигуры, разнообразные типы предложений.

В разнообразии лирики А.А. Мельничук можно отметить семь основных направлений: любовная лирика, пейзажная лирика, городская лирика, гражданская лирика, религиозная лирика, философская лирика, иронические стихи.

Актуальность исследования обусловлена тем, что творчество Аллы Мельничук является одним из ключевых в системе современной приднестровской поэзии. Изучению и анализу произведений писателей и поэтов нашей республики не посвящались какие-либо фундаментальные или небольшие исследования, соответственно, представляется важным изучать поэзию с различных аспектов анализа [3], [4].

Задачи нашего исследования:

1. Рассмотреть имена прилагательные в системе частей речи русского языка.
2. Изучить семантические особенности разрядов прилагательных.
3. Проанализировать стилистические предпочтения приднестровского автора А.А.Мельничук.
4. Определить структурные особенности прилагательного в стихотворениях А.А.Мельничук.
5. Проанализировать способы суффиксального словообразования прилагательных.
6. Описать семантические особенности прилагательного в поэтическом тексте.
7. Изучить стилистические ресурсы полных и кратких прилагательных в лирике А.А.Мельничук.

При этом можно отметить, что имена прилагательные в русском языке и поэзии, в частности, играют большую роль. С их помощью можно обогатить высказывание, придать фразе определенную стилистическую окраску, отразить субъективное мнение к предмету высказывания. В поэзии имена прилагательные могут быть использованы особенно ярко – это и метафоры, и эпитеты, и оценочные характеристики.

Соответственно, считаем актуальным рассмотреть лирику А.А. Мельничук с целью определения стилистических возможностей имен прилагательных. Это позволит лучше анализировать и выделять характерные особенности приднестровской лирики, осознавать специфику и дальнейшее развитие национальной художественной литературы.

Одной из особенностей поэзии А.А. Мельничук является совершенное отсутствие какого-то определенного стиля. Главное – это ясность и образность выражения мысли. В одном предложении можно встретить, как жаргонизмы, так и литературные слова. Язык для поэта – нечто огромное, важное, что многие не замечают.

В лирике А.А. Мельничук имена прилагательные играют большую роль как в качестве выразительности речи, так и как средства уточнения характеристики и свойств предметов, явлений, событий. Рассмотрим наиболее крупные семантические группы имен прилагательных в стихотворениях поэта.

Во-первых, большую часть употребляемых А.А. Мельничук имен прилагательных, обозначают цвет. Например:

- *«Глохнет слёзы санитарка, стирая красные бинты»* (Медикам...);

- *«Ни чёрная, ни розовая оптика не красят честно времени портрет»* (Времени портрет);

- *«Хочу сберечь окраску жёлтых листьев»* (Цвета светлых мыслей) [1], [2].

Также часто встречаются прилагательные, называющие цвет природных объектов:

- *«Вот иду и тихо радуюсь октябрю с весёлым днем, разноцветных листьев радугой»* (Тихо радуюсь);

- *«Мне привольно и светло! Серый дождик, будь на отдыхе, я к зиме коплю тепло!»* (Тихо радуюсь);

- *«Дождь моросит на жёлтых листьях ворох, прощальным жестом красящих асфальт»* (Стекает осень...) [1], [2].

Отметим, что в анализируемых стихотворениях дважды встречается прилагательное «поседевший», при этом оба раза в переносном значении:

- *«Не развести их врозь и не исправить на поседевшей бедами земле»* (Мыслящий листок);

- *«Ранний приход поседевшей зимы кажется просто докучным занятием»* (Времени грим) [1], [2].

Лишь в одном стихотворении «Годами выдержанный жар...» найдено однокоренное прилагательное, употребленное в прямом значении: «*Когда почтенны кавалеры и седовласа госпожа*».

Во-вторых, не менее объемную группу составляют имена прилагательные, обозначающие признаки погоды, природы и природных явлений:

- «*Ясным утром холодного дня октябрём задышавшее небо, встретит солнечным нимбом меня*» (Ясным утром);

- «*Запах свежий, свежий, летучий... Не смущают зимние тучи*» (Новенький декабрь);

- «*Нечасты меха белоснежных порош, коврами укрывшие раны округи*» (Снег этот - чудно хорош);

- «*Нарушив гладкость зимних стрел, нарежет лиственных заплат*» (Майский бенефис) [1], [2].

В-третьих, большую группу составляют прилагательные, обозначающие черты характера человека – морально-этические прилагательные или прилагательные нравственной оценки:

- «*Внуки шустрые несносны*» (Встреча однокурсников...);

- «*Быть слабой, но успешно всё решать, перелистнуть не лучшие страницы, быть ласковой, но строгих понимать!*» (Бабий манифест);

- «*Быть мудрой, доброй, если даже трудно, и соглашаться на вторую роль!*» (Бабий манифест);

- «*Мы никогда не будем беззаботны, и помнит боль днестровская волна*» (И помнит боль днестровская волна...);

- «*Безмятежна как будто она...*» (Сохранившийся дагерротип);

- «*Трудно быть уверенной и мудрой, я волнуюсь, значит, я живу!*» (Всё волнуюсь...) [1], [2].

В-четвертых, семантическая группа качественных прилагательных, обозначающих признак по размеру, объему, расстоянию и т.д.:

- «*Кротким кажется маленький двор, ими скрытый от бед и набатов*» (Ясным утром);

- «*Мать-Родина, она всегда одна, любимая, далёкая страна*» (Мать - Родина - она всегда одна!);

- «*Чем дальше, тем больше мной ценится время*» (Пора октября);

- «*Вечер кроткий плывёт куда-то ... Обратившись нотой ко мне*» (День прошёл) [1], [2].

В-пятых, в лирике А.А. Мельничук можно найти прилагательные, обозначающие вкусовые значения и ощущения:

- «*Сочным взмахом зелёной кисти пробуждая от спячки мир, пряным запахом клейких листьев*» (Апрель);

- «*Настанет май, как бенефис, и краткий пряный фейерверк*» (Майский бенефис);

- «*И солёно-пресной влагой переполнен вечер*» (Встреча однокурсников...);

- «*Давно разобраны руины, но память горьких лет сильна*» (Народная тропа);

- «*Жизнь намешала, как салат, печёное с перчёным вместе*» (Ешьте!) [1], [2].

В-шестых, относительные прилагательные, обозначающие материал, из которого сделано определяемое слово:

- «*Стеклом оконным чинно и несоро стекает осень*» (Стекает осень...);

- «*Сосновый бор, могил отцовских власть*» (Мать - Родина - она всегда одна!);

- «*Октябрём задышавшее небо, встретит солнечным нимбом меня*» (Ясным утром) [1], [2].

В-седьмых, относительные прилагательные, обозначающие признак предмета по месту, к которому относится определяемое слово:

- «*Им снятся, должно быть, пурга и метели, и вера в приход приднестровской весны*» (Снег этот - чудно хорош);
- «*И помнит боль днестровская волна*» (И помнит боль днестровская волна...);
- «*И свет рубиновых кремлёвских звёзд нам светит ярче, чем лучистый свод*» (Мать - Родина - она всегда одна!) [1], [2].

В-восьмых, относительные прилагательные, обозначающие признак предмета по времени, к которому относится определяемое слово:

- «*Победа! Богатырские дружины вернули в мир покой и тишину*» (Чтоб помнили...);
- «*На задворки имперской истории послан он чиновною рукой*» (Наш Пушкин);
- «*Сменились лики в наших храмах – божков советских – на мороз*» (Скеписиса каверны) [1], [2].

В-девятых, в стихотворениях А.А. Мельничук присутствуют прилагательные в переносном значении.

- «*Но светлей всего и горячей гордость сердца вольного народа!*» (Приднестровье, край мой дорогой...);
- «*Капризным ливнем все миноры спеты, победу солнца мир принять готов*» (Спасибо, лето);
- «*Развихрится солнце жаркой рыжей чёлкой*» (Сентябрь);
- «*Любовь переменяла платье на скромный будничный наряд*» (Годами выдержанный жар...);
- «*Погребена под слоем пепла, подспудным жаром зрелых чувств*» (Годами выдержанный жар...);
- «*Не счесть обид и споров жарких*» (Милосердно дан судьбой) [1], [2].

Отметим, что в стихотворениях А.А. Мельничук присутствуют устойчивые выражения, в состав которых входят образные прилагательные:

- «*Права ли путеводная звезда, ведущая неведомым простором!?*» (Что обещает новый поворот?);
- «*Что обещает новый поворот?*» (Что обещает новый поворот?);
- «*Седин снега, меланж открытых чувств! Чтоб жизни дом был цвета светлых мыслей*» (Цвета светлых мыслей);
- «*Полутона, нюансы тонких чувств*» (Ода русскому языку);
- «*Ведёт народная тропа*» (Народная тропа);
- «*Но она – мой отчий дом и край*» (Приднестровье, край мой дорогой...) [1], [2].

В стихотворениях приднестровского поэта Аллы Мельничук краткие прилагательные встречаются гораздо реже, чем имена прилагательные в полной форме. Например, прилагательное «ясный» в полной форме, в том числе и в сравнительной степени в проанализированных стихотворениях встречается 4 раза, а краткая форма «ясна» – только единожды.

Прилагательное «яркий» в полной мере найдено в 3 стихотворениях, в краткой – в одном. Прилагательное «черный» в стихотворениях употреблено 7 раз и только один раз в краткой форме «чернен».

Как правило, краткие формы А.А. Мельничук использует для того, чтобы назвать не постоянный, пассивный, а переменный, развивающийся во времени признак. Обычно это касается явлений природы:

- «*Сирени куст, как стрел колчан, был сер и скучен в декабре*» (Майский бенефис);

- «*Купол - парус неба реет синим шёлком, что по цвету летнему яркое и лучистое*» (Сентябрь);

- «*И детям страх войны давно не ведом, и разноцветен мая светлый лик*» (Чтоб помнили...) [1], [2].

В других случаях краткие прилагательные А.А. Мельничук использует, напротив, чтобы указать на постоянство какого-либо важного понятия:

- «*Мы никогда не будем беззаботны, и помнит боль днестровская волна*» (И помнит боль днестровская волна...);

- «*Победа над врагами неизбежна, так было испокон и будет так!*» (Памяти защитников Приднестровья);

- «*Но, к счастью, много в людях веры, безмерны залежи её*» (Скепсиса каверны);

- «*Наш мир земной – несовершенен и тем, по-моему, хорош*» (Ругали бы...) [1], [2].

В стихотворении «Приднестровье, край мой дорогой...» А.А. Мельничук пишет: «*Пусть невелика моя страна под зелёно-красным, гордым флагом*», тем самым указывая, что республика хоть и небольшая, но маленькой ее называть поэту не хочется. Данная мысль усиливается благодаря использованию в предложении в сочетании со словом флаг имени прилагательного «гордый».

Некоторые прилагательные в краткой форме в стихотворениях А.А. Мельничук приобретают стилистическую нейтральность:

- «*Заполнены ведёрки чистой влагой, она ясна, прозрачна, как слова*» (Ода русскому языку);

- «*Но общий колер трудно подобрать: один – чернён, другой горит огнями*» (Цвета светлых мыслей);

- «*Ночь дремотной лени полна*» (Август, ночь...);

- «*Мысли, словно ветвистый куст на удобренной временем почве... Ну, а если безлиствен и пуст*» (Ну, а если?) [1], [2].

Некоторые краткие прилагательные в стихотворениях А.А. Мельничук используются для характеристики человека и его внешности как временного признака:

- «*Любопытен и тревожен он: что-то ждёт в далёком Кишинёве, как-то примут, будут ли друзья?*» (Наш Пушкин);

- «*Держит строго, по правилам, спину, подбородок приподнят и твёрд*» (Сохранившийся дагерротип);

- «*Безмятежна как будто она...*» (Сохранившийся дагерротип);

- «*Когда почтенны кавалеры и седовласа госпожа*» (Годами выдержанный жар...);

- «*В раздумьями зачёркнутом лице нечётко контур истин самых главных*» (Чтоб чуть яснее...) [1], [2].

Некоторые прилагательные в краткой форме в лирике А.А. Мельничук приобретают оттенок отвлеченности, сухости, иногда категоричности, чем это свойственно полной форме:

- «*Он осенне-неказист и заспан, Бессарабский предварив кордон*» (Наш Пушкин);

- «*Христос, Мухаммед, Будда, Кришна вдруг модны стали и нужны*» (Скепсиса каверны);

- «*Каждый день в небесах означен, разны запахи, цвет и сорт*» (День к закату идёт) [1], [2].

Выводы

В разнообразии лирики А.А. Мельничук можно отметить семь основных направлений: любовная лирика, пейзажная лирика, городская лирика, гражданская лирика, религиозная лирика, философская лирика, иронические стихи. Одной из

особенностей поэзии А.А. Мельничук является совершенное отсутствие какого-то определенного стиля.

Главное – это ясность и образность выражения мысли. В одном предложении можно встретить, как жаргонизмы, так и литературные слова. Язык для поэта – нечто огромное, важное, что многие не замечают. Подтверждение этому можно найти в стихотворении «Ода русскому языку», где поэт подчеркивает свое отношение к языку и его значимости в ее жизни. А.А. Мельничук с целью акцентировать внимание на какой-либо мысли или особенно выделить предмет или явление порой использует синонимическую цепочку прилагательных.

Изучив семантические особенности прилагательного в поэтическом тексте А.А. Мельничук установили, что большую часть употребляемых имен прилагательных, обозначают цвет, в том числе называющие цвет природных объектов, обозначающие признаки погоды, природы, природных явлений и черты характера человека. Также отметили семантическую группу качественных прилагательных, обозначающих признак по размеру, объему, расстоянию и т.д.

В лирике А.А. Мельничук можно найти прилагательные, обозначающие вкусовые значения и ощущения. Относительные прилагательные в лирике поэта обозначают материал, из которого сделано определяемое слово, признак предмета по месту, к которому относится определяемое слово, признак предмета по времени, к которому относится определяемое слово. В стихотворениях А.А. Мельничук присутствуют прилагательные в переносном значении, а также устойчивые выражения, в состав которых входят образные прилагательные.

В стихотворениях приднестровского поэта краткие прилагательные встречаются гораздо реже, чем имена прилагательные в полной форме. Как правило, краткие формы А.А. Мельничук использует для того, чтобы назвать не постоянный, пассивный, а переменный, развивающийся во времени признак. Обычно это касается явлений природы. В других случаях краткие прилагательные А.А. Мельничук использует, напротив, чтобы указать на постоянство какого-либо важного понятия. Некоторые прилагательные в краткой форме в стихотворениях А.А. Мельничук приобретают стилистическую нейтральность или используются автором для характеристики человека и его внешности как временного признака.

Проанализировав семантические особенности разрядов имен прилагательных, мы определили, что в текстах художественных произведений они выступают как универсальные (атрибутивные и предикативные) функционально-семантические словесные знаки. Имена прилагательные качественные наряду с тем, что обозначают признак предмета, могут также и «приписывать» признак предмета тому или иному субъекту. Для семантики качественных прилагательных приобретает «человеческий фактор», позволяющий давать характеристику предметам по «мерке человека». Относительные прилагательные служат основой для идентификации предмета.

Изучив семантические особенности прилагательного в поэтическом тексте А.А. Мельничук установили, что большую часть употребляемых имен прилагательных, обозначают цвет, в том числе называющие цвет природных объектов, обозначающие признаки погоды, природы, природных явлений и черты характера человека. Также отметили семантическую группу качественных прилагательных, обозначающих признак по размеру, объему, расстоянию и т.д.

В лирике А.А. Мельничук можно найти прилагательные, обозначающие вкусовые значения и ощущения. Относительные прилагательные в лирике поэта обозначают материал, из которого сделано определяемое слово, признак предмета по месту, к которому относится определяемое слово, признак предмета по времени, к которому относится определяемое слово. В стихотворениях А.А. Мельничук присутствуют

прилагательные в переносном значении, а также устойчивые выражения, в состав которых входят образные прилагательные.

В стихотворениях приднестровского поэта краткие прилагательные встречаются гораздо реже, чем имена прилагательные в полной форме. Как правило, краткие формы А.А. Мельничук использует для того, чтобы назвать не постоянный, пассивный, а переменный, развивающийся во времени признак. Обычно это касается явлений природы. В других случаях краткие прилагательные А.А. Мельничук использует, напротив, чтобы указать на постоянство какого-либо важного понятия. Некоторые прилагательные в краткой форме в стихотворениях А.А. Мельничук приобретают стилистическую нейтральность или используются автором для характеристики человека и его внешности как временного признака.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алла Мельничук – URL: <https://stihi.ru/>
2. Алла Мельничук – URL: <https://www.facebook.com/alla.melnichuk.37>
3. Литература Приднестровья (Литература родного края). Учебник-хрестоматия. 7-9 классы. Учебник для организаций общего образования. Авт.-сост.: Т.А.Арабаджи, И.Л.Павловская. — Тирасполь: ПГИРО, 2011. – 188 с.
4. Литература Приднестровья (Литература родного края). Учебник-хрестоматия. 10–11 кл. / авт.-сост. Т.А. Арабаджи, Н.В. Плацында, О.В. Плацында. — Тирасполь: ИРОиПК, 2019. — 224 с.

N.V. Krivoshapova, D.A. Gulevich

STYLISTIC POSSIBILITIES OF ADJECTIVES IN THE LYRICS OF A.A. MEL'NICHUK

The article examines the functionality of full and short adjectives in the lyrical texts of the Pridnestrovian poet Alla Melnichuk. The relevance of the topic is due to the fact that the linguistic analysis of the works of Pridnestrovian authors is still a little-studied topic, given that Pridnestrovian texts are included in the curriculum of school and university education within the electives «Literature of the native land» and «Literature of Pridnestrovia».

Keywords: *adjectives, qualitative and relative adjectives, semantics.*

УДК 81'42:82-6

А.В. Носивец

*ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»
(Научн. рук. к. филол.н., доц. И.А. Сафонова)*

ГЛАГОЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПЕРЦЕПЦИИ В ПИСЬМАХ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье описаны результаты исследования глаголов с перцептивной семантикой, проведенного с опорой на основные положения комплексного подхода. Материалом для изучения послужили письма М.И. Цветаевой 1908–1941 гг. Установлены подгруппы глаголов восприятия, используемых в письмах М.И. Цветаевой. Показаны особенности функционирования глаголов разных подгрупп в прямых и переносных значениях. Выявлены некоторые тенденции в употреблении анализируемых глаголов.

Ключевые слова: *перцепция, глаголы восприятия, лексическая семантика, функционирование, эпистолярный текст.*

Восприятие с помощью органов чувств является для человека важнейшим процессом, обеспечивающим получение информации об окружающем мире и представляющим собой начальный этап в познании действительности. Перцепцию можно охарактеризовать как промежуточное звено между физическим, материальным миром, существующим вне и помимо человеческого сознания, и его отражением в языковых формах [7, с. 28]. Язык становится средством описания специфики перцепции и ее результатов.

В трудах ряда лингвистов перцептивность рассматривается как отдельная категория. Так, по мнению А.В. Бондарко, эта категория имеет лексико-грамматический статус и является «категорией скрытой», связывающей формы существования материи с действительностью [2, с. 276–282; 3, с. 97–104]. Перцептивность, пишет И.Ю. Колесов, можно определить и как языковую категорию, то есть семантическую категорию, отражающуюся в значениях лексических единиц [см.: 6].

Многочисленными являются также работы, посвященные языковым единицам, обозначающим сам процесс восприятия [см., например: 1; 11; 13; 16]. При этом материалом для исследования часто становятся художественные тексты [см. например: 3; 14; 15]. Тогда как функционирование перцептивной лексики в эпистолярных текстах остается недостаточно изученным.

В центре нашего внимания находятся глаголы с семантикой восприятия. Целью представленного в настоящей работе анализа является установление специфики их использования в текстах писем М.И. Цветаевой. Исследование проведено на материале эпистолярных текстов 1908–1941 гг. (см.: портал tsvetaeva.lit-info.ru).

Специфика перцепции определяется каналом получения информации, характером субъекта восприятия и особенностями протекания процесса. Первый параметр задает выделение глаголов с общим значением восприятия, зрительного, слухового восприятия, а также обоняния, осязания и вкуса. Субъект восприятия может быть при этом активным или пассивным, а процесс восприятия – преднамеренным или непреднамеренным [см. об этом: 4; 5].

В текстах писем М.И. Цветаевой отмечены глаголы с общим значением восприятия, глаголы зрительной и слуховой перцепции, которые используются в прямых и переносных значениях.

Изучение языковых фактов проводится с опорой на основные положения комплексного подхода в трактовке С.П. Лопушанской, предполагающего обращение к семантике единиц разных языковых уровней, рассмотрение ее через призму мыслительных процессов, изучение языковых единиц в ходе функционирования [см. например: 8–10].

Глаголы с общим значением восприятия обозначают непреднамеренное восприятие, осуществляемое пассивным субъектом. Данная подгруппа представлена в нашем материале лексемами *ощущать, чувствовать (почувствовать), чуют*.

Так, в письмах, адресованных разным людям, находим: *Когда негр нечаянно становится со мной рядом в метро, я **чувствую** себя осчастливленной и возвеличенной* (В.Н. Буниной, 1935 г.); *Я сейчас **чувствую** себя таким доктором* (М.А. Волошину, 1911 г.). Рассматриваемый глагол используется в сочетании с возвратным местоимением *себя*. Это позволяет говорить о том, что *чувствовать* обозначает получение ощущений, замкнутых в сфере субъекта, и реализует значение, которое определяется как «иметь, испытывать те или иные ощущения (физические или психические)» [12]. В данном случае речь идет о психических ощущениях.

Рассматриваемый глагол широко представлен также в сочетании с существительными абстрактной семантики, например, в другом контексте находим: *...как только человек начинает мне говорить о самозабвении, я **чувствую** к нему такое глубокое недоверие...* (М.А. Волошину, 1911 г.); *К Вам я **чувствую** нежность, желание к Вам приласкаться* (П.И. Юркевичу, 1908 г.). Сочетание глагола *чувствовать* с существительными *недоверие, нежность, желание* актуализирует значение, связанное не с получением ощущений (восприятием), а с пребыванием субъекта в определенном эмоциональном состоянии.

Глагол *почувствовать* находим, в частности, в письме, проникнутом грустью о происходящем вокруг и радостью от того, что еще есть единомышленники: *Первое, что я **почувствовала**, прочтя Ваше письмо: СОЮЗ. Именно этим словом* (В.Н. Буниной, 1933 г.). В приведенном контексте глагол используется в сочетании с существительным *союз*, обозначающим реалию, информация о которой не может быть получена в результате восприятия. В данном случае анализируемый глагол номинирует внутреннее переживание поэтессы, связанное одновременно с эмоцией и пониманием.

Особое употребление в эпистолярных произведениях М.И. Цветаевой обнаруживает и глагол *ощущать*, например: *...у меня ведь тоже есть святая, хотя я **ощущаю** себя первенцем своего имени...* (Р.М. Рильке, 1926 г.); *Рот я всегда **ощущала**, как мир: небесный свод, пещера, ущелье, бездна* (Р.М. Рильке, 1926 г.). В целом письма, адресованные Р.М. Рильке, которого М.И. Цветаева считала одним из выдающихся поэтов, отличаются богатством языковых средств. Если использование глагола *ощущать* в сочетании с возвратным местоимением *себя* является типовым, то употребление в конструкции с существительным *рот* – не столь распространенным. В обоих приведенных контекстах *ощущать* номинирует не получение информации с помощью органов чувств, а, скорее, понимание, осознание.

Глагол *чуть* отмечен в письме Б.Л. Пастернаку: *Борис, я не слепой: вижу, слышу, **чую**, вдыхаю всё, что полагается, но – мне этого мало* (1926 г.). В приведенном контексте рассматриваемый глагол входит в градационный ряд и, по-видимому, обозначает процесс, более сложный, нежели выраженные глаголами *видеть* и *слышать*. Вероятнее всего, в данном случае *чуть* обозначает мыслительную деятельность, осознание происходящего.

Глаголы зрительного восприятия представлены в анализируемом материале двумя подгруппами – непреднамеренного и преднамеренного восприятия.

Непреднамеренное зрительное восприятие репрезентировано лексемами *видеть* (*увидеть*), *видать* (*перевидать*), реализующими прямые и переносные значения.

Так, в изучаемых текстах находим: *Ася уже ходит, я ее **видела** вчера* (С.Я. Эфрону, 1916 г.); ***Видеть** мне в Берлине хочется: Любовь Михайловну, Белого и одну милую немку, которая, кажется, пропала* (А.В. Бахраху, 1925 г.). В данных контекстах рассматриваемый глагол используется в сочетании с местоимением *она*, существительным *немка*, именами собственными *Любовь Михайловна, Белый*, номинируя получения информации о реальных людях с помощью органов зрения. Как правило, глагол *видеть* употребляется в прямом значении в письмах, в которых поэтесса рассказывает о текущих делах, повседневных заботах.

Аналогичное употребление обнаруживает глагол *увидеть*, например: *Недавно, проходя по Арбату, я **увидела** открытку с кудрявым мальчиком* (М.А. Волошину, 1911 г.). Объект при глаголе выражен конкретным существительным *открытка*, обозначающим реалию, которая может быть воспринята зрительно. Это позволяет говорить о функционировании глагола в прямом значении, определяемом в «Толковом словаре русского языка» как «воспринимать зрением» [12].

Из глаголов зрительного восприятия использование в непрямых значениях обнаруживает *видеть*, например: *Вы, наверное, моего русского руслу не любите, одежда России мешает Вам видеть суть* (А.В. Бахраху, 1923 г.); *Его раздражают вечный шум за дверью, звуки шагов, невозможность видеть сердце собеседника...* (М.А. Волошину, 1911 г.). В приведенных контекстах данный глагол используется в сочетании с абстрактными существительными *суть, сердце*, обозначающими реалии, которые не могут быть восприняты с помощью органов зрения. Это свидетельствует о том, что глагол *видеть* называет не перцепцию, а, скорее, мыслительную деятельность.

Глаголы преднамеренного зрительного восприятия представлены большим количеством лексем: *взглянуть, глядеть (глянуть), смотреть, читать (прочитать, перечитать)*, которые реализуют преимущественно прямые значения. Например: *Господи, взглянула на тучу и: огромное белое око, прямо, в упор: всё солнце!* (А.В. Бахраху, 1925 г.); *Вечером я ложусь на подоконник и смотрю на огни домов и темные силуэты башен* (М.А. Волошину, 1911 г.); *Сейчас лежала на скале и читала милые «Flegeljahre»* (М.А. Волошину, 1911 г.); *Я в настоящую минуту перечитываю «В погоне за любовью»* (М.А. Волошину, 1911 г.). Объекты при анализируемых глаголах выражены конкретными существительными *туча, огни*, именами собственными *«Flegeljahre», «В погоне за любовью»*. Информация об этих объектах может быть получена с помощью органов зрения, что позволяет сделать вывод о реализации глаголами значений, связанных со зрительным восприятием.

В письме К.Б. Родзевичу находим: *Я хочу – немножко – быть в Вашей жизни: знать, где Вы спите и где пишете, и куда глядите, когда глядите в окно* (1923 г.). В приведенном контексте глагол *глядеть* представлен в конструкции с местоименным наречием и с существительным *окно* в форме Вин. п. с предлогом *в*. Это позволяет говорить об обозначении глаголом преднамеренного зрительного восприятия, имеющего определенное направление, но не ориентированного относительно конкретного объекта.

Глаголы слухового восприятия репрезентируют в анализируемом материале непреднамеренное и преднамеренное восприятие.

Непреднамеренное получение информации с помощью органов слуха обозначается глаголами *слышать* и *расслышать*. Например: *Кажется – 12-го июля опять будет призыв студентов, я это слышала в Крутицких...* (С.Я. Эфрону, 1916 г.); *Ваш голос молод, это я расслышала сразу* (А.В. Бахраху, 1923 г.).

Глагол *слышать* используется и в переносных значениях: *Да, лейтмотив, верю и вижу, но лейтмотив, – клянусь тебе! – которого никогда в себе не слышала...* (Б.Л. Пастернаку, 1926 г.); *...Все лето писала свою Сонечку... Писала все утро, а слышала, слушала ее внутри себя – целый день...* (А.А. Тесковой, 1937 г.). В первом из приведенных контекстов глагол *слышать* представлен в сочетании с существительным *лейтмотив*, обозначающим отвлеченное понятие, которое не может быть воспринято с помощью органов чувств. Во втором контексте из письма А.А. Тесковой поэтесса рассказывает о работе над произведением «Повесть о Сонечке». Употребление наречия *внутри* и местоимения *себя* указывает на то, что глагол используется не для обозначения получения информации с помощью органов слуха, а для номинирования мыслительных процессов.

В анализируемом материале можно найти аналогичное употребление глагола *услышать*: *...и из всех этих строк услышите только два слова: люблю и помню...* (А.А. Тесковой, 1936 г.). В данном случае рассматриваемый глагол реализует значение, связанное с мышлением: адресат должен понять то, что хочет сказать М.И. Цветаева, не используя при этом органы слуха.

Преднамеренное слуховое восприятие выражено в анализируемом материале лексемами *вслушаться, слушать (послушать)*, реализующими преимущественно прямые значения.

Например: *...я слушаю музыку и вижу безразличные руки исполняющих ее...* (М.А.Волошину, 1911 г.); *Сижу в кухне, открыв дверь на лестницу (окна нет), слушаю чужие голоса...* (А.А. Тесковой, 1935 г.). В приведенных контекстах объекты при глаголе *слушать* выражены существительными *музыка, голоса*, называющими реалии, информацию о которых можно получить с помощью органов слуха.

Рассматриваемые глаголы репрезентирует и переносные значения, например: *Все лето писала свою Сонечку... Писала все утро, а слышала, слушала ее внутри себя – целый день...* (А.А. Тесковой, 1937 г.); *Я совсем не знаю, как Вам будет лучше, легче, — совсем без меня, или со мной не-всей, взвесьте, вслушайтесь* (А.В. Бахраху, 1923 г.). Использование глагола *слушать* в сочетании с наречием *внутри* и местоимением *себя* при описании творческого процесса (работы над произведением) свидетельствует о том, что данный глагол употребляется для обозначения не восприятия, но мыслительной деятельности. Во втором контексте, по сути, представлен призыв к адресату оценить сложившуюся во взаимоотношениях ситуацию. Глагол *вслушаться* обозначает не слуховое восприятие, а процесс принятия решения (мыслительную деятельность) и становится синонимичным глаголу *подумать*.

Полученные в ходе исследования результаты обобщенно представим в таблице.

Таблица

Функционально-семантическая характеристика глаголов восприятия в письмах М.И. Цветаевой (на примере базовых глаголов)

Адресат \ Глагол	Б.Л. Пастернак	А.В. Бахрах	Р.М. Рильке	С.Я. Эфрон	К.Б. Родзевич	А.А. Тескова	М.А. Волошин	П.И. Юркевич
Глаголы с общим значением восприятия								
ощущать	-	-	/+	-	-	-	-	-
чувствовать	-/+	/+	/+	-	/+	/+	/+	-/+
чуть	-/+	-	-	-	/+	-	-	-
Глаголы зрительного восприятия								
видеть	+/+	/+	/+	/+	-	+/	+/	+/
видать	-/+	/+	-	/+	-	-	-	+/+
глядеть	+/+	/-	/+	/-	+/	+/	+/	+/
смотреть	+/+	/-	/-	-	+/	+/	+/	+/+
читать	+/	/-	/-	/-	-	+/	+/	+/
Глаголы слухового восприятия								
слушать	+/+	/+	/+	/-	/+	-	+/	+/
слышать	+/+	/+	/+	/-	/+	+/	+/	+/

Примечание. Знаком «+/>» обозначается реализация глаголом прямого и переносного значения, знаком «+/-» – прямого значения, знаком «-/+» – непрямого значения; знаком «-» передается отсутствие глагола в текстах.

Итак, глаголы с семантикой восприятия, отмеченные в письмах М.И. Цветаевой, формируют три подгруппы – с общим значением восприятия, зрительного и слухового восприятия. Глаголы с общим значением восприятия зафиксированы преимущественно в письмах, адресованных поэтам, прозаикам, критикам, с которыми была дружна М.И. Цветаева. Эти глаголы используются чаще всего в не прямых значениях. Глаголы зрительного восприятия широко представлены в письмах, адресованных разным людям. Большой семантический диапазон они обнаруживают в письмах Б.Л. Пастернаку. В письмах другим адресатам эти глаголы часто употребляются при описании повседневных дел, текущих событий в жизни поэтессы и реализуют прямые значения. Глаголы слухового восприятия обнаруживают тенденции в функционировании, схожие с тенденциями в использовании глаголов с общим значением восприятия. В переносных значениях перцептивных глаголов разных подгрупп находят отражение связь восприятия и мыслительной деятельности. При этом практически не отражена связь перцепции и других процессов, значимых для взаимодействия человека с другими людьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
2. Бондарко А.В. К вопросу о перцептивности / А. В. Бондарко // Сокровенные смыслы : Слово. Текст. Культура : сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 276–282.
3. Бондарко А.В. Время и перцептивность: инварианты и прототипы / А. В. Бондарко // Мысли о русском языке: Прошлое, настоящее, будущее. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – С. 96–104.
4. Васильев Л.М. Семантика русского глагола / Л. М. Васильев. – М.: Высшая школа, 1981. – 184 с.
5. Дмитриева Е. Г. Лексические средства создания образов подвижниц благочестия в агиографических текстах / Е. Г. Дмитриева, И. А. Сафонова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019, Т. 18, № 4. – С. 75–87. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.6>.
6. Колесов И.Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков) / И.Ю. Колесов. – Барнаул: БГПУ, 2008. – 354 с
7. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) / Е.С. Кубрякова // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56, № 3. – С. 22–31.
8. Лопушанская С. П. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции / С. П. Лопушанская // Русский глагол (в сопоставительном освещении) : межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград: Изд-во ВПИ, 1988. – С. 5–19.
9. Лопушанская С.П. Семантическая vs. смысловая структура слова как компонент семантической структуры высказывания / С. П. Лопушанская // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ: сб. докл. В 2 т. – СПб.: Политехника, 2003, Т. I. – С. 150–159.
10. Лопушанская С.П. Семантические изменения в смысловой структуре глагольного слова / С. П. Лопушанская // Славистика: синхрония и диахрония: сб. ст. к 70-летию И.С. Улукханова. – М.: Азбуковник, 2006. – С. 104–111.
11. Падучева Е. В. Глаголы восприятия: опыт выявления структуры тематического класса / Е. В. Падучева // Проблемы функциональной грамматики: семантическая инвариантность / вариативность. – СПб.: Наука, 2003. – С. 75–100.

12. Толковый словарь русского языка. В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>.

13. Урысон Е. В. Языковая картина мира VS. Обиходные представления (модель восприятия в русском языке) / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 3–21

14. Фатхутдинова В. Г. Деривационная динамика глаголов слухового восприятия / В. Г. Фатхутдинова // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 759–762.

15. Человек как субъект и объект восприятия: фрагменты языкового образа человека: монография / под ред. Н.Д. Федяевой. – М.: Флинта, 2011. – 136 с.

16. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – М.: «Гнозис», 1994. – 344 с.

A.V. Nosivets

VERBAL MEANS OF EXPRESSING PERCEPTION IN M.I. TSVETAeva: FUNCTIONAL AND SEMANTIC ASPECT

The article describes the results of a study of verbs with perceptual semantics, based on the main provisions of an integrated approach. Letters from M.I. Tsvetaeva 1908–1941. Subgroups of verbs of perception used in M.I. Tsvetaeva. The features of the functioning of verbs of different subgroups in direct and figurative meanings are shown. Some trends in the use of the analyzed verbs are revealed.

Key words: *perception, verbs of general perception, verbs of visual perception, verbs of auditory perception, lexical semantics, functioning, epistolary text.*

УДК 016:82

А.Д. Стаканова

*ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»
(Научн. рук. д. филол.н., проф. Н.А. Тупикова)*

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МОТИВА РУСАЛКИ В СЛАВЯНСКОЙ ПОЭЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. ПУШКИНА, М.Ю. ЛЕРМОНТОВА И А. МИЦКЕВИЧА)

В статье рассматриваются основные средства художественной выразительности, используемые для создания мотива русалки, и их стилистические функции. Актуальность темы обусловлена необходимостью сопоставления средств выражения мотива русалки славянских поэтов, что позволит глубже понять мысль произведения. В ходе исследования были определены стилистические функции и их значение.

Ключевые слова: *мотив, тропы, стилистические функции, экспрессивность*

Художественная литература – особый способ отражения и познания действительности. Классическая поэзия играет значительную роль в развитии любого национального литературного языка. Писатели, созидавая культуру, создавая новый виток развития языка, используют те народные представления, которые уже были известны. С помощью образа народ выражает национальный колорит, менталитет. Менталитет неотделим от духовности, фольклорные образы и их выражение помогают увидеть народные особенности языка [2; 8].

Одним из сходных образов в славянской культуре и литературе является образ русалки, который интересовал писателей XIX века. Эпоха романтизма дала толчок

к переосмыслению фольклорных образов. Многим был близок образ русалки как символ разрушающей или созидающей любви.

Образ русалки изучали как литературоведы [16; 17], так и лингвисты [5; 11; 13]. Термин «мотив» также исследовался многими учеными. Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров предлагают рассматривать мотив в качестве функции: «Под функцией имеется в виду отношение, в котором могут находиться друг к другу некоторые предметы. Если указано не только это отношение (функция), но и сами предметы, то в таком случае возникает мотив» [12, с. 112-113]. Б. В. Томашевский определяет мотив через категорию темы: «Понятие темы есть понятие суммирующее, объединяющее словесный материал произведения. Тема может быть у всего произведения, и в то же время каждая часть произведения обладает своей темой. Тема неразложимой части произведения называется мотивом. В сущности — каждое предложение обладает своим мотивом» [23, с. 136-137]. Ю. М. Лотман выделяет в качестве единицы сюжета «событие», в принципе равнозначное мотиву: «Событие принимается за мельчайшую неразложимую единицу сюжетного построения, которую Веселовский определил как мотив» [15, с. 280].

Значительный вклад в развитие семантической теории мотива внесла О. М. Фрейденберг. Понятие мотива для неё неразрывно связано с понятием персонажа: «В сущности, говоря о персонаже, — тем самым пришлось говорить и о мотивах, которые в нем получали стабилизацию; вся морфология персонажа представляет собой морфологию сюжетных мотивов» [24, с. 280]

Мы же в понимании термина «мотив» следуем за В. Е. Хализевым, который характеризует мотив как «компонент произведений, обладающий повышенной значимостью (семантической насыщенностью). Он активно причастен теме и концепции (идее) произведения, но им не тождественен» [25, с. 266].

Художественный текст по своей природе полифункционален. В нём эстетическая функция наслаивается на целый ряд других — коммуникативную, экспрессивную, прагматическую, эмотивную, но не заменяет их, а, напротив, усиливает. Язык художественного текста живёт по своим собственным законам, отличным от жизни естественного языка [1, с. 75].

В поэтическом произведении экспрессивные средства играют особую роль. Здесь для них существует гораздо меньше ограничений: красота слога позволяет выражать своё отношение к предмету речи более патетично, иногда — даже более экзальтированно, в отличие от прозаического, где то или иное употребление и соединение слов выглядело бы нарочитым, неискренним. Поэтому отклонение от норм языка, их «расшатывание» носит более ярко выраженный характер, позволяет создавать образы, обладающие гораздо более значительным экспрессивным потенциалом [4, с. 50].

Любое слово, каждое речевое средство в художественной литературе используется для наилучшего выражения поэтической мысли, для создания таких образов, которые воздействовали бы на чувства и интеллект читателей.

Реализация экспрессивного плана поэтического текста заключается в том, чтобы дать читателю эмоциональный заряд и тем самым пробудить его мысль, заставить его взглянуть как-то по-новому на привычное, активизировать его творческое отношение к действительности.

Средством выражения экспрессии в художественном тексте являются тропы и стилистические фигуры.

Троп в широком смысле — система несопоставимых значимых элементов, иерархически организованных, мотивированных, участвующих в контекстуальных

отношениях семантического переноса (напр., троп в литературе, живописи, музыке, кино, пантомиме, психоанализе и т.п.), суть творческого мышления.

Троп в узком смысле – два взаимно несопоставимых значимых элемента, между которыми устанавливается отношение адекватности в рамках определенного контекста [18, с. 9].

Основными средствами художественной выразительности, используемыми славянскими писателями для реализации мотива русалки, являются эпитеты, сравнения, олицетворения и метафоры (см. таблицу 1). Отличительными свойствами данных тропов являются образность, двуплановость, экспрессивность.

Таблица 1

**Употребительность основных средств художественной выразительности
в произведениях славянских поэтов**
(данные приводятся в %)

Средства художественной выразительности Лексика в произведениях славянских поэтов	Эпитет	Метафора	Сравнение	Олицетворение	Всего:
Пушкин	14,5	5,4	1,9	1,9	23,7
Лермонтов	8,6	1,3	-	1,3	11,2
Мицкевич	46,0	4,6	7,9	6,6	65,1
Итого:	69,1	11,3	9,8	9,8	100

Наиболее употребительным средством художественной выразительности является эпитет – художественное, образное определение [21, с. 353]. Объясняется это особенностью художественного текста, который предполагает использование образов.

Собранный материал позволяет выделить основные функции, в которых используются языковые средства создания мотива русалки. Учитывая работы исследователей [3; 6; 26], мы выделяем изобразительно-конкретизирующую, характерологическую, эмоционально-оценочную и экспрессивно-образную функции. Данная классификация применима к нашему материалу.

Изобразительно-конкретизирующая функция в текстах славянских писателей связана с детализацией впечатлений, описаний чего-либо. Для славянских писателей наиболее значима конкретизация таких признаков, как размер, форма, цвет. Например, в стихотворении А.С. Пушкина «Русалка»: «И вдруг... легка, как *тень* ночная, / Бела, как ранний *снег* холмов, / Выходит женщина нагая / И молча села у берегов» (20, с. 321). Автор использует сравнение, сопоставляя русалку с явлениями окружающего мира, изображает ее красоту. М.Ю. Лермонтов же в стихотворении «Русалка» использует эпитет в изобразительно-конкретизирующей функции: «Там рыбок *златые* гуляют стада; / Там хрустальные есть города» (14, с. 394–395). Прилагательное высокой стилистической окраски «златые», т.е. «цветом или блеском напоминающий золото» (14, т. 1, с. 559), позволяет читателю представить сияние подводного мира, его красоту. В балладе А. Мицкевича «Рыбка» также используется сравнение: «*Główka jak naperstek drobna, / Oczko drobne jak paciórka*» (27, с. 299) – Головка, как *наперсток*, маленькая, / Глазик маленький, как *шарик*». Польский поэт конкретизирует размеры рыбки, изображая ее маленькой, подчеркивая безобидность русалки.

В функции характерологического средства рассматриваемые языковые единицы в произведениях писателей служат для создания портрета героя, подчеркивания неповторимых черт кого-либо, изображения внутреннего мира героя. Например, эпитеты, используемые в стихотворении А.С. Пушкина: «И снова дева над водою / Сидит, прелестна и бледна» (20, с. 322). Прилагательное «бледна» – «лишённый румянца, розовой окраски (о цвете лица, кожи)» (СП 2000, т. 1, с. 121) показывает неестественную бледность русалки, выдает ее нечеловеческую сущность, тогда как прилагательное «прелестна» подчеркивает красоту русалки. Кроме того, характерологическая функция проявляется в использовании колоративов в составе эпитетов. Например, в стихотворении М.Ю. Лермонтова: «Русалка плыла по реке голубой, / Озаряема полной луной» (14, с. 394). Прилагательное «голубой» – «имеющий цвет ясного неба, лазури (цвет спектра, располагающийся между зеленым и синим); светло-синий» (14, т. 1, с. 324) – используется для описания места обитания русалки. Окружающий пейзаж, наличие света изображают русалку положительным персонажем. В балладе «Рыбка» А. Мицкевича в характерологической функции используется эпитет: «I dziecię bierze do ręki, / U łona białego tuli» (27, с. 299) – «И ребенка берет на руки, / К лону белому прижимает». Существительное «łono» – «лоно» (7, т. 1, с. 410) дано в значении «грудь (как символ материнства, нежности, ласки)» (9, т. 1, с. 802), подчеркивает материнскую сторону существа, не отвергнувшего человеческие эмоции, прилагательное «białe» – «белый» (7, т. 1, с. 67), т.е. «имеющий цвет снега, молока, мела» (9, т. 1, с. 86), усиливает невинную, чистую сторону русалки. В балладе «Свитезянка» польского автора также используется эпитет для описания красоты русалки: «Wtem z zasłon błysną piersi łabędzie, / Strzelec w ziemię patrzy skromnie» (27, с. 63) – «Из занавесей мелькают груди лебединые, / Стрелок в землю смотрит скромно».

Эмоционально-оценочная функция является способом передачи отношения кого-либо к изображаемому, индивидуального взгляда на ситуацию. Например, А.С. Пушкин использует эпитет для выражения отношения монаха к русалке: «Всю ночь не спал старик угрюмый / И не молился целый день — / Перед собой с невольной думой / Все видел чудной девы тень» (20, с. 322). Прилагательное «чудный», т.е. «вызывающий восхищение, дивный, прекрасный» (22, т. 4, с. 981) отражает взгляд монаха по отношению русалке. Он восхищается ею, в его глазах русалка прекрасна и желанна. В стихотворении М.Ю. Лермонтова русалка обладает даром речи, выражает свое отношение к окружающему миру: «И пела русалка: “На дне у меня / Играет мерцание дня <...>”» (14, с. 394). Существительное «мерцание» в составе олицетворения «играет мерцание дня» имеет значение «слабый, неровный свет» (5, т.1, с. 857). Русалка описывает мир, в котором живет, осознавая его красоту, выражая свое восхищение им. Подводным миром восхищается и героиня баллады «Свитезянка» А. Мицкевича: «A na noc w łożu srebrnej topieli / Pod namiotami zwierciadeł, / Na miękkiej wodnych lilijek bieii, / Śród boskich usnąć widziadeł» (27, с. 63) – ««А на ночь в ложе серебряных пучин / Под палатками зеркал / На мягких водяных лилиях белых / Божественный сон видит». Существительное «lilijek», в польском языке являющееся уменьшительно-ласкательным (7, т. 1, с. 393)), а также прилагательные «białe» – «белый» (7, т. 1, с. 67) – «имеющий цвет снега, молока, мела» (9, т. 1, с. 86) и «серебряных» – «цветом или блеском напоминающий серебро» (9, т. 2, с. 588) даны для описания восхищения русалки подводным миром, где она живет.

Образно-экспрессивная функция связана с созданием образа в целях воздействия на читателя или описания окружающего мира. Например, в тексте А.С. Пушкина: «Дубравы делались черней; / Туман над озером дымился, / И красный месяц в облаках / Тихонько по небу катился» (20, с. 321). Существительное «дубравы» и прилагательное «черней» в значении «самый темный из всех цветов, имеющий цвет сажи, угля» (9, т. 2,

с. 986) в составе эпитета используется, чтобы показать, как меняется природа с приходом ночи. Метафора «туман дымился» используется автором для описания пейзажа, когда появляется русалка. Так мифическое существо отождествляется с чем-то мутным, неотчетливым. Прилагательное «красный» – «алый, багровый или близких оттенков» (22, т. 2, с. 414) – в сочетании с существительным «месяц» в знач. «луна» (22, т. 2, с. 597) дает представление об опасности появляющегося существа. Используя названные средства художественной выразительности, А.С. Пушкин создает образ опасности, который являет себя с наступлением ночи и приходом русалки. В стихотворении М.Ю. Лермонтова в образно-экспрессивной функции используется эпитет: «И старалась она доплеснуть до луны / *Серебристую пену* волны» (9, с. 394). Прилагательное «серебристый» имеет значение «цветом или блеском напоминающий серебро» (9, т. 2, с. 588) и изображает мир, окружающий русалку. А. Мицкевич в балладе «Рыбка» использует эпитет и олицетворение: «*Ku wodzie obraca kroki, / Gdzie łoża, gęsto spleciona, / Wzdłuż wykręconej zatoki / Okryła rzeki ramiona*» (27, с. 298) – «К воде поворачивает шаг, / Где лоза, *густо переплетенная*, / Вдоль скрученного залива / *Покрыла реки плечи*». Причастный оборот «густо переплетенная» дан для указания лозы как элемента одеяния реки, которая в балладе описывается живым существом, имеющим плечи, то есть человеческую часть тела.

Итак, славянские писатели используют разные средства художественной выразительности для создания мотива русалки, основными являются эпитеты, метафоры, сравнения и олицетворения. Анализ показал, что почти все они используются славянскими писателями. Исключение составляет сравнение, которое отсутствует в тексте М.Ю. Лермонтова. Помимо того, названные средства выполняют различные стилистические функции: изобразительно-конкретизирующую, характерологическую, эмоционально-оценочную и образно-экспрессивную. Изобразительно-конкретизирующая функция в текстах славянских писателей связана с детализацией впечатлений. А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов и А. Мицкевич используют сравнения в данной функции. В качестве характерологического средства языковые средства даны для создания портрета героя. Как правило, в данной функции используются эпитеты. В эмоционально-оценочной функции, которая является способом передачи отношения к чему-либо, используются эпитеты (А.С. Пушкин, А. Мицкевич) и олицетворения (М.Ю. Лермонтов). Образно-экспрессивная функция связана с созданием образа в целях воздействия на читателя. В данной функции используются эпитеты, олицетворения (А. Мицкевич) и метафоры (А.С. Пушкин).

В русских русалках больше мифологического действия, противоречия внешнего облика и поведения, целью которого является заманить в свои сети, овладеть кем-либо. Польский поэт показал русалку как с человеческой стороны (страдающую от неразделенной любви девушку), так и с мифологической, впрочем, не теряющей своих светлых сторон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкова Л. Р. Ключевые элементы в поэтическом тексте / Л. Р. Башкова // Русский язык в школе. – 2008. – № 2. – С. 49–52.
2. Блохинская А.В., Галимова Д.Н. Язык фольклора / А.В. Блохинская, Д.Н. Галимова // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – 2011. – №9. – С. 179–188.
3. Ваганов А.В. Сравнения в художественных произведениях М.А. Шолохова : специальность 10.02.01 – русский язык : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / А.В. Ваганов. – Ростов-на Дону, 1991. – 21 с.

4. Виноградов В. В. Лингвистический анализ поэтического текста (Спецкурс по материалам лирики А. С. Пушкина) / Публ., подг. текста и коммент. Н.Л. Васильева // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 2000. – №3– 4. – С. 304– 355.
5. Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян / Л.Н. Виноградова. – Москва : Индрик, 2000. – 431 с.
6. Волкова Т.Ф. Сравнения в речи диалектной языковой личности: дис. ... канд. филол. наук / Т.Ф. Волкова. – Томск, 2004. – 237 с.
7. Гессен Димитр, Стыпула Рышард. Большой польско-русский словарь. В 2-х томах. Около 80000 слов / Димитр Гессен, Рышард Стыпула. – Москва – Варшава: Русский язык – Ведза Повшехна, 1980.
8. Григорьева А.В., Шмакова Л.В. Язык фольклора как отражение менталитета нации / А.В. Григорьева, Л.В. Шмакова // Филологический аспект. – 2018. – №3 (35). – С. 279–286. – URL: <http://scipress.ru/philology/articles/yazyk-folklorakak-otrazhenie-mentaliteta-natsii.html> (Дата обращения – 25.03.2020). – Режим доступа : Научно-издательский центр «Открытое знание».
9. Ефремова Т.Ф. Новый толковый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. / Т.Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз., 2000. – 1290 с.
10. Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ : специальность 10.02.19 – теория языка : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / М.Р. Желтухина. – Москва, 2004. – 48 с.
11. Зеленин, Д.К. Восточнославянская этнография / Д.К. Зеленин. – Москва : «Наука», 1991. – 511 с.
12. Иванов В.В., Топоров В.Н. К реконструкции праславянского текста / В.В. Иванов, В.Н. Топоров // Славя некое языкознание (V Международный съезд славистов). – М., 1963. – 251 с.
13. Левкиевская Е. Е. Русалки / Е. Е. Левкиевская // Мифы русского народа. — Москва : Астрель ; Аст, 2000. — С. 233—256.
14. Лермонтов М.Ю. Русалка / М.Ю. Лермонтов // Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 - 1841 годы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 394–395.
15. Лотман Ю.М. Происхождение сюжета в типологическом освещении / Ю.М. Лотман // Избранные статьи: В 3-х т.-Таллин, 1992. – Т.1. – 480 с.
16. Матасова У.В. Мотив «водной девы» в творчестве немецких и русских писателей эпохи романтизма : специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (немецкая литература); 10.01.01 – русская литература : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Матасова Ульяна Валериевна. – Нижний Новгород, 2011. – 25 с.
17. Мусиенко С.Ф. Образ Русалки в славянском фольклоре, у А. С. Пушкина и А. Мицкевича / С.Ф. Мусиенко // Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре. – Москва : Наука, 2007. – 283 с. – С. 204–218.
18. Николенко Л. В. Лексикология и фразеология современного русского языка / Л.В. Николенко. – М.: Академия, 2005. – 144 с.
19. Новиков Л.А. Искусство слова / Л.В. Новиков. – М.: Педагогика, 1982. – 128 с.
20. Пушкин А.С. Русалка / А.С. Пушкин // Полное собрание сочинений в десяти томах. Издание четвертое. – Ленинград : Изд-во «Наука», 1977. – Т. 1. – С. 321–322.
21. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1985. – 357 с.
22. Словарь языка Пушкина: в 4 т. Том 2: 3-Н / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. // Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. — М.: Азбуковник, 2000. – 1088 с.
23. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика / Б.В. Томашевский. – М., 1931. – 334 с.
24. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / Под ред. Н.В. Брагинской. — М.: Лабиринт, 1997. – 449 с.

25. Хализев В.С Теория литературы / В.С. Хализев. – М. 1999. – 397 с.
26. Черноусова О.Н. Функционирование образных сравнений в региональной художественной прозе и устной речи диалектоносителей : специальность 10.02.01 – русский язык : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О.Н. Черноусова. – Волгоград, 2014. – 23 с.
27. Adam Mickiewicz. Świtezianka. Rybka / Adam Mickiewicz // Wiersze. – Warszawa: instytut wydawniczy związków zawodowych, 1997. – С. 60–65, 298–301.

A.D. Stakanova

MEANS OF EXPRESSING THE MERMAID MOTIF IN SLAVIC POETRY (BY THE MATERIAL OF THE WORKS OF A.S. PUSHKIN, M.YU. LERMONTOV AND A. MITSKEVICH)

The article deals with the main means of artistic expression used to create the mermaid motif, and their stylistic functions. The relevance of the topic is due to the need to compare the means of expressing the motif of the mermaid of Slavic poets, which will allow a deeper understanding of the idea of the work. During the study, stylistic functions and their meaning were determined.

Key words: *motif, tropes, stylistic functions, expressiveness*

УДК 81'42

Е.А. Суровежко

*ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»
(Научн. рук. к. филол. н., доцент Н.А. Стародубцева)*

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА ДИАНЫ АРБЕНИНОЙ

В статье охарактеризованы грамматические и лексические особенности глагольных единиц как средств репрезентации поэтической картины мира Дианы Арбениной. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения рок-поэзии как концепта поэтической картины мира, а также как субкультуры, влияющей на формирование взглядов молодого поколения. В исследовании обозначены особенности поэтической картины мира рок-певицы, выявлены черты «антипесен» поэтессы.

Ключевые слова: *рок-поэзия, поэтическая картина мира, Диана Арбенина, глагол, семантика.*

В рамках художественной картины мира в последние десятилетия ученые стали выделять поэтическую картину мира (далее = ПКМ) как подструктуру первой и ментальную основу поэтического творчества, которая способна наиболее широко отразить не только мировоззрение отдельной личности, но и менталитета народа в целом [3; 4; 7; 8; 10; и др.]. Среди отличительных признаков ПКМ Н.С. Болотнова выделяет антропоцентризм, субъективный творческий характер эстетического миромоделирования, вторичное отражение знаний о мире в художественных образах в процессе «языкомыслительной» деятельности автора, целостность, системность, опосредованную связь с реальной действительностью и изменчивость [3].

Ж.Н. Маслова свою концепцию определения сущности ПКМ основывает на ее определении как «иерархии концептов», где центральным концептом является концепт

«Я», который структурирует ментальное пространство с учетом своих ощущений, а лирический герой является одной из возможностей репрезентации концепта «Я» в поэтическом тексте [10].

Несмотря на регулярный интерес языковедов к исследованию ПКМ различных художников, долгое время рок-тексты не подвергались специальному рассмотрению с лингвистической точки зрения, что обусловлено как трёхчастностью искусства рок-поэзии (текст, музыка, исполнение), так и специфичностью текстов, которые могут включать внелитературные формы, нецензурную лексику [5; 6; 12; и др.].

«Русская рок-поэзия – разнородное и непрестанно развивающееся литературное явление, которое сложно объединить по каким-либо однозначным признакам» [9, с. 74]. Её смыслом является поиск свободы, соответственно, она всегда в конфликте, выражает протест, а рок-герой, вольнолюбивый и критично мыслящий, находится в тотально несвободном мире [5, с. 7–36].

Женский рок в России – явление исключительное, сформировавшееся в 90-е гг. XX в. Важное место в нем занимает Диана Арбенина – рок-певица, композитор и поэт [11, с. 11–12]. Созданные ею «Антипесни» (1991–2001 гг.) [1; 2], послужившие источником настоящего исследования, – это «произведения стихотворного жанра, которые никогда не становятся песнями» [терминология самой Д. Арбениной, из интервью 14.12.2004 г. «Новым известиям»], их также отличает отсутствие знаков препинания, кроме точки и двоеточия, практически полное отсутствие заглавных букв. Автор считает, что запятые лишают текст простоты, конкретики и лаконичности мысли.

Анализ текстов «Антипесен» Д. Арбениной показал, что важным средством репрезентации ПКМ автора является глагольная лексика, который вносит в речь различные смысловые нюансы [16; 17; 19], служит «значимым компонентом создания образа» [14, с. 156], обнаруживая «многообразие и специфику реализации того или иного значения в контексте» [13, с. 144]. Система глагольных форм активно участвует в речевых интенциях оценки, выражения эмоций, отношения; формы глагольных категорий передают авторское представление о пространстве и времени, конечности и бесконечности, о преходящем и вечном [18, с. 1107]. Из этого следует, что глаголы могут репрезентировать ПКМ более объёмно и многопланово.

Рассмотрение грамматических особенностей глагольных единиц, используемых в «антипеснях» Д. Арбениной, свидетельствует о единичном употреблении форм императива и об отсутствии форм страдательного залога, что указывает на силу и стремление к свободе лирического героя. Формы повелительного наклонения употреблены во 2 лице единственного числа, указывают на действие с положительной оценкой, когда лирический герой призывает «брать от жизни всё». Например: ***выкинь** computer. **тщательно** – почерк. / **проверяй** глаза на цвет / **завивай** пряди / и няню **зови** Ариной / **посещай** бары. **проставляйся** не глядя. / **ложись** на рассвете. / до пальцев **сжигай** папиросу* («дорогая и пушкин», 2000); ***найди** того кто сказал / что ночью нужно спать* («ночное», 1996) и др.

Преобладающими являются формы глаголов изъявительного наклонения, среди которых наиболее многочисленны глагольные единицы прошедшего времени (85 случаев употребления) и настоящего времени (68 словоупотреблений), будущее время встречается в «антипеснях» Дианы Арбениной намного реже (35 случаев использования). Единичны случаи употребления инфинитива как в зависимом, так и в независимом положении. Полученные данные позволяют говорить о заикленности лирического героя на прошлом и отсутствии планов на будущее. Живя прошлым, переключаясь на настоящее, он практически не думает о том, как будет существовать впоследствии: *и какое кому дело что ты / побывав в руках моих / заставила захотеть*

забыть? («свобода», 90-е); *я не умею ждать / но я научусь* («роза ветров», 1998); *и орать и стонать от боли покинутого / и поймут и умрут вместе / главное honestly!* («do you love me», 1994); и др.

Характеристика родовых значений глагольных форм не позволяет с точностью идентифицировать лирического героя в гендерном плане: Диана Арбенина меняет пол лирического героя от «антипесни» к «антипесне». В большинстве случаев преобладают претериальные формы мужского рода (53 словоупотребления): *я опять ушёл* <...> / *и не потому / что куда-то спешил* («я опять ушёл», 1994); *я к тебе приближился / стремительно как авиатор* («посвящается английским борзым», 1994); *и я понял / я именно понял – ничуть не борясь / с неизменным мне посланным родом – / что люблю тебя нежный мой друг* («здравствуй», 1994); и др. Зафиксировано всего 17 глагольных словоформ женского рода, единичны формы глаголов среднего рода.

С точки зрения лексической семантики наиболее частотными являются глаголы с семантикой бытия и существования, которые можно дифференцировать на три подгруппы: «своё», «чужое» и «философское».

Первая подгруппа «своё» включает бытийные глаголы, относящиеся только к лирическому герою. Все глагольные единицы данной подгруппы (вслед за Н.Ю. Шведовой [15]) можно отнести к двум фазам бытия: фаза собственно бытия, существования и фаза конца бытия. Они представлены как базовыми глагольными словоформами, типа *быть*, так и не базовыми *стать*, *ждать*, *стоять*: *я закрываю глаза. я пытаюсь стать тенью твоей.* («я хочу тебя», 1993); *тебя ли я ждал к тебе ли спешил / проклиная растянутость материков?* («всхлип», 1994); *но пока я стою / вдыхая запахи дома* («я могу уйти», 1994); и др.

Вторая подгруппа «чужое» включает в себя глаголы бытия и существования, указывающие на 2-е или 3-е лицо, которые могут быть связаны как с лирическим героем, так и нет. Анализ показал, что внутри подгруппы выявлены такие фазы бытия, как фаза предбытия, фаза возникновения, начала бытия, фаза собственно бытия, существования и фаза конца бытия. Глаголами перечисленных фаз выступают как базовые *родиться*, *быть*, так и не базовые *стоять*, *стартовать*. Например: *ты в следующий раз родишься / ты именно здесь: / наш север forever* («роза ветров», 1998); *«наш слаженный экипаж стартовал в сотый раз»* («эшафот не сломался», 1995).

Наиболее многочисленная подгруппа «философское» включает глаголы бытия и существования, которые используются, когда речь идёт о каких-либо глобальных смыслах и понятиях. Внутри подгруппы выявлены фаза предбытия, фаза возникновения, начала бытия, фаза собственно бытия, существования и фаза конца бытия. Базовыми глаголами являются *быть*, *наступать*, *существовать*, не базовыми – *догореть*, *идти*. Например: *наступит день, когда они [голоса] придут к нам с тобой* («do you love me», 1994); *я знаю что будет когда ты уйдёшь: / дожди...* («роза ветров», 1996); *день догорает уходит обратно в царство оков* («я хочу тебя», 1993); *а когда идёт дождь – всё умывают капли* («do you love me», 1994); и др.

Расширение ЛСГ бытия и существования происходит за счет использования языковых единиц других ЛСГ в переносном значении, их метафоризации: *замусорен эфир я стекленею / но покидаю воздух не дыша* («мне холодно вчера», 1995); *закрученные в узел виражи / и насекомое напившееся яду / дробят себя в цветные витражи* («чтобы родиться», 1994); и др.

Глаголы речевой деятельности и глаголы звучания можно разделить на четыре подгруппы в соответствии со степенью интенсивности речи / звука: нулевой: *ты возвращаешься и молчишь так тихо!* («ночное», 1996); низкой: *свобода спасибо тебе родная! <...> и не шутя ты шепчешь слова* («свобода», 90-е); *шуршит песок / утопают следы* («роза ветров», 1998); нейтральной: *классики иногда слишком явно*

лгут («можно закрыть дверь», 1995); *ничего что ты не умеешь говорить* им своё / *пересохшее "спасибо"* («do you love me», 1994); высокой: *и орать и стонать* от боли покинутого («do you love me», 1994); *прицельсь ба-бахну / и козлик подпрыгнет!* («дорогая и пушкин», 2000); и др. Отмечено также использование глагольных словоформ в переносном значении: *здесь время диктует* броун («брамс», 1995); *и пусть стонет твой лист и не устает карандаш* («мне бы петь о любви», 1944); и др.

Общепринятая антонимия смыслов «молчание» – «речь» в ПКМ Д. Арбениной реализуется через оппозицию «молчание» – «крик». Это обнаруживается не только в примере использования глаголов *молчать* – *кричать*: *молчать о тебе? кричать?* («прогулка от дома к дому», 1995), но и реализуется в контексте иными языковыми средствами, эксплицирующими данные значения: *но-таки пришли и горло вперед / рванулось сметая стены границ* («я опять ушел», 1994); *оседает на связках / щемящего имени слово* («я могу уйти», 1994).

В ходе анализа глаголов движения была выявлена категориальная сема «перемещение в пространстве» и интегральная – перемещение в антонимичных сферах «земля» и «воздух». Данные смыслы репрезентируются в исследуемых текстах чаще всего с помощью словоформ глаголов *идти* и *лететь* и их производных (всего 18 словоупотреблений): *идти, уйти, прийти, выйти, зайти, ходить* :: *лететь, взлететь, пролететь*. Единицы с высокой степенью интенсивности усиливают динамизм поэтического текста: *ты с видом побитой собаки по улице бешено мчалась* («посвящается английским борзым», 1994). В приведенном фрагменте на высокую интенсивность указывает не только семантика глагола-интенсификата *мчаться*, но и наречие-интенсификатор *бешено*, способствующее актуализации выражаемых смыслов.

Внутреннее, психологическое состояние героев в лирике Д. Арбениной раскрывается с помощью глаголов эмоционального состояния и отношения, которые характеризуют физическую или душевную усталость героев, растворение в своих чувствах, тоску по кому-то или любовь к кому-то.

Глагольные единицы в данных случаях имеют как положительную оценку (*любить, пылать страстью*), так и негативную (*устать, не улыбаться*). Зафиксировано в рассматриваемых текстах 17 глагольных единиц с положительной оценкой и 20 – с отрицательной. Самыми частотными среди первой группы являются глагол *любить* и его английский эквивалент *love*, среди второй – *ненавидеть, не любить, презирать*. Анализ текстов позволяет сделать вывод о том, что в «антипеснях» Дианы Арбениной доминирует грустное, но не подавленное настроение; отмечены случаи, когда лирический герой склонен к мизантропии (уход в себя): *всё можно / только honestly like a crystal. / я утону в себе* («do you love me», 1994).

Семантика интеллектуальной деятельности в исследуемом материале реализуется с помощью глаголов восприятия (*чтобы молчать – нужно много видеть* («продолжаю», 2000); *старая женщина: / в холоде аудитории / фразы бессмысленно-умные. / вдруг тишина – / грустно смотрит в окно* («старая женщина», 1995); и др.); понимания (*и я понял. / я именно понял – ничуть не борясь / с неизменным мне посланным родом / что люблю тебя нежный мой друг* («здравствуй», 1994); и др.); познания (*я знаю когда ты спиною / хотя и не в полный рост* («брамс», 1995); и др.); мышления (*мой ласковый казанова / мы верно сошли с ума* («прогулка от дома к дому»); и др.); решения (*просто вы решались прийти / долго* («я опять ушел», 1994)); воображения и предположения (*лев помечтает о тайге* («все живут», 1997)); проверки (*выкинь софтвер. тщательно – почерк. / проверь глаза на цвет* («дорогая и пушкин», 2000)). Каждое из них отражает в различной степени способность лирического героя к пониманию окружающего мира.

Ядерной частью в русском языке принято считать глаголы ЛСГ мышления, понимания и познания. В исследуемом материале наиболее частотными являются глагольные единицы восприятия, понимания и познания, что свидетельствует о тяге лирического героя к наблюдению, изучению и пониманию мира, в котором он находится. Несмотря на то, что герой склонен к мизантропии, он не заиклен на своих мыслях и мечтаниях.

Не выявлено базовых глаголов *думать, мыслить*, однако зафиксированы синонимичные эквиваленты и описательные обороты, реализующие смысл в контексте, например, *я жду весну и осторожно / мысли пускаю вовне* («ночное», 1996).

Экспрессивизации высказывания, созданию метафорической многозначности часто способствует в «антипеснях» Д. Арбениной нарушение лексической сочетаемости глагольных единиц в контексте: *они [губы] берут осторожными руками / твоё солнечное сплетение и расплетают его* («do you love me», 1994); *мимо глаз летят рыбы и птицы* («ночное», 1996); *пусть стонет твой лист и не устает карандаш* («мне бы петь о любви», 1994); и др.

Таким образом, к особенностям ПКМ Дианы Арбениной можно отнести отсутствие таких классических для рок-текстов черт, как агрессивность, мрачность, разрушение, но при этом отметить выражение свободы, любви, тоски, воли, движения, стремления. Проведённый анализ глагольных единиц позволяет установить, что семантическая ёмкость данной части речи, специфика ее синтагматических и парадигматических свойств, возможность реализовать в контексте одновременно несколько смыслов способствует созданию художественной многоплановости поэтического текста. Исходя из того, что автор «антипесен» – женщина, а для субкультуры допустима и однополая любовь, можно говорить о преобладании глагольных форм мужского рода. Это свидетельствует об амбивалентности образа лирического героя в «антипеснях» Арбениной, который выступает как одушевленный субъект, но при этом отмечено стремление показать восприятие мира человеком вообще, независимо от его пола.

Глаголы служат важным средством репрезентации ПКМ Дианы Арбениной: лексическая и грамматическая семантика единиц данной части речи способствует репрезентации таких характерных черт ПКМ, как эгоцентризм, динамизм и повышенная экспрессивизация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбенина, Д. Бег / Д. Арбенина. – Москва: АСТ. – 2017. – 384 с.
2. Арбенина, Д. Дезертир сна / Д. Арбенина.. – 2007. – Режим доступа: http://old.arbenina.com/books/2007_dezertir_sna.html
3. Болотнова, Н.С. Поэтическая картина мира и её изучение в коммуникативной стилистике текста / Н.С. Болотнова // Сибирский научный журнал, 2003, № 3–4. – С. 198–207.
4. Буйнов, И.А. Политические мотивы в рок-поэзии рубежа XX-XXI веков / И.А. Буйнов // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки, 2010, № 4. – С. 9–14.
5. Доманский, Ю.В. Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. / Ю.В. Доманский. – Екатеринбург; Тверь: УрГПУ, 2013. – Вып. 14. – С. 7–36. – Режим доступа: http://journals.uspu.ru/attachments/article/633/2014_2013.pdf
6. Доманский, Ю.В. Русская рок-поэзия: текст и контекст: сб. науч. тр. / Ю.В. Доманский. – Екатеринбург; Тверь, 2017. – Вып. 17. – С. 188–213. – Режим доступа: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/1510/Rock17.pdf>
7. Дреева, Д.М. Поэтическая картина мира: к определению понятия / Д.М. Дреева, Семенова Т.В // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2–3 // Электронный научный журнал : [сайт]. – 2015. – Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23763>.

8. Казарин, Ю.В. Языковая картина мира и текст / Ю.В. Казарин // Изучение лексики, грамматики и текста в аспекте концепции языковой картины мира: Тез. докл. и сообщ. – Екатеринбург, УрГУ, 1994. – С. 17–19.
9. Кожевникова, Т.С. Основной конфликт русской рок-поэзии и его формообразующие свойства / Т.С. Кожевникова // Вестник Челябинского государственного университета, 2011, Вып. №3 (218). – С. 74–77.
10. Маслова, Ж.Н. Поэтическая картина мира: методологическое обоснование / Ж.Н. Маслова // Вопросы когнитивной лингвистики, 2011, № 1 (026). – С. 120–128.
11. Марголис, М.М. Редкая птица. Первая авторизованная биография Дианы Арбениной и «Ночных снайперов» / М.М. Марголис. – Москва: Эксмо, 2020. – 264 с.
12. Соболев, И.Д. Лингвопрагматический потенциал текстов современных немецкоязычных песен (стиль рок) : дисс. ... канд. филолог. наук: 10.02.04 – германские языки / Соболев Игорь Дмитриевич; Московский городской педагогический университет. – Москва, 2019. – 210 с.
13. Стародубцева, Н.А. Глагольные средства выражения родственных отношений в лексиконе диалектоносителей (на материале речи жителей полиэтнических территорий Волгоградской области) / Н.А. Стародубцева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. Т. 15. – 2016, № 4. – С. 143–151.
14. Стародубцева, Н.А. Средства выражения нравственного идеала в языке житий русских святителей синодального периода / Н.А. Стародубцева // Научный диалог, 2018, № 12. – С. 152–165.
15. Шведова, Н.Ю. Русские бытийные глаголы и их субъекты // Слово и грамматические законы языка: Глагол / Н.Ю. Шведова, В.Н. Белоусов, Г.К. Касимова. – Москва : Наука, 1989. – С. 5–171.
16. Шведова, Н.Ю. Глагол как доминанта в системе русской лексики / Н. Ю. Шведова // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова). Редкол.: М.В. Ляпон (отв. ред.) и др. – Москва: ИРЯ, 1995. – С. 409–414.
17. Яковенко, Е.Н. Глагольная лексика как средство создания авторской языковой картины мира: функционально-семантический аспект: на материале языка романа Е. Замятина "Мы": автореф. дисс. ... канд. филолог. наук: 10.02.01 – русский язык» / Яковенко Елена Николаевна; ГОУ ВПО «Кубанский государственный университет». – Краснодар, 2008. – 146 с.
18. Kazachuk, I.G. Text-forming function of verb forms in poetic prayers of Z. Gippius / I.G. Kazachuk, N.V. Glukhikh, A.A. Mironova // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. – 2020. – ISCKMC 2020 International Scientific Congress «Knowledge, man and civilization». – P. 1107–1113. – Режим доступа: https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/10064/13837/article_10064_13837_pdf_100.pdf
19. Rev Kadigamuwe, A.Th. Construction «Verb + accusative case without preposition»: acquisition by Sinhala students / A.Th. Rev Kadigamuwe, E.N. Baryshnikova, B.M. Volkhonsky. // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. – 2020. – SCTMG 2020 International Scientific Conference «Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism». – P. 2495–2502. – Режим доступа: https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/10040/11780/article_10040_11780_pdf_100.pdf

E.A. Surovezhko

MEANS OF REPRESENTING THE POETIC WORLDVIEW OF DIANA ARBENINA

The article characterizes the grammatical and lexical features of verbal units as a means of representing the poetic picture of the world of Diana Arbenina. The relevance of the study is due to the need to study rock poetry as a concept of a poetic picture of the world, as well as a subculture that influences the formation of the views of the younger generation. The study

outlines the features of the poetic picture of the world of the rock singer, reveals the features of the "anti-songs" of the poetess.

Key words: rock poetry, poetic worldview, Diana Arbenina, verb, semantics.

УДК 82'09

Д.С. Тыщук
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ КОНТЕКСТ ПРОБЛЕМАТИКИ ПОВЕСТИ М. АБРАГЯН, В. ПОСТНИКОВА «ШОКОЛАДНЫЙ ДЕДУШКА»

В статье рассматривается проблематика повести М. Абрагян, В. Постникова «Шоколадный дедушка» в духовно-нравственном контексте. Духовно-нравственный контекст понимания проблематики, раскрывающейся между строк литературного произведения для маленького читателя, позволяет говорить о возможности формирования в представителях подрастающего поколения важнейших духовно-нравственных ценностей: доброты, уважения к тому, кто рядом, способности к сопереживанию и помощи. Названная проблематика раскрывается на материале образов Оскара Паульсена и его внуков Мартина и Матильды, а также сестер Паульсен, Хельги, Агнес, Магды. Протиповопоставление как основной прием формирования образной системы произведения иллюстрирует гуманистическое видение духовно-нравственных ценностей человека, что составляет воспитательное и эстетическое значение избранного к анализу произведения.

Ключевые слова: литературное произведение, проблематика, духовно-нравственный контекст, ценности.

Современная русская детская литература предлагает юному читателю определенный корпус литературно-художественных образцов, обладающих мощнейшим эстетическим и воспитательным потенциалом. Одним из примеров таких произведений является повесть Н. Абрагян и В. Постникова «Шоколадный дедушка». В тексте повести с увлекательным и понятным для маленького читателя сюжетом воспроизведены проблемы, имеющие важнейшее значение в личностном становлении ребенка. Речь идет об уважительном отношении к членам семьи, выполнении домашних обязанностей, первым шагам к самопониманию. Духовно-нравственный контекст понимания проблематики, раскрывающейся между строк литературных произведений для маленького читателя, позволяет говорить о возможности формирования в представителях подрастающего поколения способности быть человеком с большой буквы. Данное эстетическое обстоятельство иллюстрирует основную функцию искусства в целом и литературы как искусства слова в частности – влиять на личность таким образом, чтобы она духовно совершенствовалась и душевно росла.

Цель предложенной статьи – рассмотрение проблематики повести М. Абрагян и В. Постникова «Шоколадный дедушка» в духовно-нравственном контексте.

В центре сюжета повести «Шоколадный дедушка» – норвежская семья Сьюрсен: отец Ивар, мать Марта, четырехлетний сын Мартин и восьмилетняя дочь Матильда.

Приезд любимого родственника, двоюродного дяди Марты Оскара Паульсена вносит изменения в привычный уклад жизни семьи.

Причина приезда необычного дедушки – традиционная Ярмарка Сладостей, ежегодно проходящая в Бергене.

Согласно жанровым характеристикам, повесть «Шоколадный дедушка» является литературной сказкой. «Установка на вымысел, как один из отличительных признаков сказки; направленность на детскую аудиторию; сочетание образовательной, воспитательной и развлекательной функций; существование в сознании читателя яркого прототипического образа данных произведений, которым является народная сказка» [5, с. 107-108] представляются именно теми теоретико-литературными параметрами, которые позволяют читателю не только осознать сюжет произведения, но и понимать сущность образов, описанных событий, важнейший смысл литературного произведения, который размещается между строк.

Следует отметить, что концептуальным фактором, обеспечивающим понимание проблематики повести юным читателем, является его сказочность.

Речь идет о проблеме взаимоотношений в семье, отношения личности к миру и ее самопонимания. Очерченные проблемы имеют духовно-нравственный контекст, поскольку представляются в тексте в глубоко гуманистическом свете, ориентированы на формирование у юного читателя умения быть толерантным участником общественных отношений, занимать активную жизненную позицию.

Объединяющим персонажем для рассмотрения проблематики повести является Оскар Паульсен, называемый автором Шоколадным дедушкой. В образе Паульсена отображаются прекраснейшие человеческие черты – доброта, отзывчивость, чувство юмора, уважение к окружающим, находчивость, обусловленная высочайшим интеллектом, умение сглаживать конфликты.

Персонаж привлекает читательское внимание необычным внешним обликом.

Необычный, в чем-то сказочный внешний вид подсказывает читателю, что описываемый персонаж – добрый, располагающий к себе:

«Он был высокий, не толстый, но плотный, со всклокоченной морковно-рыжей шевелюрой и густой бородой. На кончике носа красовались круглые очки. Дедушка глядел поверх очков и смешно щурился. На вид ему было лет пятьдесят» [1].

Авторская интерпретация целостного понятия «сладости», а в тексте повести концепта «шоколад», является продуманным эстетическим шагом для привлечения внимания юного читателя. Эпитет «шоколадный» символично раскрывает важность присутствия в характере человека умения наслаждаться маленькими, доступными радостями, становясь при этом счастливее, отзывчивее, добрее.

В тексте повести названы экстраординарные способности Шоколадного дедушки.

Оскар Паульсен обладал сильнейшим обонянием:

«У него нюх, как у ищейки, – он сладкое чует за километр. Поэтому прятать от него сладости бесполезно. К тому же он сам так засахарился, что прилипает ко всему, до чего только дотронется, и вдобавок всюду оставляет липкие следы. У него даже вся одежда сладкая – и пиджак, и штаны, и ботинки!» [1]. Подобная характеристика персонажа не может не понравиться маленькому читателю: авторская повествовательная манера юмористическая, добрая, непринужденная.

Сам персонаж объясняет внукам: «Я устроен по-другому. Обычные люди толстеют от мятных пряников, а я – от тушёных овощей» [1].

Кроме того, дедушка Паульсен не спит в кровати, потому что «для тех, кто питается исключительно сладким, полезнее всего спать вниз головой – от этого улучшается кровообращение» [1].

Внешняя легкость характера, простота общения обусловлена глубокой толерантностью дедушки Оскара, неконфликтного, настоящего гуманиста, не желающего отягощать окружающих особенностями своего образа жизни. Данное обстоятельство формирует ключевой смысл духовно-нравственного понимания проблематики повести.

Автор объясняет выбор Шоколадным дедушкой отшельнического образа жизни: «Люди разные. Одни могут радоваться твоей необычности, а другие могут и обидеть, и обозвать, и даже устроить на тебя охоту. Поэтому дедушка Оскар (правда, тогда он был ещё не дедушкой, а восемнадцатилетним юношей) решил построить себе в лесу дом, чтобы быть как можно дальше от ненужного внимания» [1].

Автор наделяет персонажа не чертами эгоистичного отшельника, а напротив: своим умышленным уединением от общества герой предупреждает вероятные непредсказуемые, и возможно, негативные реакции на его необычность со стороны других людей. Герр Паульсен относится к окружающим с глубоким уважением (речь идет об уважении личностного достоинства, взглядов, убеждений) к людям независимо от возраста, статуса, степени родства и социальных связей.

Уважение – «врожденная человеческая ценность и моральный долг по отношению к людям» [2, с. 189] Действовать уважительно по отношению к другим – «означает главным образом не знаки уважения, а непосредственное признание прав окружающих» [2, с.190]. Дедушка Оскар признает за другими людьми право не воспринимать его или не понимать, в чем кроется истинная сущность уважения как основы общественного функционирования личности.

Юный читатель, сопровождая Мартина и Матильду в продвижении по сюжету произведения, наблюдает, каким образом меняются их взаимоотношения с появлением Шоколадного дедушки. Дети становятся терпимее друг к другу, стараются помогать оказывать взаимную помощь и поддержку.

Модель отношения к людям, избранная Шоколадным дедушкой, становится примером для ребят относительно взаимоотношений в их семье.

До приезда дедушки Оскара брат и сестра ведут себя совершенно по-детски, эгоистично, нелепо: «Будь у Мартина даже десять своих столов, он бы всё равно рисовал за столом Матильды. Потому что всякий уважающий себя младший брат считает своим долгом доводить до белого каления старшую сестру. А старшая сестра в отместку изводит младшего брата занудными нравоучениями и дурацкими запретами. Такие вот высокие отношения» [1].

Положительные изменения происходят постепенно: «Мартин с благодарностью глянул на неё. С тех пор как приехал дедушка, она не сделала брату ни одного вредного замечания. Да и Мартину не хотелось её задирать. Определённо, приезд дедушки пошёл им на пользу и отбил охоту ссориться» [1].

Дедушка Оскар подает детям пример оптимизма и жизнелюбия. В очередной беседе о собственной зависимости от сладкого, герой говорит внукам: «Только вы не думайте, что я жалуясь, я самый счастливый человек на свете, потому что каждый день съедаю килограммы сладкого, и вреда они мне не причиняют, а совсем наоборот – приносят пользу! А ещё я самый счастливый человек на свете потому, что у меня самые прекрасные на свете внуки Матильда и Мартин. Честно! А то, что в моей жизни иногда случаются несуразности, так это ведь здорово! Без них как-то неинтересно жить» [1]. Восприятие жизни персонажем исходит из его любви к родственникам и умения не отчаиваться перед трудностями и испытаниями.

Важно, что Шоколадный дедушка – очень доброжелательный, но при этом умеет тактично дать отрицательный ответ, доходчиво обозначить свою позицию или выразить мнение.

На несправедливое высказывание Матильды по поводу его жадности, Шоколадный дедушка отмечает: «Нет, деточка, я не жадный. Я делюсь сладостями, когда их у меня много. А когда сладостей мало, я делиться ими не могу. Потому что без них я начинаю слабеть. Могу даже в обморок грохнуться» [1].

Герр Паульсен также обладает важнейшим талантом в сфере межличностного общения – умеет сглаживать конфликтные ситуации. Так, оказавшись с внуками в ресторане «Норвежский поросенок», дедушка обращается к официанту с просьбой о корректировке состава ингредиентов одного из блюд. Используя ресурс юмора, собственную моральную стойкость, Оскару не просто удается переубедить непреклонного шеф-повара в возможности отступления от привычного состава блюда, но еще и оставить о себе исключительно положительное впечатление.

Повар месье Бюаш с удивлением констатирует: «Оскар хотел метнуть в меня пирог, – ответил месье Бюаш. – Но потом разглядел его и поставил на место. Сказал, что лучше признает своё поражение, чем станет портить такую красоту. А как я могу драться с человеком, который так уважительно относится к моей выпечке?» [1].

Ключевое сюжетное событие повести, Ярмарка Сладостей, – эстетическое средство для воспроизведения характерологического противопоставления.

В тексте повести отмечено об особенной масштабности и значимости праздника: «Лучшие кондитеры мира представят вашему вниманию самые вкусные сладости: пряничные домики, вафельные кораблики, имбирные пирамиды, сахарные башни, шоколадные дворцы и даже карамельные воздушные замки! Победитель получит большую золотую медаль из рук самого Короля! А ещё вас ждёт грандиозный сюрприз – самый большой в мире шоколадный торт. Не пропустите волшебный праздник года!!!» [1].

Если Шоколадный дедушка приехал в Берген, что принять участие в ярмарке, показать вкуснейший кактусовый мед и насладиться атмосферой праздника, то сестры Паульсен, Магда, Ангнес и Хельга прибыли в город, чтобы испортить торжество. Образ героинь воплощают агрессивность, исходящую из собственной несчастья, которая объясняет стремление принести обществу вред.

Уже в описании внешнего облика героинь автор умышленно избирает средства демонстрации негативности: «Дамы были родными сёстрами. Звали их Магда (синее пальто), Ангнес (вязаный кардиган) и Хельга (твидовый костюм). Магде было 62 года, Ангнес – 59, а Хельге вообще 64 года. Дети, конечно же, посчитали бы их старушками. Взрослые назвали бы пожилыми женщинами. А сами Магда, Ангнес и Хельга мнили себя дамами среднего возраста» [1].

Гости города обладают скверными характерами и испытывают полнейшее отвращение ко всеми сладкому: «Сёстры отличались чрезвычайно вредным характером. И ещё: больше всего на свете они ненавидели сладости. С самого раннего детства вместо пирожных и конфет они требовали что-нибудь солёное или перчёное. Всё что угодно, только не сладкое!» [1]. Сложность характеров героинь не исчерпывается специфическими вкусовыми предпочтениями.

В диалоге с водителем такси о вопросах воспитания одна из сестер, Магда без стеснения, заявляет, что детей, которые любят сладкое, нужно систематически подвергать телесным наказаниям. Далее в тексте повести героиня аргументирует свою позицию: «Чтобы шёлковые были. К вашему сведению, в приюте, где мы воспитывались, девочек пороли розгами. За малейшую провинность. А по субботам пороли всех без исключения – на всякий случай. Вот скажите мне, вы наказываете своих детей?» [1].

Отрицательный ответ на вопрос становится причиной вспышки агрессии, отображенной в фразе: «На вас нужно написать жалобу в городской совет. Пусть городские власти знают, что вы – плохой отец» [1].

Проявления агрессии в поведении человека всегда имеет причины. «Агрессивные действия мотивированы разнообразным анверсивным опытом – фрустрацией, болью, оскорблением» [4, с. 31]. Как было отмечено выше, сестры воспитывались в жестокости. Дефицит любви и доброты – причина их соответствующего поведения и отношения к окружающим. Сестры Паульсен испытывают отвращение не к сладостям как таковым, это внешняя поза.

«Агрессивность как черта личности описывается в терминах стабильности и транситуативности. Ее стабильность обнаруживается в устойчивости на протяжении относительно продолжительных периодов жизни, а транситуативность связана не столько с конкретной ситуацией (внешними обстоятельствами), сколько собственно с личностными (внутренними) причинами» [3, с. 57]. Сестер раздражает, что люди, могут позволить себе любить сладости, общаться с любимыми людьми и просто быть счастливыми. Парадоксально, но сестры самостоятельно лишили себя возможности быть счастливыми, наполнив свои жизни злостью, агрессией, ненавистью.

Неудивительно, что в отношении между собой они также проявляют подобные чувства. Эмоциональные приоритеты в отношениях между сестрами – желание показать собственное превосходство, отсутствие теплоты и душевности.

Цель приезда сестер в город – уничтожить все сладости, сделать все, чтобы дети не чувствовали себя счастливыми, утратили ощущение атмосферы детства. В тексте отмечается: «Мы хотим, чтобы всё стало по-старому. Чтобы дети боялись взрослых и ходили по струнке» [1].

С точки зрения духовно-нравственного контекста понимания смысла повести, такие желания взрослых людей говорят об их глубочайшей душевной несчастью, которую нужно и можно преодолеть.

До определенного момента сестрам Паульсен удается осуществлять задуманное. Первый шаг на пути к желаемому был проделан в кондитерской Сварре Нильсена: «Воспользовавшись тем, что он отвлекся, сёстры украдкой вытащили из сумок бумажные кулёчки и разбрелись по разным углам магазинчика. И, пока мама с мальчиком выбирали макарены, а потом еще и ягодное печенье и марципановый торт, сёстры спешно посыпали содержимым кулёчков сладости на витринах. В кулёчке Магды был белый перец, у Агнес – молотый имбирь, а у Хельги – соль» [1]. Сладости были безнадежно испорчены, хозяин кондитерской, дети и родители ужасно огорчены. «Существенное значение имеет успешность агрессивных действий: достижение успехов при проявлении агрессии может заметно повысить силу ее мотивации, а постоянно повторяющийся неуспех – силу тенденции торможения» [1]. Так, сестрам трижды удается реализовать коварные планы.

В кондитерском магазине «Шоколадная корова» все сладости были испорчены солью, белым перцем и молотым имбирём. В третий раз сестры испортили любимые детские лакомства в кафе при городском магазине игрушек.

Негатив, полученный горожанами и их детьми, является причиной радости злодеек. Магда обращается к сестрам: «Мы сегодня здорово поработали – испортили сладости в двух кондитерских и в магазине игрушек. Почему бы нам не отметить столь удачный день хорошим обедом?» [1].

Автор противопоставляет поведению злых сестер поведение Шоколадного дедушки. Оказавшись в магазине игрушек в момент разоблачения коварства старух, он мгновенно реагирует и находит метод сгладить напряженность, раздает всем детям

конфеты. Такой поступок говорит, в первую очередь о его доброте, главном человеческом качестве.

Смекалка Оскара становится препятствием для угон сестрами грузовика, наполненного конфетами. Конфеты были заготовлены для проведения Ярмарки сладостей, а ведь ее срыв был наиглавнейшей целью сестер злодеек. Агрессия героинь от подобного разворота событий только нарастает.

Не теряя надежды на доведение преступного дела до конца, сестры Паульсен тщательно готовятся к тому, чтобы испортить огромный шоколадный торт для проведения финальной части Ярмарки Сладостей. Сёстры Паульсен всё очень хитро придумали. Они знали, что посыпать торт специями не получится – их все заметят. Поэтому сёстры всю ночь варили сироп из горчицы, имбиря, перца чили и соли. Варено получилось невероятно горьким и отвратительным на вкус» [1].

Удивление и разочарованию сестер нет предела, когда они осознают, что шоколадный торт был изготовлен для шуточного боя. Так, в финальной части Ярмарки Сладостей «несколько десятков взрослых взобрались на сцену, схватили по куску шоколадного торта и стали швыряться ими в толпу» [1].

Сестры Паульсен «были очень расстроены. Оказывается, большой шоколадный торт, который они так тщательно пропитали горьким сиропом, никто не собирался есть! Его испекли для шуточного шоколадного боя! И теперь они, приличные дамы среднего возраста, не переносящие на дух сладкое, были измазаны с макушки до пят ненавистным шоколадным кремом! Сёстры затопали ногами, закричали и принялись грозить всем кулаками» [1]. Очень важно для юного читателя, что автор намеренно не вводит в сюжет произведения ответную агрессивную реакцию со стороны других персонажей: зло не получает ответ злом.

Рассмотрение проблематики повести Н. Абрагян, В. Постникова «Шоколадный дедушка» в духовно-нравственном контексте – перспективное направление дальнейших исследований, свидетельствующих о педагогическом и эстетическом потенциале современных русских детских литературных произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрагян Н., Постников В. Шоколадный дедушка / Н. Абрагян, В. Постников. – Режим доступа: http://loveread.me/read_book.php?id=62273&p=1
2. Ахундова Дж. Ш. Уважение, его основа и типы / Дж. Ш. Ахундова // Вестник ТГПУ. – 2013, № 31 (129). – С.188–192.
3. Дорфман Л. Я., Шестакова Е.Г. Агрессивное поведение и агрессивность личности / Л.Я. Дорфман, Е.Г. Шестакова // Образование и наука. – 2009, № 7 (64). – С.51–57.
3. Зубова Л.В. О природе агрессивности личности / Л.В. Зубова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004, № 5 (30). – С. 27–33.
4. Намычкина Е.В. Сказка как литературный жанр / Е.В. Намычкина // Вестник Вятского государственного университета. – 2010, № 3–2. – С.103–109.

D.S. Tysshuk

THE SPIRITUAL AND MORAL CONTEXT OF THE PROBLEMATIC OF THE NOVEL BY M. ABRAHYAN, V. POSTNIKOV «CHOCOLATE GRANDFATHER»

The article deals with the problems of the story by M. Abrahyan, V. Postnikov «Chocolate grandfather» in a spiritual and moral context. The spiritual and moral context of understanding the issues revealed between the lines of a literary work for a young reader

allows us to talk about the possibility of forming the most important spiritual and moral values in the representatives of the younger generation: kindness, respect for those who are nearby, the ability to empathize and help. The problem is revealed on the material of the images of Oscar Paulsen and his grandchildren Martin and Matilda, as well as the sisters Paulsen, Helga, Agnes, Magda. Prototyping as the main method of forming the figurative system of a work illustrates the humanistic vision of the basic spiritual and moral values of a person, which constitutes the educational and aesthetic significance of the work chosen for analysis

Key words: literary work, problems, spiritual and moral context, values.

СОДЕРЖАНИЕ

Словообразование и грамматика

Агаркова М. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Сложнопроизводные отаббревиатурные прилагательные в синхронном аспекте	4
Брацун Д.А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Принципы описания аббревиатурного ономаσιологического поля «географические объекты»	9
Будник С.А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Когнитивно-ономаσιологический анализ глагола «покоиться»	14
Коновалова М.В. (ГБОУ ВО «Брянский государственный университет им.акад. И.Г. Петровского») Анализ функциональной омонимии частей речи в русском языке на примере омокомплекса «хорошо»	18
Кривошапова Н.В., Данильчук Е.О. (ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко») Особенности современной лингвистической терминологии	24
Лашко А.А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Методика определения системы значений аббревиатур	31
Музалева В.Р. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Формальные модели эквивалентности в аббревиатурной группе «хим»	36
Рязанова В.А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Соотношение количественных характеристик в аббревиатурных группах	42
Сытник А.К. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Формальные модели эквивалентности в аббревиатурной группе «псих, психо»	47
Тахмазова С.В. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Сложнопроизводные обозначения устройств в формальном и ономаσιологическом аспектах	54
Штельман Т.А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Сложносокращённые онимы как формально-ономаσιологический тип аббревиатур	58

Литература и лингвистический анализ художественного текста

Бондаренко А.А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Особенности изучения творчества Ф.М. Достоевского на уроках литературы в средней школе	63
Ду Сянь (Волгоградский государственный социально-педагогический университет) Местоименно-междометные комплексы в русском художественном тексте и проблемы их перевода на китайский язык	69
Каримова А. А. (ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева») Концепция жизни и смерти в лирике С.А. Есенина	73
Кораблева А.В. (Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского) Роман «Бесы» Ф.М. Достоевского в аспекте теории симулякров Ж. Бодрийера	79
Кривошапова Н.В., Гулевич Д.А. (ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко») Стилистические возможности имен	84

прилагательных в лирике А.А. Мельничук	
Носивец А.В. (ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет») Глагольные средства выражения перцепции в письмах М.И. Цветаевой: функционально-семантический аспект	90
Стаканова А.Д. (ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет») Средства выражения мотива русалки в славянской поэзии (на материале произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и А. Мицкевича)	96
Суровежко Е.А. (ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет») Средства репрезентации поэтической картины мира Дианы Арбениной	102
Тыщук Д.С. (ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет») Духовно-нравственный контекст проблематики повести М. Абрамян, В. Постникова «Шоколадный дедушка»	108

CONTENTS

Derivation and Grammar

Agarkova M. Compound derivative otabbreviatural adjectives in the synchronous aspect	4
Bratcun D.A. Principles of description of the abbreviate onomasylogical field «geographical objects»	9
Budnyk S. A. Cognitive-onomasiological analysis of the verb to rest	14
Konovalova M.V. Analysis of functional homonymy of parts of speech in the russian language on the example of the "good" homocomplex	18
Krivoshapova N.V., Danil'chuk E.O. Features of modern linguistic terminology	24
Lashko A.A. Method for determining the system of abroconstruct values	31
Muzaleva V.R. Models of formal equivalence in the abbreviation group «chem»	36
Ryazanova V.A. The relationship of quantitative characteristics in the abbreviated groups	42
Sytnik A.K. Formal models of equivalence in the abbreviation group "psych, psycho"	47
Takhmazova S.V. Compound derivative designations of devices in formal and onomasiological aspects	54
Shtelman T.A. The compound-abbreviated name as a formal onomasiological type of abbreviations	58

Literature and Linguistic analysis of Literary Text

Bondarenko A. A. Features of studying F.M. Dostoyevsky at the lessons of literature in the secondary school	63
Du Xian Pronounal-intermething complexes in the russian artistic text and problems of their translation into chinese	69
Karimova A.A. The concept of life and death in the lyrics of S. A. Yesenin	73

Korableva A.V. Novel "Demons" F.M. Dostoyevsky in the aspect of the theory of simulacrs by J. Baudrillard	79
Krivoshapova N.V., Gulevich D.A. Stylistic possibilities of adjectives in the lyrics of A.A. Mel'nichuk	84
Nosivets A.V. Verbal means of expressing perception in M.I. Tsvetaeva: functional and semantic aspect	90
Stakanova A.D. Means of expressing the mermaid motif in slavic poetry (by the material of the works of A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov and A. Mitskevich)	96
Surovezhko E.A. Means of representing the poetic worldview of Diana Arbenina	102
Tysshuk D.S. The spiritual and moral contet of the problematic of the novel by M. Abrahyan, V. Postnikov «Chocolate grandfather»	108

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются. Статья присылается в виде прикрепленного файла электронного письма в формате * doc и * rtf, названных по фамилии автора, например: ivanov.doc. и ivanov.rtf. **Страницы не нумеруются.**

Объем статьи – 6 страниц (полных).

Размещение:

- формат бумаги – А 4;
- поля: сверху и внизу – 2,5 см., слева 3 см., справа 2 см.
- основной шрифт: Times New Roman , размер 12, стиль нормальный;
- абзацный отступ – 1 см.;
- межстрочный интервал – 1;
- первая строка – индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа)
 - вторая строка – инициалы (перед фамилией) и фамилия автора печатаются с выравниванием по правому краю жирным курсивом: *М.Н. Иванова*;
 - третья строка – название учебного заведения (*выравнивание по правому краю, курсив*);
 - четвертая строка – сведения о научном руководителе – печатается с выравниванием по правому краю курсивом в круглых скобках – (*Научн. рук. д.филол.н., проф. В.И. Теркулов*);
 - пятая (и при необходимости 6, 7 и т.д.) строка – название статьи – печатается большими буквами жирным шрифтом с выравниванием по центру;
 - через строчку – аннотация на русском языке (12 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова (3-5 слов, курсивом)
- текст набирается без переносов (выравнивание по ширине).
 - а. в тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (но не подчеркиванием);
 - б. для названий произведений используются "угловые" кавычки: «Война и мир»;
 - в. цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть "угловые" кавычки: «..."..."»;
 - г. необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

д. если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

е. Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую.
// В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М.Цветаева. Пригвождена...); если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.

(А.Пушкин. К портрету Каверина)

ЛИТЕРАТУРА (12 кегль без абзацного отступа). Словосочетание **ЛИТЕРАТУРА** (Жирный) выравнивается по центру страницы. Список литературы оформляется как нумерованный в алфавитном порядке; публикации, принадлежащие одному и тому же автору, располагаются в соответствии со временем их опубликования. Формат: абзацный отступ – 1 см., выравнивание по ширине. Описание производится на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках издания: [15, с. 12]; при необходимости указать том издания, его вписывают римскими цифрами после номера: [7, VII, с. 35-36] Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Образцы оформления литературы:

1. Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С.В. Андреева // Изд. 2. – Саратов: КомКнига, 2006. – 192 с.

2. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

3. Влавацкая М.В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2009, № 1. – С. 36–42.

4. Комаров, Г.В. Национально-культурная специфика новой лексики английского языка : автореф. дис. ... канд. филолог, наук: 10.02.19 – теория языка / Комаров Георгий Владимирович – Краснодар, 2007. – 24 с.

5. Берн Э. Игры, в которые играют люди (психология человеческих взаимоотношений) / Э. Берн. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/PHINO/BERN>

И т.д.

2. Далее приводятся инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по правому краю) **на английском языке.**

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),

- текст аннотации на английском языке (12 кегль)

- ключевые слова (курсив).

Образец оформления статьи:

УДК 81'42

Н.В. Гладкая

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. д. филол.н., проф. В.И. Теркулов)

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются основные функции и наиболее распространенные механизмы создания креолизованного текста в сфере интернет-коммуникации, а также его воздействие на адресата и влияние логоэпистемных единиц прецедентных феноменов на представителей различных лингвокультур. Актуальность темы обусловлена необходимостью создания системы базовых моделей формирования креолизованных текстов для более полного изучения типов связей (автосемантических и синсемантических) между вербальными и невербальными компонентами, что позволит глубже проникнуть в природу комического эффекта и определить степень влияния на реципиентов. В ходе исследования были определены роль и значение визуальной информации в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: прецедентное высказывание, интернет-коммуникация, пресуппозиция, фрейм-сценарий, прагматический потенциал

Текст текст текст ...

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР, серия литературы и языка. М., 1973. - Т. 32. - Вып. 1. - С. 84-90.
2. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. – М., 1996. - № 5. – С. 74-85.
3.

N. V. Gladkaya

THE PRECEDENT STATEMENTS AS A MAIN CHARACTERISTIC OF CREOLIZED TEXTS IN INTERNET COMMUNICATION

This article discusses the key features and the most common mechanisms of creating creolized text in the Internet communication, its impact on the recipient and the impact of logoepestems units precedent phenomena on members of a linguistic culture. The topic relevance due to the need to establish a system of basic models of formation creolized texts to better study the types of connections between verbal and nonverbal components that allow a deeper insight into the nature of the comic effect and determine the degree of impact on the recipients. It was identified the role and importance of visual information in the Internet communication.

Key words: precedent statement, Internet communication, presupposition, frame script, pragmatic potential

3. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают **рецензию** научного руководителя.
4. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений
5. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.